№1 (2) - 2011 ISSN 2181-032X

O’ZBEKISTON ARXEOLOGIYASI

АРХЕОЛОГИЯ УЗБЕКИСТАНА

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ
МУСТАҚИЛЛИГИНИНГ
20 ЙИЛЛИГИГА БАҒИШЛАНАДИ

ПОСВЯЩАЕТСЯ
20-ЛЕТИЮ НЕЗАВИСИМОСТИ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

DEDICATED TO THE
20-TH ANNIVERSARY OF INDEPENDENCE
OF REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Buyuk va muqaddassan, mustaqil Vatan!

Земля Узбекистана, на которой мы живем, является одним из древнейших и неповторимых очагов мировой цивилизации. Эта истина подтверждается множеством исторических и научных фактов.

На какой бы уголок Узбекистана мы ни обратили свой взгляд, обязательно увидим признаки первых ростков зарождения человечества в глубине тысячелетий. На каждом шагу, сталкиваясь с образцами древней культуры и искусства, убеждаемся в том, какая великая цивилизация существовала в наших краях.

Говоря об этом, мы имеем в виду стоянки первобытного человека в местности Селунгур Ферганской долины, Кульбулак — Ташкентской области, Узункыр — в Кашкадарье, множество других древних памятников, таких, как Афрасиаб в Самарканде, культовые сооружения зороастризма в Бухаре, уникальную книгу "Авеста", созданную на Хорезмской земле.

Словом, археологические находки, уникальные росписи, обнаруженные в подземных кладах, среди руин древних городищ, хранящих вековое молчание, а также степи и пустыни, еще полные нераскрытых тайн, безусловно, подтверждают тот факт, что на нашей земле издревле развивались великая культура и искусство.

В этом смысле никто сегодня не может отрицать огромный вклад наших предков в развитие всего человечества и мировой цивилизации. Доказательством тому служат сотни уникальных находок, памятники и предметы старины.

Ислам Каримов
Президент Республики Узбекистан

O’ZBEKISTON RESPUBLIKASI FANLAR AKADEMIYASI
Y. G’ULOMOV NOMIDAGI ARXEOLOGIYA INSTITUTI
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМЕНИ Я. ГУЛЯМОВА

O’ZBEKISTON ARXEOLOGIYASI

АРХЕОЛОГИЯ УЗБЕКИСТАНА

№ 1 (2)

Самарқанд - 2011

O'ZBEKISTON ARXEOLOGIYASI - АРХЕОЛОГИЯ УЗБЕКИСТАНА

Главный редактор
Темур Ширинович Ширинов

Заместитель главного редактора
Амриддин Эргашевич Бердимурадов

Ответственный секретарь
Мухтор Хасанович Пардаев

Редакционная коллегия:

к.и.н. Р. Абдиримов
проф. Н.А. Аванесова
к.и.н. А.А. Анарбаев
к.и.н. С.Р. Баратов
д.и.н. М.Х. Исамиддинов
д.и.н. Б.Х. Матбабаев
к.и.н. У.В. Рахманов
к.и.н. В.Д. Рузанов
к.и.н. Б.К. Сайфуллаев
к.и.н. Н.У. Холматов
к.и.н. К. Абдуллаев
к.и.н. Ш.Т. Адылов
к.и.н. Т.Дж. Аннаев
к.и.н. Г.И. Богомолов
к.и.н. Ф.А. Максудов
к.и.н. А.А. Раимкулов
к.х.н. М.А. Реутова
к.и.н. К. Сабиров
к.и.н. С.С. Суюнов
к.и.н. М. Хужаназаров

Редакционный совет:

акад. АН РУз А.А. Аскаров
акад. АН РУз Ю.Ф. Буряков
проф. Ф. Грене (Франция)
акад. РАН А.П. Деревянко (Россия)
проф. М.Дж. Джуракулов
акад. АН РУз У.И. Исламов
д.и.н. М.Ш. Кдырниязов
акад. АН РУз А.Р. Мухамеджанов
проф. К. Рапен (Швейцария)
акад. АН РУз Э.В. Ртвеладзе
д.и.н. А.С. Сагдуллаев
доктор С. Страйд (Англия)
д.и.н. Р.Х. Сулейманов
проф. У. Такао (Япония)
д.и.н. Т.К. Ходжайов (Россия)
к.и.н. Г. Ходжаниязов
проф. К. Шимчак (Польша)
д.и.н. В.Н. Ягодин

ARCHAEOLOGY OF UZBEKISTAN

Editor-in-chief
Temur Shirinovich Shirinov

Deputy Editor
Amriddin Ergashovich Berdimuradov

Secretary
Muhtor Hasanovich Pardayev

Editorial Board:

Dr. R. Abdirimov
Prof. N.A. Avanesova
Dr. A.A. Anarbaev
Dr. S.R. Baratov
Prof. M.H. Isamiddinov
Prof. B.H. Matbabaev
Dr. U.V. Rahmanov
Dr. V.D. Ruzanov
Dr. B.K. Sayfullaev
Dr. N.U. Holmatov
Dr. K. Abdullaev
Dr. Sh.T. Adylov
Dr. T.J. Annaev
Dr. G.I. Bogomolov
Dr. F.A. Maksudov
Dr. A.A. Raimkulov
Dr. M.A. Reutova
Dr. K. Sabirov
Dr. S.S. Suyunov
Dr. M. Hudjanazarov

Editorial Council:

Academician A.A. Askarov
Academician Yu.F. Buryakov
Prof. F. Grenet (France)
Academician A.P. Derevyanko (Russia)
Prof. M.D. M.D. Djurakulov
Academician U.I. Islamov
Prof. M-Sh. Kdyrniyazov
Academician A.R. Muhammedjanov
Prof. C. Rapen (Switzerland)
Academician E.V. Rtveladze
Prof. A.S. Sagdullaev
Dr. S. Stride (UK)
Prof. R.H. Suleymanov
Prof. U. Takao (Japan)
Prof. T.K. Hodjayov (Russia)
Dr. G. Hodjaniyazov
Prof. K. Shimchak (Poland)
Prof. V.N. Yagodin

МАҚОЛАЛАР

ПУБЛИКАЦИИ

САМАРҚАНД ВОҲАСИНИНГ ИБТИДОИЙ МАДАНИЯТ ТАРИХИ САҲИФАСИ

© 2011. М.Ж. Жўракулов
Самарқанд давлат университети

Мамлакатимизнинг азалдан муҳим таркибий сарҳадларини ташкил қилувчи Зарафшон ҳавзаси ҳудудида аждодларимизнинг бир неча минг йилликларга тенг, бой тарихи мавжуд. Асрлар оша илм-фан ва маърифат маркази бўлиб, жаҳон узра маданият дурдоналарини тарқатиб келган йирик марказий шаҳарлар шаклланган. Шулардан бири Самарқанд шаҳридир.

Самарқанд инсоният цивилизациясининг қадимий шаҳри ва марказларидан бири бўлиб, жаҳон маданияти, санъати ва фани тараққиётига беқиёс ҳисса қўшган шаҳарлардан биридир. Бу хусусият жаҳон илмий жамоатчилиги томонидан ҳам алоҳида қайд қилинган. Самарқанд ўзининг қарийб уч минг йиллик тарихи жараёнида ўз бошидан не-не ларзали тарихий силсилаларни кечирмади дейсиз, аммо бешафқат даврнинг шиддатли синовларидан омон қолиб, аждодларимизнинг узоқни кўзлаб яратган, интеллектуал меросини, фан ва маданиятимизнинг юксак ибратли фазилатларини авлодларга авайлаб етказиб келиш давомида ҳам хизмати буюк ва машҳур шаҳардир (Исамиддинов, 2002).

Самарқанд тарихи ҳақида турли даврларда турлича қарашларни ўзида мужассамлаштирган ўнлаб асарлар яратилган. Бу асарларда асосан шаҳар тарихи, қадимги ва ўрта асрлар даврларига бағишланган бўлиб, унинг энг қадимги, яъни ибтидоий маданият тарихи ҳақида тўлароқ, мукаммал асар эса ҳамон яратилган эмас. Тўғри, бу борада ҳам айрим уринишлар бўлган. Масалан, А. Асқаров ва Д. Левлар томонларидан «Самарқанд территориясида одамзот ҳаётининг энг қадимги излари» мақоласида ўтган асрнинг 70-йилларигача бўлган даврдаги маълумотлар қисқача ёритилган (Асқаров, Лев, 1971. С. 21-29).

Бундан ташқари, Самарқанд шаҳри ҳудудида ва унинг атроф музофотларида ўрганилган айрим ёдгорликлар ҳақида ҳам бир неча монографиялар ва илмий мақолалар нашр қилинган (Джуракулов, 1987; Холматов, 1991; Сулейманов, Тошкенбоев, 1980). Лекин Самарқанднинг ибтидоий давр тарихи, унинг ўзига хос ривожланиш тарихи ҳақида ҳамон яхлит бир асар яратилганича йўқ. «Самарқанд тарихи» китобининг нашр қилинганига ҳам 40 йилдан кўпроқ вақт ўтди. Кейинги даврларда шаҳарнинг ибтидоий маданият тарихини мукаммал, атрофлича таърифлаб берадиган янги ёдгорликлар кашф қилинди. Самарқанднинг энг қадимги даврларига доир илмий ишларни ҳамда сўнгги йилларда йиғилган манбаларни янги ёндашув асосида яхлит бир асар сифатида яратиш давр талабидир. Ушбу мақолада айнан шу муаммоларни қисқача ёритиш назарда тутилган.

Самарқанд шаҳри ҳудудида ва унинг теварак-атрофи музофотларида одамзод жуда қадимдан, яъни палеолит (қадимги тош асри) давридан яшаб келганлигини

тадқиқотлар тўлиқ исботлаган. Зарафшон ҳавзаси, айниқса, унинг бевосита Самарқанд шаҳри билан боғлиқ ўрта оқими минтақаси ўзининг жўғрофик жойлашиши, табиий иқлими ва экологик шароитининг муътадиллиги билан қадимги жамоалар эътиборини азалдан жалб қилиб келган.

Самарқанднинг илк тарихидан гувоҳлик берувчи маълумотлар, аслида XIX асрнинг 80-йилларига бориб тақалади. Жумладан, 1881 йилда Афросиёб (Самарқанд) нинг шарқий қисмидан Самарқанд – Тошкент йўлини қуриш вақтида геолог ва ёзувчи Д.Л. Ивановнинг палеолит даври чақмоқтош ўзагини, Н.И. Веселовский эса шу атрофдан вулқон (обсидиан) тошидан ишланган палеолит қирғиччасини топган эди (Джуракулов, 2000. С.10). Шунингдек, Даҳбет ва аввалги Войкова кўчасидан ҳам тош қуроллар топилган бўлиб, бу топилмалар Самарқанд палеолит макони ашёларини эслатарди (Асқаров, Лев, 1971. С. 23). Бу каби археологик топилмалар якка-ягона тарзда бўлса-да, Туркистон ҳаваскор археологлари тўгараги (ТҲАТ) аъзоларини ҳам қизиқтирган. Улар ибтидоий давр тарихи ҳақида маълумотлар тўплаш ва уларни ўрганишга, илмий мулоҳазалар юритишга интилганлар. Бироқ археолог мутахассисларнинг йўқлиги, чор ҳукумати илмнинг бу соҳаларини қўллаб-қувватламагани учун бу борадаги мулоҳаза ва тафсилотлар тўлиқ ва асосли ўрганилмади. Шундай бўлсада, турли миллат мутахассислардан таркиб топган – Туркистон ҳаваскор археологлар тўгараги аъзолари Ўрта Осиё археологиясини ўрганиш борасида қимматли маълумотлар қолдирганлигини алоҳида қайд этмоқ зарур. Археология фанининг бошланғич илк илдизлари XIX асрнинг иккинчи ярмига бориб тақалади, десак хато бўлмайди (Шишкин, 1969. С. 112-113). Бундан ташқари, ўтган асрнинг 70-йилларида ўтказилган тадқиқотлар туфайли Самарқанднинг кўҳна макони бўлган Афросиёб шаҳарчаси ҳудудининг бир неча жойларидан тош асри ашёлари топилган. Бу эса ўз вақтида ТҲАТ аъзолари бу музофотга алоҳида эътибор берганлиги беҳуда эмаслигидан далолат беради. Самарқанднинг кўҳна – жой макони бўлган Афросиёб шаҳарчаси ҳудудининг бир неча жойларидан тош асри ашёлари топилган (Ташкенбоев, 1974. С. 3). Хуллас, Самарқанд шаҳри вужудга келгунгача, яъни урбаник даврга қадар ҳам бу атрофда ибтидоий одамларнинг яшаб келганлигидан гувоҳлик берувчи археологик манбалар изланишлар натижасида топилди ва ҳамон топилмоқда.

Жумладан, 1930 йили Самарқанд жанубидан ўтадиган Дарғом канали қирғоқларидан Б.М. Кастальскийнинг микролит қуролларини топганлигини ва кейинчалик уларни Санкт-Петербургдаги Давлат Эрмитажига топширганилиги (Массон, 1939. С. 111), 1939 йили Сиёбча сойининг ўнг қирғоғида Самарқанд палеолит макони, ундан сал пастроқда ва шу атрофдаги аввалги Овражная кўчаси бўйлаб, 1940 йили ўрта палеолит даврига доир иккита қўл чопқиси топилмалари (Григорьев, 1940. С.89-90), шу йили эса Н.Г. Харламов аввалги Иванова парки ҳудудида, Сиёбча ариғининг ўнг қирғоғида кичик қазишмалар ўтказиши натижасида, палеолит даври меҳнат қуроллари қайд этилган эди (Самарқанд Давлат музейи архиви. Ҳисобот. №297, коллекция №А17). Ўша йил кузида бу маконда М.В. Воеводский ва В.В. Шумовлар ҳам қазишмалар ўтказиб, йирик ҳайон суяклари, асосан, ёввойи от суяклари билан айлантириб олинган гулхан қолдиғи ва бир неча меҳнат қуроллари, тош учириндилари топишиб, бу ерда палеолит кишиларининг катта макони мавжудлигини аниқлашган эди (Воеводский, 1942. №2; Шишкин, 1969. С. 112-113). Аслида бу жой 1917 йилги инқилобга қадар «Иванов парки» деб аталиб, кейинчалик «Динамо», «Комсомол кўли» номлари билан Самарқанд тарихига кирган (Шишкин, 1969. С.117). Афсуски, иккинчи жаҳон уруши туфайли И.А. Сухарев, Г.В. Григорьев, П.В.

Лифиренко каби ташаббускор олимлар жангда ҳалок бўлдилар ва Самарқанд маконининг ўрганилиш ишлари 1958 йилга қадар тўхтаб қолди. Фақат 1958 йили ЎзФА тарих ва археология институтининг, хусусан, В.А. Шишкиннинг ва Я.Ғ. Ғуломовнинг астойдил қўллаб-қувватлаши натижасида, Самарқанд давлат университети доценти, археолог Д.Н. Лев раҳбарлигида бу ёдгорликларни ўрганиш бўйича кенг кўламдаги режали тадқиқот ишлари бошланди ва қизиқарли илмий натижаларга эришилди (Лев, 1964. С. 5-109). Шундай қилиб, Самарқанд тарихида алоҳида аҳамиятга эга бўлган кўп маданий қатламли ёдгорлик кашф қилинди. Бу кашфиётлар ва топилмалар ҳақида кейинги сатрларда хронолгик навбат билан алоҳида сўз юритамиз.

1963 йили Даҳбет кўчасида янги бино қурилиши давомида ўрта палеолит меҳнат қуроллари, 1969 йили Регистон майдонидаги музей қурилиш ишлари давомида топилган тош қуроллар ҳамда 1969-1970 йилларда Афросиёбнинг шимолий қисмида бажарилган тадқиқот ишлари давомида тош асрининг турли даврига доир ашёлар, Дарғом канали бўйлаб 1960 йилда О. Обельченко ва 1985 йилда Б. Ботиров томонидан ўтказилган дала кузатув ишлари вақтида, шунингдек, бошқа тадқиқотчиларнинг йиққан топилмалари ҳам Самарқанд ва у билан боғлиқ атроф ҳудудларда одамзот жамоалари ўрта палеолит (100-40 минг йиллар бундан аввал) давридан эътиборан яшаб, маданият яратиб келганлигидан гувоҳлик берувчи дастлабки манбалар сифатида эътироф этилган эди (Джуракулов, 2000. С. 11).

Шу ўринда эслатиб ўтиш лозимки, Самарқанднинг Афросиёб номи билан аталиб келинган кўҳна тарихи билан қизиқиш ва уни қисман бўлса-да, археологик ўрганиш ишлари XIX асрниг 70-йилларида бошланган бўлиб, бу ҳаракатлар замон зайлига хос ҳолатда, даврий равишда ўтказилган эди. Самарқанд шаҳри ва унинг атрофидан топилган ёдгорликларни ҳам том маънода ўрганиш йўлга қўйилган эмас эди. Оқибатда шаҳар тарихининг асл моҳияти эса илмий жиҳатдан асосли ёритилмасди. Бугунги кунга келиб, Ватанимиз тарихини ҳаққоний, одилона, илмий асосда ўрганиш мустақиллик туфайлигина юзага чиқди. Бу борада олимларимиз катта илмий тадқиқот ишлари бажаришди, натижада Самарқанд шаҳрининг ёши 2750 йилдан зиёд ва бу шаҳар жаҳон цивилизациясининг кўҳна марказларидан бири эканлиги асослаб берилди.

Бинобарин, Самарқанд ва унинг билан боғлиқ музофот урбаник даргача бўлган кўҳна тарих ҳақида маълумот берувчи ва юқорида зикр этилган археологик топилмалар ибтидоий давр маданият изларидан гувоҳлик берувчи дастлабки маълумотлар ҳисоблансада, келажакда бу атрофда кенг кўламда режали тадқиқот ишларини йўлга қўйишни тақозо қиларди. Бу каби мақсадли тадқиқот ишлари 1944 йилдан бошланиб, Самарқанд давлат университети олимлари, хусусан, археолог Д.Н. Лев унга ташаббускор бўлган эди. Уни қийинчилик йилларда И.М. Мўминов, А.В. Шишкин, кейинчалик Я.Ғ. Ғуломов, М. Аминов сингари раҳбар олимлар қўллаб-қувватлаганлиги туфайли Д.Н. Лев Самарқанд атрофида кенг кўламда археологик дала тадқиқот ишларини бошлаб, муҳим натижаларга эришди. Д.Н. Лев археологик тадқиқот ишларни университет тарихчи талабалари дала амалиёти билан боғлиқ ҳолда олиб борган бўлсада, бу иш яхши самара берди. Д.Н. Лев раҳбарлигидаги СамДУ археологик гуруҳи дастлаб ишни Самарқанд атрофи билан боғлиқ музофотларни текширишдан бошлади. Натижада, 1947 йили март ойида тарихчи талабалар иштирокида Ургут тоғининг Тахтақорача довонидаги Омонқўтон қишлоғи яқинида жойлашган иккита ғорни текшириб, уларда ўрта палеолит (100-40 минг йиллар аввал) даврида инсон гуруҳлари яшаганлигини аниқлади. Уларнинг бири – Омонқўтон, иккинчиси – Така-

лисой номлари билан тарихга кирди. Бу топилмалар Сурхондарё воҳасидаги Тешиктошдан кейинги галдаги муҳим кашфиётлардан бири бўлиб, фанда ўз вақтида катта шов-шувларга сазовор бўлган бу илмий янгиликлар Ватанимиз ҳудуди кенг сарҳадларида жуда қадимги даврлардан бошлаб инсон жамоалари яшаб, ўз даврига хос ва монанд маданият яратиб келганлигидан гувоҳлик берарди. Давид Натанович Лев (1905-1969) Санкт-Петербург археология мактабининг йирик намоёндаларидан бири, атоқли олим В.А. Городцовнинг шогирди эди. Уни 1944 йили музей илмий ходими сифатида фаолият юритиб юрган бир вақтда Мусо Мўминов университетга ишга таклиф қилган. У эса ўзининг бутун илмий, педагогик, тарбиявий фаолияти билан бу ишончни тўла оқлади ва ибтидиой маданиятимиз тарихини қунт билан ўрганиш борасида катта илмий кашфиётларни юзага чиқарди. У университетимиз шаънига ифтихор келтирган илму фан ва таълимнинг жонкуяри сифатида фаолият юритди. Шу боисдан ҳам уни Я.Ғ. Ғуломов, И.М. Мўминов, В.А. Шишкинлар доим ҳурмат қилар, қўллаб-қувватлаб турарди.

Омонқўтон палеолит даври ғорининг очилиши муҳим аҳамиятга эга бўлди. Ғор коридорсифат бўлиб, узунлиги 29,5 метр ва одам бемалол юрса бўладиган макон. Ёдгорлик 10 йил давомида (1947-1957) Д.Н.Лев раҳбарлигидаги СамДУ археологик гуруҳи томонидан қазиб ўрганилди. Қазиш ишлари давомида ҳар йили тарих факультети талабалари иштироки таъминланди. Тадқиқот давомида 120 га яқин ашёлар топилиб, бу коллекцияда турли тош буюмлар, жумладан, найза тиғлари, қирғичлар, тишли парахалар, ўзаклар, ишлов берилган учирмалар ва бошқа меҳнат қуроллари тақдим қилинган (Лев, 1949. С.105-119). Шунингдек, ўша давр одамларига замондош бўлган бой ҳайвонот дунёси қолдиқлари топилган бўлиб, бу манбалар нафақат неандертал жамоалари турмуши, шунингдек, тўртламчи давр табиати, иқлими, ўсимлик дунёси, экологияси каби масалаларни ойдинлаштиришда ҳам муҳим манба ҳисобланади. Омонқўтон одамлари сайёҳ овчилик ва термачилик билан тирикчилик қилишган. Ғорда тахминан 10-15 кишидан иборат бўлган бир гуруҳ овчилар яшаган. Ғордан сайёҳ овчилар ўзларининг бу музофотдаги асосий қўнимгоҳ лагери сифатида фойдаланишган. Дарҳақиқат, П.П. Ефименко ўрта палеолит даврида «у ёки бу тарзда сайёҳ овчиларнинг муайян тарзда қўним яшашга ўтиши сезила бошланди», деган хулосасини берган эди (Ефименко, 1953. С. 239).

Демак, макондан топилган гулхан қолдиғи, ўчоқ ва бой қазилма ҳайвон суякларининг топилиши бу гуруҳ жамоаларининг муайян даражада бу ерларда доимий яшаганлигидан далолат беради. Омонқўтонликлар, асосан, тоғ қўйи (муфлон), айиқ, ибтидоий буқа, морал (буғу) сингари жониворларни ов қилганлар (Бибиков, 1958. №3). Ўрта палеолит даврида овчиликнинг ихтисослашуви вужудга келади. Бу ҳодисани омонқўтонлик ибтидоий кишилар турмушида ҳам кузатиш мумкин эди. Масалан, бу макон эгалари асосан тоғ қўйи (архар)ни ов қилганлар (Лев, 1960. С. 16-20). Омонқўтонлик сайёҳ овчилар қўшни музофотларда яшаган гуруҳлар билан муайян ўзаро маданий алоқалар ўрнатганилигини кузатиш мумкин. Масалан, бу макондан топилган меҳнат қуролларининг ясалиши техник-технологияси кўпроқ Зарафшон воҳасининг Қўтирбулоқ, Зирабулоқ маконлари ашёларига ўхшашлиги кузатилган (Ташкенбоев, Сулейманов, 1980. С. 68). Бундан ташқари, Омонқўтон тош индустриясини Д.Н. Лев Тешиктош, Амир Темур ғор маконларига яқинлигини эътироф қилади (Лев, 1960. С.17). Макон ўрта палеолит даврининг ривожланган босқичига доирлиги олимлар томонидан тан олинган (Ранов, Несмянов, 1973. С. 87).

Такалисой ғори 1952 йили Д.Н. Лев томонидан кашф этилган ва ўрганилган. Бу ғор макони ҳам Омонқўтон ғорига яқин ерда жойлашган (Лев, 1953. С. 105-106). Макон ўрта палеолит даврининг сўнгги босқичи бўлиб саналанган. Макондан ўзаклар, ишлов берилган пичоқсимон парақалар, ҳар хил шакл-шамойилдаги учриндилар топилган. Ўчоқ, гулхан аломатларининг кузатилмаганлигига ва инвентарларнинг камчилигига қараганда, бу ғор сайёҳ овчиларнинг мавсумий қароргоҳи бўлган бўлиши мумкин, деган тахминий қарашларни шакллантирган. Тадқиқотчи Д.Н. Левнинг фикрига қараганда, бу ердан топилган тош ашёлар Тешиктош доирасига кирувчи ёдгорликларга хос (Лев, 1967. С.107). Қўтирбулоқ маконини текширган Тошкенбоев Н.Х. бу макон манбаларининг Қўтирбулоқ ўрта палеолит даври ёдгорлигига яқин ўхшашлиги ҳақида фикр юритади (Ташкенбоев, Сулейманов, 1980. С. 69).

Шундай типдаги маконлардан яна бири Гўрдара, Зарафшон тизма тоғининг шимоли-шарқий қиясидаги баландликда жойлашган бўлиб, ёдгорлик 1966 йили А. Асқаров ва Н. Тошкенбоевлар томонидан очилган ва қисман ўрганилган. Топилма тош инвентар таркибида ўзаклар, ишлов берилган парақа ва турли шаклдаги учриндилар мавжуд. Бу макон айни вақтда тўлиқ ўрганилган эмас. Топилмалар Н. Тошкенбоевнинг хулосасига кўра, ўрта палеолит даврига оид, деган тушунчани илгари суришга асос бўлган (Ташкенбоев, Сулейманов, 1980. С. 66).

Кенг қидирув археологик ишлар туфайли нафақат тоғ массивлари, шунингдек, чашма, дарё соҳилларида, очиқ жойларда яшаган ўрта палеолит маконлари ҳам топиб ўрганилган. Шулардан, навбатдагиси, ўрта Зарафшон воҳасида жойлашган Қўтирбулоқ ва Зирабулоқ маконлари қизиқарли манбалар берганлигини алоҳида қайд этмоқ зарур. Шу нарса маълум бўлдики, ўрта палеолит даврида яшаган сайёҳ овчилар ўзлари учун маъқул экологик бурчакларни излаб топишга интилганлар. Улар бундай жойларда ўзларига оддий, чайласифат капалар қуриб яшашган бўлишлари ҳам мумкин. Шундай маконлардан бири Қўтирбулоқ ҳисобланади. Маконнинг кўп қатламлиги, бу ерда овчилар гуруҳи муайян даврда мўқим яшаганлигидан далолат беради.

Қўтирбулоқ Чархин қишлоғига яқин жойда, қадимги чашма атрофида жойлашган бўлиб, у 1971-1972 йилларда ўрганилган (Ташкенбоев, 1973. С. 28). Макон 5-та маданий қатламдан иборат. Аслида бу қароргоҳ ЎзФА археология институтининг Ю.Ф. Буряков раҳбарлигидаги Ўрта Зарафшон экспедицияси томонидан 1971 йилда кашф қилинган, кейинчалик уни Н.Х. Тошкенбоев ўрганишга киришган. Қазишма ишлари давомида тошдан ясалган кўплаб хилма-хил меҳнат қуроллари қўлга киритилган бўлиб, топилмалар ўрта палеолит даврига оидлиги исботланди. Шунингдек, макондан бу ерда яшаган неандертал жамоаларининг ов объектлари бўлган фил, от, буқа, қулон, бухоро буғуси ва бошқа ҳайвонларнинг суяк қолдиқлари, гулхан ва ўчоқ излари топилди. Макон манбаларининг тадқиқоти шуни кўрсатдики, юқори қатламдан топилган тош индустрияда пастки қатламга қараганда муайян такомиллашиш сари ўзига хос тарзда ривожланиб бориш ҳамда ўзгариш бор. Бу манзара маконда инсон жамоалари узоқ давр мобайнида яшаганлигидан, ўз тирикчилик қуролларини доим такомиллаштириб борганлигидан далолат беради. Инсон жамоалари узоқ яшаган маконларда, одатда, ярим ертўла, чайласифат капа қурилмалари бўлиши мумкин. Бироқ Қўтирбулоқда бу ҳодиса излари айнан кузатилмаса-да, бу ердан топилган гулхан ва ўчоқ қолдиқларининг далолат беришича, маконда узоқ вақтлар ҳаёт бўлганлиги, улар эса ўз капаларига эга бўлганлиги, макон эса овчиларнинг таянч лагери бўлганлигидан дарак беради. Бу эса тўлиқ илмий асослашни талаб этади.

Макондан топилган литологик манбалар 10 минг нусхадан зиёдроқ коллекцияни ташкил қилади. Бу қурол ясаш учун зарур хом ашёни шу атрофда жойлашган чақмоқтош конидан олинган, деган тахминий фикрни юзага чиқаради. Барча топилмалар, асосан чашма атрофидан йиғилган. Демак, бу ердаги чашма илк палеолит даврида ҳам мавжуд бўлиб, айни кунларга қадар ҳам одамзод қадами бу ердан узилмаган (Ташкенбоев, Сулейманов, 1980. С.18-20).

Ўрта палеолит даври жамоалари тошдан турли қуроллар ишлаб чиқариш технологиясини ўзлаштириб олганлар. Масалан, тош қирғичлардан ҳайвон терисини қайта ишлашда фойдаланадиган ҳамда ёғочга ишлов берадиган рандасифат қуроллар ясашган. Шунингдек, улар ҳар хил тешгич, кесувчи қуролларни, қўл чопқиларини, найза тиғларини устамонлик билан ясашни билишган (Шилинский, 1975. С.33). Тадқиқотчи Н. Тошкенбоев Қўтирбулоқ макони маданий қатламлари билан боғлиқ манбаларни ўрганиш асосида меҳнат қуролларининг доимий такомиллашиб бориши ва уларни пешма-пеш тараққиёт эволюциясини кузатди. Бу манзара макон эгаларининг содда қуроллардан ихчам, турмушбопларини ишлаб чиқариш жараёнини англатар эди. Шунингдек, олимлар Қўтирбулоқ ибтидоий кишилари яратган меҳнат қуролларида фойдаланилган техник-технологик услуб Тешиктош, Омонқўтон, Обираҳмат, Зирабулоқ ўрта палеолит даври жамоаларининикига ўхшашлигини эътироф қилишади (Ташкенбоев, Сулейманов, 1980. С. 20-61). Бу каби таҳлил ва тафсилот бизнинг назаримизда ҳам илмий асосга эга.

Хуллас, Қўтирбулоқ маконининг ўрганилиши юртимиз ибтидоий кишилари маданияти тарихини тадқиқ қилишда алоҳида ўрин тутади. Қурол ишлаб чиқариш технологияси маданиятига кўра, Қўтирбулоқ макони ўрта палеолит даврининг ривожланган босқичига мансубдир.

Ўрта Зарафшон ҳавзасида ўрганилган ўрта палеолит даври ёдгорликларидан яна бири Зирабулоқ макони бўлиб, у Қўтирбулоқ маконидан 1 км шарқроқда, шу ном билан юритиладиган Зирабулоқ чашмаси атрофида жойлашган. Ёдгорлик 1971 йилда очилган ва кейинчалик, бу маконда дастлаб Н. Тошкенбоев, 1977-1978 йилларда Самарқанд давлат университети археологлари қизиқарли текширув ишлари олиб бордилар ва натижада, бой археологик манбалар тўпланди (Жўрақулов, 1982. 4-20 б.). Қазишмалар давомида шу нарса маълум бўлдики, маконнинг бир қисми қишлоқ хўжалик мақсадида ўзлаштирилганлиги туфайли зарар кўрган, аммо айрим жойларида бирламчи қатламлар сақланган (Ташкенбоев, Сулейманов, 1980. С. 61-66). Маданий қатламлар билан боғлиқ тупроқ қалинлиги айрим участкаларда 1 метрдан 1,5 метргача етади. Қазишмалар давомида 1000 дан зиёд тош буюмлар қўлга киритилган бўлиб, бу коллекция таркибида ҳар хил ҳажмдаги ўзаклар, қирғичлар, найза тиғлари, пичоқсимон парақалар, рандалар, пичоқсимон қуролларни учратиш мумкин. Меҳнат қуролларининг ясалиш техник-технологик хусусиятларига қараганда, бу макон ўрта палеолит даврининг ривожланган босқичида вужудга келган. Бу манзара ўрта Зарафшон ўрта палеолит даври маданиятининг узлуксиз, доимий ривожланишда бўлганлигидан далолат берувчи омилдир. Зирабулоқ макони манбалари илк маданият тарихимизни ўрганишда муҳим манба бўлиб ҳисобланади.

Дарҳақиқат, Самарқанд атрофи музофотларида ўрганилган Омонқўтон, Гўрдара, Қўтирбулоқ, Зирабулоқ макону манзилгоҳларининг ўрганилиши, ўрта палеолит даврида бу ҳудуд ибтидиой неандертал жамоалари томонидан тиғиз ўзлаштирилганлиги, шунингдек, бу жамоалар маданияти прогрессив йўналишда бўлиб, қўни-қўшни жамоаларининг турмуш тарзига ҳам ижобий таъсирини кўрсатган, албатта. Бу манзара

Зарафшон воҳаси ўрта палеолит даври маданиятининг муҳим хусусиятларидан эди (Жўрақулов, 1984. 56-60 б.).

Хуллас, Ўрта Зарафшон воҳасида ўрта палеолит даври маданияти автохтон, яъни туб жойли негизда вужудга келиб, ўз даврига нисбатан юксак бўлган ва ана шу маданият тараққиёти негизида эса бу минтақада сўнгги палеолит маданияти шаклланган ва ривожланган (Жўрақулов, 2000. 20-21 б.). Бу даврга тегишли ёдгорликлардан Самарқанд, Сиёбча ва Хўжамазгил маконлари ҳақида фикр юритамиз.

Самарқанд сўнгги палеолит макони илк уруғчилик жамоасига мансуб бўлиб, макон 1958-1973 йилларда тўла қазиб ўрганилди. Бу ерда иш олиб борган археологик гуруҳга 1969 йилга қадар Д.Н. Лев, сўнг эса ушбу сатрлар муаллифи раҳбарлик қилди. Қазишмалар давомида маконнинг бирин-кетин ташкил топган ва ривожланган уч маданий қатламдан иборат эканлиги маълум бўлди. Маданий қатламлар сарғиш соғ тупроқда жойлашган бўлиб, у геологик жиҳатдан Мирзачўл цикли деб аталган даврнинг иккинчи ярмига тўғри келади (Ранов, Несмянов, 1973. С. 44). Умуман олганда, макондан 8 мингдан кўпроқ тош буюмлари топилди. Бу катта коллекция таркибида ибтидоий одамлар ясаган хилма-хил қурол-аслаҳалар, жумладан, қўл болталар, қирғич ва рандалар, найза учлари, пичоқсимон қуроллар, ушатгичлар, сандонлар, кескич асбоблар, понасимон қуроллар, ишлов берилган турли шакл ва шамойилдаги учриндилар, ўзаклар сингари буюмлар тақдим қилинган. Чақмоқтош ва диаритдан ясалган турли ҳажмдаги сандонлар, айниқса, диққатга сазовордир. Булардан тош қуролларни кертиш, уларга кескир тиғлар чиқаришда фойдаланилган. Ясалиб тугалланмаган қуроллар – ярим фабрикатлар, шунингдек, кўпгина тош парчалари ҳам топилди. Чақмоқтош учирмаси – чиқиндиларнинг сон-саноқсиз кўпчилигига қараганда маконда тошдан қуроллар ясайдиган устахона бўлган (Лев, 1964. С. 33-36). Қуроллар ичида ҳайвон терисини шилиш учун қўлланган қирғичлар, суякдан ясаладиган буюмларни ишлаш учун мўлжалланган кескичлар диққатга сазовордир. Қуроллар орасида четлари ботиқ тиғли парақалар алоҳида ажралиб туради. Қадимги одамлар бу ускуналар ёрдамида ёғоч буюмларни рандалаганлар. Самарқанд макони уч маданий қатламдан иборат бўлиб, айниқса, пастки иккала қатламдан топилган ашёлар муайян тарзда қадимийроқ ва юқори қатлам манбалари эса бир мунча такомиллашган кўринади. Бу манзара маконнинг узоқ вақтлар овчи жамоаларнинг муайян қўнимгоҳ жойи – таянч лагери бўлганлигидан, манбалар эса пешма-пеш тараққиёт эволюциясидан гувоҳлик беради. Сўнгги 3-4 йил давомида Самарқанд маконининг тош индустрияси трасологик технология анализидан ўтказилди. Бу изланишлар шуни кўрсатдики, биз авваллари меҳнат воситалари ишлаб чиқариш чиқиндиси деб билган учринди ва бошқа тош синиқларининг аксарияти турмуш юмушларида ишлатилганлиги, шунингдек, қуроллар таркибининг ҳам анча кўплигидан далолат беради. Биз авваллари «чиқинди» деб билган тош парчаларининг 87% дан кўпроғи меҳнат қуроллари бўлиб чиқди (Коробкова, Джуракулов, 2000. С. 434-450). Қуроллар асосан юқори сифатли чақмоқтошдан, халцедондан ва бошқа қаттиқ тош жинсларидан тайёрланган. Тош қуроллар учун хом ашё макондан тахминан 8 км чамаси шимолроқда жойлашган Чўпонота массивидан келтирилган. Маконда чақмоқтошли сланец хом ашёсидан ясалган қуроллар ҳам учрайди. Бундай «хом ашё» Улуғбек расадхонаси яқинида янада кўпроқ учрайди (Аскаров, Лев, 1971. С. 22-23).

Археологик қазишмалар давомида қадимги ҳайвон ва ўсимлик қолдиқлари, гулхан излари, табиий бўёқ (охра) қолдиқлари топилди. Меҳнат қуролларининг пастки икки қатламидан топилган нусхалари ўрта палеолит даврига ўхшашлиги кузатилади. Шу-

нинг учун ҳам Д.Н. Лев бу маконни сўнгги палеолитнинг бошланғич тараққиёт босқичига мансуб деб хулоса чиқарган эди. Меҳнат қуроллари орасида тош учриндиларидан ишланган понасимон қуроллар ўзига хос қизиқарли бўлиб, бу ҳолат Зарафшон воҳаси палеолит ёдгорликларида фақат Самарқанд макони жамоаларига хосдир (Лев, 1967. С. 30).

Макон индустриясида қайроқтошлардан ясалган, одатда тиғлари икки-уч йирик кертиш усули билан ўткирланган тош болталар қизиқарлидир. Бундай қуроллар археологияда чоппер ва чоппинг деб ҳам аталади. Шундай қадимги қуроллардан бўлган болталардан бирининг узунлиги 16 см бўлиб, у қурол ясаладиган «устахона» дан топилган.

Самарқанд маконида қазишмалар ўтказилган вақтда ёввойи ҳайвонларнинг кўплаб суяклари топилиб, улар синдирилган ва оловда куйдирилган. Аниқса, зоти жиҳатидан Прежевалський отларига яқин бўлган қадимий отларнинг суяклари кўплаб топилган. Бу манзара овчиликнинг муайян жониворларга ихтисослашганлигидан далолат беради. Тўртламчи даврга мансуб ёввойи туя, буғу суяклари, ҳайвон, шохлари, шунингдек, Эрон билан Афғонистонга чегарадош Қорақумнинг Бадхиз қўриғида ҳозир ҳам учраб турадиган плейстоцен даври ёввойи эшагининг суяклари қайд этилган. Маконда ибтидоий одамларнинг чайласимон капаларининг излари ҳам учрайди. Аввалари қоя ости, ғорлар ва унгурлардан ибтидоий овчилар бошпана сифатида фойдаланган бўлсалар, сўнгги палеолит даврига келиб, улар «ғордан чиқиб», ўзлари учун тураржой қура бошлайдилар. Бу ҳодиса сайёҳликдан муайян кўним яшаш сари интилиш эди. Натижада, одамлар биргина тоғли музофотларда, ўрмонларда эмас, балки текисликларда, кичик дарё ва кўлларнинг соҳилларида, хуллас, ўзларига маъқул экологик бурчакларни танлаб, янги музофотларни ҳам ўзлаштира бошлаганлар.

Самарқанд маконида топилган чайла изларининг майдони 100 м^2 дан кўпроқ бўлиб, у деярли тўғри бурчак шаклига эга бўлганлигини тадқиқотлар исботлайди. Чайла сой бўйига жойлашган ва ибтидоий уруғдошларнинг кундалик ҳаёти шу сой соҳилида овчилик ва термачилик билан ўтган. Макон атрофидаги чакалакзорларда турли ҳайвонлар яшаган. Бу эса овчиларга катта қулайликлар туғдирган.

Топилмалар сўнгги палеолит даврида муҳим ижтимоий ҳодисалар юз берганлигидан дарак беради. Шулардан муҳими уруғчиликнинг, она уруғининг (матриархат) ташкил топиши ва шаклланиши билан боғлиқ. Самарқанд маконини ўрганиш вақтида (1962) сўнгги палеолит даври одам қолдиғининг топилиши фақат археологларда эмас, балки антропологларда ҳам тарихимизга катта қизиқиш уйғотди. Одам қолдиғи 3 метр 20 см чуқурликда пастки жағ суяги тўққизта тиш билан бирга топилди. Антропологлар бу топилмани 25 ёшлардаги аёлга тааллуқли бўлса керак, деб хулоса бердилар. Бу ердан 1964 йили ёмон сақланган йирик ҳайвон қовурғаси топилди. Унга ибтидоий одам томонидан бешта махсус белги чизилган. Бу ҳодиса уларда абстракт тушунчанинг эндигина шаклланиб бораётганидан гувоҳлик беради деган хулосага олиб келади. Шу йилнинг ўзида маконнинг 2 м 55 см чуқурликдаги маданий қатламидан махсус тешикли иккита денгиз чиғаноғи топилган бўлиб, улардан зебзийнат буюми сифатида фойдаланилган. Бундай чиғаноқлар фақат Ҳинд уммони, Қизил денгиз ва Форс қўлтиғи тропик минтақаларида учрайди. 1965 йилда айнан шундай чиғаноқ Самарқанднинг Даҳбет кўчасида 6 метр чуқурликда ҳам топилган эди. Бу манзара сўнгги палеолит даврида Ўрта Осиё қабилалари билан Ҳинд уммони соҳилларида яшаган қабилалар ўртасида муайян маданий алоқалар бўлганлигидан

гувоҳлик беради. Балки бу чиғаноқлар Самарқанд ҳудудига маҳсулот айрибошлаш натижасида келиб қолганлиги ҳақида маълумот бериши ҳам мумкин. Қадимги одамларнинг зеб-зийнат буюмлари 1965-1967 йилларда бу маконни қазиш давомида ҳам топилди. Жумладан, данаксимон шаклдаги суякдан силлиқланиб ясалган 9 та тақинчоқ топилди. Уларнинг иккитасида тешикчалар бўлиб, қолганларида ҳам уларни тешишга ҳаракат излари бор. Шунингдек, макондан катталиги жиҳатидан бир хил бўлган, думалоқ шаклдаги иккита, юпқа, оқ қайроқтош топилган. Улардан бирининг айнан ўртасида тош бурғу излари яхши сақланиб қолган. Бу эса сочга тақадиган ва бўйинга осадиган тош тумор ясаш учун тайёрланган ашё бўлиб, улар қадимий одамларнинг безак буюм ясаши учун мўлжалланган. 1967 йили маконни қазиш ишлари давомида маданий қатламнинг юқори қисмидан ажойиб топилма қўлга киритилган бўлиб, унинг ўртаси силлиқланган ва айланаси бўйлаб тўғри чизиқлар тортилган юпқа думалоқ шаклдаги тасвир, эҳтимол, одамнинг қадимги тафаккури билан боғлиқ деган фикрларни юзага чиқаради (Аскаров, Лев, 1971. С. 27).

Шундай қилиб, Самарқанд сўнгги палеолит маконини кенг кўламда, режали асосда қазиб ўрганиш туфайли, нафақат, Самақанд шаҳри, шунингдек, мамлакатимиз тарихини ўрганишда бу ёдгорлик ўзига хос асосий манбалардан бири ҳисобланади. Макон тош индустрияси, шунингдек, санъат буюмлари топилмалари қадимги аждодларимиз яшаган даврига нисбатан юксак маданият ижодкорлари бўлиб, бу тараққиёт туб, маҳаллий негизда юзага келган. Самарқанд макони ва унга ёндош музофотларда ўрганилган палеолит ёдгорликлари манбалари Ўрта Зарафшон ҳавзасида содир бўлган маданий ўзгаришлар эволюцион йўл билан, пешма-пеш динамик ривожланишда бўлиб, қўни-қўшни музофотларда яшаган қабилалар турмушига ҳам ўзининг ижобий таъсирини кўрсатган. Самарқанд палеолит макони нафақат Зарафшон ҳавзасида, шунингдек, ўзининг хилма-хил бой манбалари билан бутун Марказий Осиёда эталон ёдгорлик ҳисобланади (Журакулов, 1984. 34-38 б.).

Шуни алоҳида қайд этиш лозимки, Самарқанд маконининг санаси ҳақида олимлар орасида турлича қараш ва мулоҳазалар мавжуд. Жумладан, В.А. Ранов бу ёдгорликнинг ёшини палеолитнинг энг сўнгги босқичига мансуб деган фикрни илгари суради (Ранов, 1969. С. 46). Мутахассислар маконнинг маданий қатламларининг геологик жойланишини ўргандилар. Уларнинг фикрича, геологик ва археологик нуқтаи назардан қаралганда, Самарқанд маконининг ёши юқори плейстоценнинг – Q 3 босқичига тўғри келади. Геолог Э.Д. Мамедовнинг фикрига қараганда, маконнинг ёши сўнгги палеолитнинг ривожланган фазасига тўғри келади (Джуракулов, Мамедов, 1986. С. 55). Самарқанд палеолит макони тош индустриясининг қатор йиллар трассологик технологияси асосида қунт билан ўрганган Г.Ф. Коробкова ҳам ёдгорликнинг В.А. Ранов айтганидан анча қадимги эканлиги ҳақида хулосалар чиқарган (Коробкова, Джуракулов, 2000. С. 35).

Самарқанд маконининг Ўрта Осиё халқлари тарихида тутган муҳим ўрни ҳақида йирик палеолитшунос олимлар юқори баҳо беришган (Ефименко, 1964. С. 15; Борисковский, 1964. С. 18).

1969 йил ёз пайтларида Самарқанд сўнгги палеолит маконидан 1,5-2 км шимолроқда, шу макон жойлашган чашма Сиёб ариғи қадимги узанининг Сиёб дарёчасига қўшилган қирғоғида сўнгги палеолит даврига доир яна бир макон сифатида қайд этилади. Бу макон Ў. Алимов томонидан топилиб, кейинчалик уни Н. Тошкенбоев қазиб ўрганади. Дастлаб Н. Тошкенбоев тепалик қияларининг стратиграфиясини таҳлил этиб, сўнгра бу атрофда 4 жойда кичик қазишма ишларини бажарди.

Маълум бўлдики, авваллари бу ердан ғишт заводига тоза тупроқ олиниши туфайли маконнинг бир қисми бузилган. Чақмоқтош бумлари билан боғлиқ топилмалар, бу ерда қарийб 500 м^2 майдонда тирқираб ётарди. Қазишмалар туфайли маконнинг қум қатлами билан боғлиқ 2,10-2,70 м пастликда биринчи ҳолатида ётган топилмалар, одатда, чақмоқтош буюмларидан иборат эди. Маконнинг геологик ҳолатини ўрганган С.А. Несмянов ва В.А. Семеновлар унинг ёшини Мирзачўл ётқизиғи комплекси билан боғлаб Q3 босқичига доирлигини айтишган (Асқаров, Тошкенбоев, 1970. 82 б.). Бу эса ёдгорликнинг Самарқанд сўнгги палеолит маконига тенгдош эканлигини билдиради. Бизнинг фикримизча, ўрта палеолит давринг охирларидан бошлаб Чашмасиёб ўзани қирғоқлари бўйлаб яшаган жамоа гуруҳлари унинг бир неча жойларида макон қуриб яшаган бўлса керак. Чунки бу маконнинг ҳудудидан Г.В. Григорьев (Григорьев, 1941. С. 84-90) Самарқанд макони атрофидан илгари топган қўл чопқиси сингари қуроллардан бири бу ерда ҳам топилган.

Сиёбча маконидан топилган тош инвентарлар таркибида сифатли чақмоқтошдан ишланган қирғичлар, рандалар, понасимон қуроллар, ишлов берилган учриндилар, ҳар хил ҳажмдаги ўзаклар тақдим қилинган бўлиб, тадқиқотчининг фикрига қараганда, бу буюмларнинг шакл-шамойиллари Самарқанд сўнгги палеолит маконига хосдир (Ташкенбоев, Сулейманов, 1980. С. 80-86).

Хуллас, Сиёбча маконидан қўлга киритилган кўплаб археологик материаллар Самарқанднинг урбаник давригача бўлган тарихини ўрганишда муҳим манба, деб қаралади. Демак, бундан ташқари ҳам юқорида келтирилган археологик топилмалар палеолит даврида ҳозирги шаҳарнинг эски ҳудуди бўйлаб ибтидоий гуруҳлар унинг бир неча жойларида макон қуриб яшаганлигидан далолат беради.

Самарқанднинг кўҳна тарихини ўрганишда сўнгги палеолит даврига мансуб яна шундай бир ёдгорлик Хўжамазгил макони муҳим аҳамиятга эгадир. Бу макон Самарқанд шаҳридан 35 км ғарбий шарқ томонда, Туркистон тоғ тизмасининг ғарбий этакларида жойлашган Килдон қишлоғи яқинидаги Хўжаманзил деган жойдан қадимги чашма атрофида жойлашган бўлиб, маконни Н.Х. Тошкенбоев ўрганган (Ташкенбоев, Сулейманов, 1980. С. 76-86). Топилмалар Мирзачўл қайири Q3 қобиғига тўғри келади (Юрьев, 1964. С. 129; Ранов, Несмянов, 1973. С. 147). Маконда қазиш ишлари 1969 йилда бажарилган. Тадқиқотлар давомида маконнинг айрим жойларида маданий қатлам сақланганлиги ҳам маълум бўлди. Ундан қизил бўёқ (охра) қолдиқлари, гулхан излари, тош буюмлар топилган. Маконнинг тош индустрияси 200 дан зиёдроқ буюмлар нусхасидан иборат. Бу коллекция таркибида гардишсимон тош ўзаклар, парақадан ясалган пичоқсимон қуроллар, қирғичлар, уларга ўхшаш қуроллар, рандалар ва ҳар хил ҳажмдаги тош учриндилар тақдим қилинган.

Морфологик ва типологик жиҳатдан Хўжаманзил макони ашёлари Самарқанд сўнгги палеолит маконига ўхшашдир. Ҳатто бу макон жамоалари қурол ясашда Самарқанд палеолит маконидагига ўхшаш хом ашёдан фойдаланганлар. Макон маданиятининг муҳим хусусиятларидан бири – қўрол-аслаҳалар гардишсимон ва ярим призма шаклидаги ўзаклардан йўниб олинган тош парақалар ва унинг учирмаларидан ясалган. Бу манзара Самарқанд макони учун ҳам характерлидир. Шуни алоҳида айтиш лозимки, Хўжамазгил ва Самарқанд маконлари қурол-аслаҳа ясашнинг техникавий услубида ўрта палеолит даври анъаналари сақланганлиги кузатилади. Бу иккала ёдгорлик ушбу жиҳатлардан ҳам бир-бирига яқин ва ўхшашдир (Тошкенбоев, 1972. 2 б.). Умуман, бундай хусусият Ўрта Осиё сўнгги палеолит даври ёдгорликларида сақланиб қолганлиги фанда маълум.

Сўнгги йилларда Қоратепа тоғи ён бағирларида олиб борилган дала археологик тадқиқотлар туфайли, Сазағон қишлоғининг пастки чашма атрофида сўнгги палеолит даври макони топилди ва маълум даражада ўрганилди. Макон Олмабулоқ номи билан аталади. Дастлабки қисқа қазишмалар натижасида, макондан сўнгги палеолит даврига хос тош қуроллар, жумладан, қўл чопқиси, найза тиғи, ишлов берилган тош учирмалари ва ўзаклар топилган, бу ашёлар Самарқанд сўнгги палеолит даврига хосдир (Жўрақулов, 2003. 26 б.).

Шундай қилиб, Сиёб, Самарқанд, Хўжамазгил, Олмабулоқ маконлари жамоаларининг ишлаб чиқариш воситалари, хўжалиги, маданияти бир-бирларига айнан яқиндир. Сўнгги палеолит даврида она уруғига асосланган овчилар Самарқанднинг турли музофотларида яшаб, ўз даврига хос ва мос маданият яратганлар. Уларнинг кўним яшаш сари интилишларидан гувоҳлик берувчи капа қолдиқлари ҳам изланишлар натижасида топилди.

Самарқанд диёрида яшаган палеолит жамоалари ўз даврига нисбатан юқори маданият яратганлар ва бу жараён эса туб асосда содир бўлган. Хуллас, Ўрта Зарафшон воҳасида яшаган палеолит даври аждодларимиз яратган маданият, нафақат Самарқанд, шунингдек, Ўзбекистон тарихини яратишда муҳим манбалардан ҳисобланади.

Сўнгги йилларда олиб борилган тадқиқотлар, Самарқанд диёрида ибтидоий давр маданият тарихи узлуксиз ривожланишда бўлганлигини кўрсатди. Масалан, бу музофотда сўнгги палеолит жамоаларининг меросхўрлари яшаган мезо-неолит даврига доир қатор ёдгорликлар топилди ва ўрганилди. Жумладан, 1966 йили О. Ибрагимов Тепақул тоғи шимолий ён бағрида жойлашган Сазағон қишлоғи атрофидан топилган микролит қуролларни кафедрага тақдим қилган эди. Бу хабар Д.Н. Левнинг Сазағон қишлоғи атрофида дала тадқиқотларини янада ривожлантиришга туртки бўлди. Д.Н. Лев ўзининг шогирдлар ҳамда амалиёт ўтовчи тарихчи талабалар иштирокида дастлабки қазишма ишларини бошлаб юборди. Сазағон қишлоғи Самарқанддан 27 км жанубий ғарбда, тоғ бағридаги кенг дарада жойлашган. Текширув ишлари натижасида, Сазағон қишлоғи жойлашган дара қайирларида мезолит ва неолит даврларига доир маконлар топилди. Маконларнинг иккитасида қазишма ишлари олиб борилди. Уларнинг бирига Сазағон-I, иккинчисига Сазағон-II номи берилди. Бу маконлар дара сойининг ўнг қирғоғидаги қайирда жойлашган.

Сазағон-I маконининг фақат айрим жойларидагина тегинилмаган маданий қатламлар сақланиб қолган. Кўпгина микролит буюмлар ер сатҳида сочилиб ётарди. Сабаби, бу атрофни кишилар турли даврларда деҳқончилик хўжалиги мақсадида ўзлаштирганлар. Бу макон теварак-атрофидан, унинг маданий қатламидан кўплаб микролит қуроллар топилди. Коллекция таркибида микроқирғичлар, ўқ-ёй учлари, қаламсифат, призма шаклидаги ўзаклар, ишлов берилган ва ишлов берилмаган микропарақалар, ушаткич, тешкич ва кесувчи қуроллар тақдим қилинган. Шунингдек, сақланган маъдан қатламларида гулхан (ўчоқ) излари топилди. Маконда яшаган сайёҳ овчилар термачилик ва овчилик асосида тирикчилик ўтказганлар. Масалан, макондан топилган бўри, тулки, тоғ эчкиси, қўй, жайра сингари жониворларнинг ва парранда суяк қолдиқларининг топилиши бундан далолат беради. Умуман, топилмалар коллекцияси 600 дан зиёдроқ ашёлардан иборат. Маконда харсанг тош қаламаларининг қолдиқларига қараганда, Сазағон-I да мезолит даври овчилари ярим ертўла, чайласимон капаларда яшаганлиги ҳақида фикр юритиш мумкин. Шундай қилиб, геолог ва археолог олимларнинг ҳамкорлигида аниқланишича, Сазағон-I ман-

балари мил. авв. 12-7 минг, Сазағон-II манбалари эса мил. авв. 6-4 минг йилликларга тааллуқли бўлиб чиқди (Джуракулов, Мамедов, 1986. С. 14-18).

Доимий дала кузатув ишлари туфайли Сазағон ва Тепақул қишлоқлари атрофидан 30 дан зиёд неолит маконлари топилди. Бу манзара бу атрофда бир неча она уруғи жамоалар гуруҳлари кенг кўламда ёйилиб, тиғиз ва ҳамкорликда яшаганлигидан дарак беради.

Сазағон-II неолит даври макони ҳам қизиқарли археологик манбалар берди. Бу ёдгорликлар ҳудудий жиҳатдан бир-бирига яқин ва дара қайирининг бир мунча текислик участкаларида жойлашган. Сазағон-II жамоалари Сазағон-I мезолит жамоаларининг меросхўрлари бўлиб чиқди.

Сазағон II маконида кенг кўламда қазишма ишлари бажарилиб, қарийб 800 м^2 майдон очилиб текширилди. Маконнинг айрим жойлари кейинги даврларда бу ерни экинзорга айлантирилиши муносабати билан бузилганлиги маълум бўлди (Джуракулов, Холматов, 1991. С. 21-24). Қазиш ишлари бажарилган жойларнинг айрим қисмларида маданий қатлам яхши сақланган. Маконнинг маъдан тупроқ қалинлиги 2,8-3 метрдан иборат. Қазишмалар давомида макондан 4 мингдан кўпроқ археологик ашёлар тўпланди. Бу катта коллекция таркибида турли шакл-шамойилга эга тошдан ва суякдан ясалган қуроллар, жумладан, қирғичлар, қадама тошлар, ишлов берилган парақалар, ўқ-ёйлар, рандалар, силлиқланган болталар, поналар, сопол идиш парчалари, суяк бигизлар, тош тешгичлар, ҳар хил шаклдаги призматик ўзаклар тақдим қилинган. Умуман, бу атрофни ўрганиш шундан дарак берадики, Сазағон тоғ дарасининг қулай экологик бурчакларида ва у билан боғлиқ қайирлар устида она уруғи жамоаларининг бир неча гуруҳлари яшаганлигидан гувоҳлик беради. Шунингдек, маъдан қатламлардан топилган гулхан, ўчоқ, тошдан қаланган капа пойдевори, ҳайвонот олами, сопол парчалари, зеби-зийнат ашёлар ҳамда микролит ва бошқа рўзғор буюмларининг топилиши бундан далолат беради.

Сазағонлик мезо-неолит жамоалари тошни қайта ишлаш, силлиқлаш, тўғри призма шаклдаги парақаларни тош ўзакларидан ажратиб олиш усталари бўлишган. Аммо тошнинг турли учирмалари асосида қуроллар кўпроқ ишлаб чиқилган. Бу манзара сазағонликлар маданиятининг ўзига хослигини кўрсатади. Макондан топилган турли шаклдаги қирғичлар, рандалар, тешгич сингари қуроллар шундан далолат беради.

Айниқса, қумтошдан ясалган ва турли ҳажм ва шаклдаги ёрғучоқлар, қадама тош (ўроқ, пичоқ) тиғлари сингари рўзғор буюмларининг кўплаб топилиши бу жамоаларнинг зироатчилик, яъни оддий деҳқончиликни кашф қилиб, маҳсулот ишлаб чиқариш иқтисодига ўтганлигидан гувоҳлик беради.

Инсоният тарихида деҳқончилик хўжалигининг кашф қилиниши инқилобий ҳодиса бўлиб, бу цивилизациянинг илк илдизларидан саналади. Бу хўжаликнинг тобора ривожланиши жамоаларнинг ижтимоий, маиший, иқтисодий ҳамда маданий ҳаётида буюк рол ўйнаган. Сазағонлик жамоалар бу даврда она уруғдошлик тизими ва унинг гуллаган тараққиёт босқичида турар эди. Турли-туман меҳнат қуролларининг топилиши бу жамоаларда ўз замонига нисбатан меҳнат тақсимотининг доимий ривожланиб боришидан далолат беради.

Дастлабки деҳқончилик асосида бўлсада, кишилар эндликда табиат муравватига қарам бўлмасдан, озуқа маҳсулотларини ўзлари ҳам ишлаб чиқара бошлаганлар ва бу жараён турмушнинг янада ривожланишига катта манфаат келтирувчи муҳим омил эди. Шу ўринда зикр этиш жоизки, ижтимоий ишлаб чиқариш заминида кишиларнинг табиий эҳтиёжлари ўзгариб боради, яъни фақат инсонга хос, моддий ва маъна-

вий эҳтиёжлар пайдо бўла бошлайди. Моддий ишлаб чиқариш асосида маънавий маданият шаклланиб боради ва тараққий этади, ижтимоий онгнинг турли шакллари вужудга келиб, жамият ҳаётида муҳим ўринларни эгаллайди. Сазағон мезо-неолит маконлари берган манбалар ана шундай жараёндан ва бу ерда тараққиёт ўз даврига нисбатан доимий ривожланишда бўлганлигидан далолат беради. Сазағон маконларидан топиб ўрганилган манбалар, айниқса, тош қуролларни ишлаб чиқариш билан боғлиқ ўзига хос хусусиятлар аниқланди. Меҳнат қуролларининг кўп ҳолатларда тош учирмалари асосида ясалганлиги, қайроқ қуролларнинг ҳамон мавжудлиги, тошни қайта ишлашда қўлланилган техник-технологик услублар, тақдим қилинган тош ўзаклар, меҳнат қуроллари, жумладан, қирғич, ранда, искана, пичоқ, болта сингариларнинг ясалиш хусусиятларининг ўзига хослиги ҳамда уларнинг айримларида сўнгги палеолит, хусусан, Самарқанд палеолит макони маданияти анъаналари билан боғлиқлигини кузатиш мумкин бўлди. Хуллас, Сазағон мезо-неолит ёдгорликлар мажмуаси ўзининг зикр этилган ва бошқа муҳим аломатларига нисбатан «Сазағон маданияти» номи билан фанга кирди (Журакулов, Холматов, 2004. 38-41 б.).

Сазағон маданияти мажмуасига кирувчи маконлардан топилган, тошдан силлиқланиб ишланган турли тақинчоқлар бу жамоаларнинг санъати ҳақида ва ўзларига оро бериш анъаналарининг мавжудлигини кўрсатади. Шуни айтиш лозимки, Сазағон она уруғдош жамоаларининг муҳим озуқа манбаи нафақат мотига деҳқончилиги, шунингдек, овчилик ва термачилик ҳам эди. Бу маконлардан топилган тоғ эчкиси, архар, бўри, буғу, жайрон, буқа, тўнғиз каби ёввойи жониворларнинг суяк топилмалари бу ҳақда гувоҳлик беради. Сазағонликлар хонаки чорвачилик билан эндигина шуғулана бошлашган эди. Уларнинг хонаки ҳайвонлари эчки, қўй бўлган. Қорамол суяклари маконда фақат аҳён-аҳёнда учрайди.

Сазағон-II маконининг маданий қатламининг пастки горизонтидан жуда кўп йирик тош бўлаклари ва гулхан (ўчоқ) қолдиғининг учраганига қараганда, бу ерда ярим ертўла шаклидаги чайла қурилган бўлиши мумкин. Бироқ маконнинг бу жойлари аввалдан бузилганлиги туфайли чайла қолдиғини аниқлаш имкони бўлмади.

Археолог Н.Ў. Холматов Сазағон қишлоғига яқин тоғ дарасида жойлашган Тепақул сойи ўнг қайирида 1999 йилдан эътиборан археологик тадқиқотлар олиб бориб, даранинг бир неча жойларидан неолит даври маконларини топди ва айни пайтда уларни ўрганмоқда. Шулардан бири – Тепақул-4 номини олган бўлиб, бу ерда неолит даври жамоаларининг катта макони ўрганилмоқда. 1992-1993 йилларда москвалик археолог А.В. Виноградов ҳам қазиш ишларида ҳамкорлик кўрсатди. Тепақул-4 маконининг 400 м^2 майдони очилиб ўрганилди. Маданий қатлам билан боғлиқ тупроқ қалинлиги 1,5-2 м. Маданий қатлам маконнинг энг пастки горизонтида сақланиб қолган. Макондан қарийб 5 мингдан зиёд археологик ашёлар топилган бўлиб, улар айнан Сазағон маданиятини эслатади (Холматов, 2003. С. 61-65).

Бундан ташқари Н.Ў. Холматов ижрочилигида Сазағон қишлоғи яқин атрофида жойлашган сойлар қайирларида, шунингдек, Тепақул, Эгриқул, Жангал қишлоқлари атрофидан неолит маконларини қазиб ўрганиб, муҳим манбалар тўплашга эришди. Сазағон маданиятига оид ўша даврда яшаган жамоаларнинг излари Қоратепа тоғининг энг баланд жойларида, шунингдек, унинг жанубий қияларида ҳам мавжудлиги аниқланди (Холматов, 2003. С. 63-66). Дарҳақиқат, тоғнинг бу ҳудудида халқ орасида Амир Темур номи билан юритиладиган ғордан илгари микролит буюмлари топилган эди.

СамДУ олимлари билан бир вақтда ЎзР ФА археология институти илмий ходимлари Т. Гречкина, Р. Худойбердиевлар Қоратепа тоғининг шимоли-шарқий ён бағирларидаги тоғ дараларидан Оҳалик, Замичатош ғолларини текшириб, Сазағон мезо-неолит маданиятига хос манбалар, жумладан, микролит қуроллар, суякдан ясалган жуволдиз, игна ва турли тешгич қуроллар топилиши бу даврнинг ўз анъаналаридан, яъни жамоаларда кийим-кечак бичиш, рўзғор буюмларини тикиш сингари фаолиятларидан гувоҳлик беради.

Оҳалик ғор маконидан турли тош қуроллари билан бир вақтда майда туёқли, шунингдек, қорамол, ёввойи буқа суякларининг топилиши Сазағон маданияти жамоалари уй чорвачилиги билан шуғулланганлигидан гувоҳлик беради. Дарҳақиқат, бундай артефактларни Учтут шахталаридан, Жанубий Ўзбекистонда Мачай мезолит ғоридан қорамол, от суякларининг топилиши Ўрта Осиёда мезолит ва неолит даврларида дастлабки хонаки чорвачиликнинг вужудга келишидан далолат беради (Исламов, 1975. С.68). Шунингдек, неолит даврига доир жамоаларнинг излари Ургут туманидаги Омонқўтон қишлоғига яқин Севасой ҳамда Қоратепа тоғининг энг ғарбий ҳудудлари билан боғлиқ Тим, Қарнаб қишлоқлари атрофларида ҳам топилган. Бу далиллар Сазағон маданиятли мезо-неолит жамоаларининг кенг кўламли музофотларда яшаганлиги, шимолда калтаминорликлар ҳамда Фарғона водийси жамоалари, шунингдек, Ҳисор маданиятли жамоалари билан ўзаро алоқадорликда бўлганлиги фанда исботланган (Журакулов, Холматов, 1991. 38-41 б.).

«Сазағон маданияти» ҳақида қатор асарлар, мақолалар эълон қилинган. Аммо бу маданиятнинг генезиси, яъни келиб чиқиши билан боғлиқ мулоҳазалар ҳам кам эмас. Бу музофотда олиб борилган кўп йиллик (1966-2004) археологик тадқиқотларнинг натижалари Сазағон маданияти Самарқанд сўнгги палеолит маданиятининг меросхўрлари эканлигини кўрсатмоқда. Бу хулоса бой археологик манбаларни илмий аналитик текширувлар асосида вужудга келди. Самарқанд сўнгги палеолит маданияти шу музофотдаги Омонқўтон, Зирабулоқ, Қўтирбулоқ сингари ўрта палеолит даври ёдгорликлари негизида шаклланган. Самарқанд палеолит жамоаларининг меҳнат қуролларини яратишдаги техник-технологик анъаналарнинг кўпгина хусусиятлари Сазағон жамоалари маданиятида мавжудлиги, улар Самарқанд сўнгги палеолити жамоаларининг меросхўрлари деб айтишга илмий асос бўла олади. Демак, Сазағон маданияти автохтон, яъни туб маданий меросдан келиб чиққан бўлиб, унинг аввалги авлодлари эса Самарқанд сўнгги палеолит жамоалари эди (Журакулов, Холматов, 2004. 48 б.).

Юқорида келтирилган археологик далиллар бу ўлкада содир бўлган маданият ўрта палеолит давридан бошлаб узлуксиз ривожланишда бўлиб, аждодларимиз эса ўз даврига нисбатан юксак маданият ижодкорлари бўлганлиги ҳамда уларнинг қўшни туташ ўлкаларда яшаган жамоалар турмуш тарзига ҳам ижобий таъсир кўрсатганлигидан гувоҳлик беради.

Металлнинг кашф қилиниши, ундан ишлаб чиқариш хўжалик қуроллари ясаш ижтимоий, иқтисодий ва маданий тараққиётнинг янада жадаллашувига олиб келди. Самарқанд ҳудуди ва унинг атроф туманларида металл, яъни бронза даврига доир қатор ёдгорликлар топилиб ўрганилган бўлиб, бу атрофда шу даврда яшаган жамоалар Сазағон маданияти қабилаларининг меросхўрлари эди. Бевосита Самарқанд воҳасида бронза даври ёдгорликлари СамДУ олимлари томонидан ўрганилган. Хусусан, 1960-1998 йилларда олиб борилган тадқиқот ишлари туфайли Мўминобод, Чакка, Сойғус, Жом, Сиёб, Тўқайли сингари қабр ва қишлоқ маконлари топилиб

ўрганилди ва бу жамоаларнинг маданияти ҳақида гувоҳлик берувчи қизиқарли манбалар қўлга киритилди.

Бу ёдгорликлар орасида Мўминобод қабристони қизиқарли манбалар берди. Бу ёдгорлик Самарқанд шаҳридан 64 км жанубий шарқда, Ургут тоғи дараларидан бирида жойлашган Мўминобод қишлоғи атрофида топилган бўлиб, уни дастлаб Д.Н. Лев (Лев, 1966. С. 26), кейинчалик эса А.А. Асқаров ва Н.А. Аванесовалар қазиб ўрганди (Асқаров, 1970. С. 47). Бу ердан марҳумлар якка тарзда дафн қилинган қабрлар очиб ўрганилди. Қабрлардан боши ғарб томонга қаратиб, ўнг ёнбошга ётқизиб, букчайтириб кўмилган аёлларнинг жасадлари ва улар билан бирга зеб-зийнат буюмлари топилди. Марҳумлар билан бирга сопол идишлар, айниқса, кўплаб зеб-зийнат буюмлари қўйилганлиги маълум бўлди. Хусусан, жездан (бронзадан) ясалган ойна, кўплаб мунчоқлар, исирғалар, билагузуклар топилди. Қабрлардан бирида суякдан ясалган сибизға (най) топилган бўлиб, бу ҳодиса ҳудудимизда мусиқа санъати тарихининг нақадар қадимги даврларга бориб тақалишидан далолат беради. Топилмалар орасида олтиндан сир берилган исирғалар, кумушдан сир берилган шода -шода мунчоқларнинг ниҳоятда усталик билан ясалганлиги бронза даври заргар аждодларимизнинг юксак маҳоратли санъатга эга маданиятидан гувоҳлик беради (Асқаров, Лев, 1971. С. 21-29). Хуллас, бу манбаларнинг ўрганилиши туфайли Самарқанд атрофида яшаган қадимги чорвадор ва деҳқон қабилаларининг турмуш тарзи, кийимлари, санъат, маънавий дунёси ҳақида қизиқарли илмий тасаввурларга эга бўлинди. Ёдгорлик мил. авв. XIV-XIII асрларга оидлиги аниқланди. Бу ердаги қабрларда топилган сопол идишларининг ясалиш шакл-шамойиллари марказий Қозоғистон минтақаларида бронза даврида яшаган Андронов қабилаларининг буюмларига ўхшашлигига қараганда, мил. авв. II мингинчи йилликнинг охирларида бу минтақаларга андроновалик жамоаларнинг бир қисми хўжалик юритиш мақсадида бу томонларга кириб келганлигидан гувоҳлик беради. Ургут туманидаги Сойғус қишлоғи яқинида жойлашган бронза даври қабри Н.А. Аванесова томонидан очиб ўрганилди. Қабрдан ўнг биқинига ётқизиб кўмилган аёл қолдиғи билан бирга сопол идиш, турли-туман зеби-зийнат буюмлари – мунчоқлар, билагузуклар, искана сингари ашёлар топилди (Жўрақулов, 2000. С. 39). Сойғус қабри ҳам мил. авв. 2 минг йилликка оид жамоалар тарихига мансубдир. Умуман, юқорида сўз борган қабрлардан топилган сопол буюмлар, жездан юксак дид билан ишлаб чиқилган билагузуклар, мунчоқ – маржонлар, жуволдиз ва бошқа буюмлар бу музофотда яшаган чорвадор – деҳқон жамоалар турмуш тарзи ва маданиятини ўрганишда муҳим манба бўлиб хизмат қилади. Мўминобод ва бошқа шу сингари ёдгорликлардан топилган ашёлар СамДУ археология музейи кўргазмаларини безаб турибди (Жўрақулов, Аванесова, Амирқулов, 1994. 110-112 б.).

1986 йили СамДУ археология гуруҳи раҳбари Н.А. Аванесова «Самарқанд» Давлат хўжалиги ҳудудида жойлашган Тўқайли қишлоғи атрофидаги бронза даврига мансуб макон қолдиғини ўрганди. Макон дарё қирғоғида жойлашганлиги туфайли унинг бир қисми жарликка нураган. Сақланган маданий қатламнинг қалинлиги 04, 07 м. Ёдгорликнинг 216 м^2 майдони қазиб текширилди. Натижада, бу ердан тўртбурчак шаклидаги ярим ертўла уй қолдиғи топилди. Унинг поли ва девори лой билан сувалган. Бундан ташқари маданий қатламдан тошдан ясалган ўқ-ёй учлари, тош болта синиқлари, қадимги ҳайвон суяклари, гурзиларнинг соп учлари, бронзадан ишланган баъзи безаклар, чиғаноқлар, ҳайвон тишлари, ложувард ва гипсдан ясалган мунчоқлар, сопол идишларни силлиқлаб, сайқал берадиган асбоблар топилди. Энг

муҳими, макон – қишлоқнинг бир чеккасида металл – рудани эритадиган, диаметри 40 см, чуқурлиги 60 см доира шаклидаги қўра қолдиғи топилди. Бу печнинг тагида сақланган кўмир кул қолдиғининг қалинлиги 30 см гача боради. Қура атрофида қарийб 32 м^2 майдонда кўплаб мис тошқоли (шлак), оксидланган руда қолдиқлари, кўмирга айланган ёғоч бўлаклари, сопол парчалари, эритиб тозаланган металлни қуйиш терракота қолиплари, болғача, ўғир дастаси, рудани майдалаш учун фойдаланиладиган гранит тош сандонлар, рудани эзадиган қуроллар топилди. Топилган буюмлар ва бошқа ашёлар бу ёдгорлик мил. авв. II мингинчи йилларга доир металлургларга мансуб қишлоқ эканлиги маълум бўлди (Аванесова, 1996. С.117-131).

Нуробод туманига қарашли Жом қишлоғи атрофида бронза даврига доир яна бир ёдгорлик топиб ўрганилди. Бу ерда қадимги қабристон мавжуд бўлиб, у турли даврларда ердан хўжалик мақсадида фойдаланиш туфайли бузилиб кетган. Фақат сақланиб қолган 4 та қабр очилиб ўрганилди. Уларнинг 3 таси мил. авв. XVI асрларга, яъни Сополли маданиятига, 1 таси эса бронза даврининг Андронова маданиятига мансублиги аниқланди. Қабрларда дафн билан боғлиқ сопол идишлар, жездан ясалган тўғноғич, дастали думалоқ шаклдаги ойна, дастасиз ойна ҳамда мунчоқ тақинчоқлар топилди. Хуллас, бу ёдгорлик материаллари ҳам чорвадор – деҳқон аждодларимизнинг маданият тарихини ўрганишда муҳим манба ҳисобланади (Жўрақулов, Аванесова, Амирқулов, 1994. 101-105 б.).

Қизиқарли ёдгорликлардан бири Чакка қабристони ҳисобланади. У 1975 йили Самарқанд шаҳридан 9 км ғарбда, Зарафшон дарёсининг сўл қирғоғидаги Чакка қишлоғи атрофида топилган бўлиб, уни ўрганишни 1975 ва 1977 йилларда Я.К. Крикис бошлаб берган эди. Бу ердан 4 та якка ҳолатда дафн қилинган аёллар қабри қазиб ўрганилди. Жасадларнинг юз томони жанубга, боши шимоли-шарққа қаратилиб, чап биқинига ётқизиб, оёқ қўллари букилган, ғужанак ҳолатда дафн қилинган. Қабрларда сопол идишлар учратилган ва улар анча дағал ясалган бўлса-да нақшланган эди. Сопол идишларнинг аксарияти тухумсимон шаклда бўлиб, улар сиртига қия, айлана чизиқлар туфайли нақшлар берилган. Умуман, идишлар мил. авв. II минг йилликда яшаган Андронова чорвадор қабилаларига хос. Қабрларнинг айримларидан (№2) бронзадан ясалган билагузуклар, олтин суви берилган шокиласимон жеваклар, 40 тагача бронзадан ясалган майда мунчоқлар топилган бўлиб, бу буюмлар юксак заргарлик санъати асосида ишланган. Учинчи қабрдан нақшланган сопол идишлар билан бир қаторда тақинчоқ – мунчоқлардан ташқари олтин қалами билан бир ярим марта ўралган 6 дона шокила топилган. Мунчоқларнинг айримлари нафақат бронзадан, шунингдек, холцедон, ложувард тошлардан ҳам ясалган. Умуман, Чакка қабрларидан топилган ашёлар мил. авв. XIV-XIII асрларга тааллуқли бўлиб, бу манбалар аждодларимизнинг юксак заргарлик санъатидан далолат беради. Бу топилмалар Самарқанд атрофида яшаган қадимги аждодларимизнинг урф-одатлари, диний қарашлари уларнинг ўзига хос ривожланиш жараёни ҳақида маълумотлар беради. Хуллас, маънавий ва хўжалик турмушини ўрганишда қизиқарли манба ҳисобланади (Аванесова, 1991. С. 70-74).

Сиёб қабри Ўрта Осиёдаги илк андронова даври ёдгорликларидан бири сифатида қайд қилинади. Қабр Самарқанд шаҳрида, Сиёб сойининг сўл қирғоғида қадимги Афросиёб шаҳри шарқий дарвозасидан бир неча метр узоқликда жойлашган. Қабр 1977 йили қурилиш ишлари пайтида топилган. Бу ёдгорликни мукаммал ўрганган Н.А. Аванесованинг берган маълумотига қараганда, қабр 1,75x1,55 м ҳажмда бўлиб, ундан бош қисми шимоли ғарбга қаратилган, ғужанак ҳолатда дафн қилинган аёл жасад

қолдиғи, унинг билан бирга кўмилган бронзадан ясалган шокила-чўлпи, мунчоқлар, феруза, ложувард тошидан ишланган маржонлар ҳамда сопол идишлар топилган. Сиёб қабридан топилган ашёларнинг шакл-шамойилларига қараганда, у милоддан аввалги XIX-XVIII асрларга доирдир. Бу эса қабр ягона бўлмаган, балки бу ерда чорвадор – деҳқонларнинг қишлоғи бўлиб, турли даврлардаги қурилиш ишлари туфайли макон ва қабрлар бузилиб кетган. Энг муҳим хулоса шуки, Самарқанд шаҳри вужудга келишидан анча аввал бу ерда қадимги қишлоқ бўлиб, кейинчалик унинг негизида йирик марказий қишлоқ таркиб топиб, бронза асрининг сўнгги босқичларига келиб бу қишлоқ воҳадаги марказий қишлоққа айланган ва унинг негизида Самарқанд шаҳрининг илк илдизлари шаклланган (Аванесова, 2001. С. 58-69). Юқоридаги Самарқанд тарихининг бронза даврига оид ёдгорликлардан ташқари, турли жойлардан, ҳар хил касб эгалари томонидан тўпланган манбалар ҳам мавжуд бўлиб, уларни илмий-аналитик таҳлил қилиш ишлари олдиндаги вазифалардандир.

Хулоса сифатида шуни алоҳида таъкидлаш лозимки, урбаник, яъни шаҳарлашиш даврigача бўлган Самарқанд музофотида 100 минг йиллардан буён одамзод яшаб, ўз даврига хос юксак маданият яратиб келган диёр эканлиги фанда ўз тасдиғини топмоқда. Бу ерда шаклланган маданият ўзга ҳудудлардан кириб келган турли қарашлар келгиндилар таъсирида эмас, балки туб асосда, маҳаллий негизда ташкил топганлиги асосланмоқда. Бу тараққиётнинг ривожланиш пиллапояларини бой тарихий-маданий манбалар асосида ойдинлаштиришга эришилди. Жумладан, юқорида зикр этилган манбалар туфайли палеолит даврида сайёҳ овчиларнинг кулбалар қуриб, муҳим яшашга интилиш жараёни, мезо-неолит даврига келиб эса, деҳқончилик ва хонаки чорвачилик хўжалигининг ташкил топиши, ишлаб чиқариш иқтисодининг юзага келиши – она уруғи жамоаларининг сайёҳликдан муайян тарзда қўним яшаш – ўтроқлашиш жараёнининг содир бўлишига олиб келганлиги алоҳида қайд қилинмоқда. Босқичма-босқич тараққиёт динамикаси негизида эволюцион тарзда уруғдош жамоалар яшайдиган йирик капалар, кулбалар, кейинги тараққиёт босқичида эса бир неча кулбалардан ташкил топган овуллар, улар негизида протоқишлоқлар, қишлоқлар, воҳа бўйича йирик марказий қишлоқлар қад кўтарди. Металлнинг кашф қилиниши, ундан ишлаб чиқариш меҳнат воситалари яратишда, мил. авв. II мингинчи йилларга келиб, жамият ижтимоий, иқтисодий тузумини ларзага келтирди, суғорма деҳқончилик ва чорвачилик ҳамда ҳунармандчиликнинг алоҳида хўжалик касби сифатида шакллана бориши эса ўз даврининг инқилобий ўзгаришлари эканлигига алоҳиа урғу берилмоқда. Самарқанд шаҳри ва у билан ёндош ҳудудларда бу даврга келиб, қадимги деҳқон ва чорвадорларнинг Сиёб, Чакка, Сойғус, Тўқайли сингари қатор қишлоқлар қад кўтарди. Аҳоли хўжалик юритишга маъқул экологик бурчакларни тобора ўзлаштира борди. Зарафшон воҳасида Кўктепа сингари йирик қишлоқлар вужудга келиб, ўз вақтида воҳада марказ ролини ўйнайди, унинг атрофидаги кичик қишлоқлар бу марказга итоат қилган. Айнан шундай йирик қишлоқларнинг вужудга келиш эволюциясини Самарқанд шаҳри ҳам ўз бошидан кечирган. Шаҳар ҳудудида ўрта палеолит давридан эътиборан инсон жамоалари яшаб маданият яратиб келар экан, уларнинг авлодлари – меросхўрлари бу анъанани давом эттирганлиги ҳам ўз исботини топмоқда. Афсуски, бронза даврига оид қишлоқлар кўлами ҳозирча тўлиқ ўрганилган эмас. Аммо мил. авв. VI асрларда Аҳамонийлар истилоси йилларига қадар бу ерда илк шаҳар мавжудлиги, у бу ерда мавжуд марказий қишлоқдан ташкил топгани ва бу қишлоққа бронза даврининг ўрталарида асос солинганига шубҳа қилмаса ҳам бўлади. Самарқанд шаҳрининг ташкил топганига

2750 йил бўлганлиги илмий жиҳатдан исботланганлиги ҳам бу ҳудудда йирик марказий қишлоқларнинг қадимдан мавжудлигини билдиради.

Шундай қилиб, Самарқанд воҳаси ва шаҳри бой тарихга эга бўлиб, қутлуғ ва шонли йўлни босиб ўтди. Самарқанд ҳаётидаги ҳар бир тарихий давр ўз хусусиятларига эга бўлиб, замон руҳини ўзида акс эттириб, у жаҳон халқларининг моддий ва маънавий ҳаётида катта рол ўйнаганлиги исботланган. Шу каби эволюцион тараққиёт мағзида Самарқанд шаҳрининг эски жойида мил. авв. II мингинчи йилларнинг ўрталарида йирик, марказий қишлоқ вужудга келиб, унинг динамик тараққиёти асосида урбанизация жараёни содир бўлди. Бинобарин, Зарафшон воҳасида Самарқанднинг эски жойида ташкил топган йирик, марказий қишлоқдан ташқари, бу воҳада Кўктепа, Саразм сингари йирик марказий қишлоқлар ташкил топди. Масалан, Пойариқ туманида жойлашган Кўктепа протошаҳар қишлоқ – қўрғонининг санаси мил. авв. IX-VII асрларга тўғри келади. Унинг эгаллаб ётган кўҳна жойи 100 гектар майдонни ташкил қилади ва унинг ташқи атрофи мудофаа девори билан ўраб олинган эди. Унинг марказ қисмидаги ички «шаҳар» 30 гектар майдондан иборат бўлиб, мустаҳкам девор билан ўраб олинган. Бу ерда илк шаҳарларга хос ибодатхона ва сарой қолдиқларининг мавжудлиги ҳам бизнинг фикрларимизни исботлайди. Кўктепа ва Самарқанд жойидаги эски қишлоқлар воҳада марказий қишлоқ-қўрғонлар бўлиб, уларнинг атрофидаги кичик қишлоқлар эса бу марказларга итоат қилган. Демак, айнан шундай тараққиёт эволюциясини Самарқанд шаҳри ҳам ўз бошидан кечирганлигидан далолат беради. Самарқанд ва Кўктепа протошаҳарлари саналари жиҳатидан бир-бирига тенгдошлигини инобатга олсак, Самарқанд ҳудудида илк шаҳарнинг ташкил топиши пешма-пеш, динамик тарздаги тараққиётнинг маҳсули эди. Самарқанд ҳудудида ўрта палеолит давридан эътиборан инсон жамоалари яшаб келар экан, уларнинг авлодлари – меросхўрлари бу эволюцион тараққиёт анъаналарини вақт ва замонда давом эттирган ва оқибатда илк шаҳар тараққиётига эришилган. Бинобарин, мил. авв. VI асрда Аҳамоний истилочилари Самарқанд (Афросиёб) илк шаҳрига дуч келганлиги бу ерда ўз даврига хос ва мос йирик марказ – шаҳар бўлганлигидан далолат беради. Фақат, бронза даврига оид йирик қишлоқларни таниш ва ўрганиш, таҳлил қилиш ишлари бугунги куннинг долзарб вазифаларидан бири бўлиб қолмоқда. Бу эса ўша давр маданияти ва унинг ривожланиш тамойиллари ҳақида янада асослироқ фикрларни юзага чиқаради. Шунингдек, қарийб 220 гектар майдонни эгаллаб ётган Самарқанднинг эски харобаларини ҳам том маънода ўрганишни талаб этади. Демак, Самарқанднинг қадимги тарихи сирларини атрофлича қунт билан тадқиқ қилиш ишлари муҳим муаммолардан бири бўлиб, бу иш келажакда амалга ошириладиган вазифа ва мақсадлардан бири бўлиб қолмоқда.

Фойдаланилган адабиётлар

Аванесова Н.А. Средняя Азия в эпоху бронзы. Самарканд, 1989.

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент, 1991.

Аванесова Н.А. У истоков урбанистического Афрасиаба // ИМКУ. Вып. 32. Ташкент, 2001.

Аскаров А.А., Ташкенбаев Н.Х. Древнейшее прошлое Самарканда // ОНУ. № 9. 1970

Асқарова А.А., Лев Д.Н. Самарқанд территориясида одамзод ҳаётининг энг қадимги излари // Самарқанд тарихи. Т. I. Тошкент, 1971.

Борисковский П.И. Предисловие / Лев Д.Н. Поселение древнекаменного века в Самарканде // Труды СамГУ. Вып. 135. Самарканд, 1964.

Бибикова С.И. Некоторые замечания по фауне из среднепалеолитической пещеры Аман-Кутан // Советская археология. № 3. М., 1958.

Бибиков С.Н. Некоторые аспекты палео-экономического моделирования палеолита // СА. №4. М., 1969.

Воеводский М.В. Обзор полевых археологических исследований в 1939 г. // ВДИ. №2. М., 1940.

Воеводский М.В. Обзор полевых археологических исследований в 1939 г. // ВДИ. №2. М., 1942.

Григорьев Г.В. Находка среднепалеолитического остроконечника в Самарканде // КСИИМК. Вып. VIII. М.,-Л., 1940.

Джуракулов М.Д., Мамедов Э.М. Геология археологических памятников Зарафшанской долины. Самарканд, 1986.

Джуракулов М.Д. Самаркандская стоянка и проблемы верхнего палеолита в Средней Азии. Ташкент, 1987.

Ефименко П.П. Первобытное общество. Киев, 1953.

Ефименко П.П. К вопросу о возрасте позднепалеолитической стоянки в Самарканде // Труды СамГУ. Вып. 135. Самарканд, 1964.

Жўрақулов М.Ж. Сазағонда янги тош даври кишилари макони // Ўзбекистонда ижтимоий фанлар. № 8. Тошкент, 1972.

Жўрақулов М.Ж. Зирабулоқ палеолит маконини ўрганиш истиқболлари // Археология, қадимги тарих ва этнография масалалари. Илмий тўплам. Самарқанд, 1982.

Жўрақулов М.Ж. Ўрта Осиё ибтидоий археологияси. Тошкент, 1984.

Жўрақулов М.Ж., Аванесова Н.А., Амирқулов Б.А. Зарафшон воҳасининг ибтидоий маданияти. Самарканд, 1994.

Жўрақулов М.Ж. Самарқанд маданияти тарихининг кўҳна илдизлари. Самарқанд, 2000.

Жўрақулов М.Ж., Холматов Н.У. Самарқанд университети тадқиқотларидан // Ўзбекистонда археологик тадқиқотлар 2003 йил. 4-сони. Тошкент, 2004.

Исаков А.И. Саразм. Душанбе, 1991.

Коробкова Г.Ф. Орудия труда в хозяйстве неолитических племен Средней Азии // МИА. №158. Л., 1959.

Коробкова Г.Ф. Культуры и локальные варианты мезолита и неолита Средней Азии // СА. №3. М., 1975.

Коробкова Г.Ф., Джуракулов М.Д. Самаркандская стоянка как эталон верхнего палеолита Средней Азии. (Специфика техники расщепления и хозяйственной производственной деятельности) // STRATUM plus. Археология. № 1. Кишинев, 2000.

Лев Д.Н. Древний палеолит в Аман-Кутане // Труды УзГУ. Вып. 39. Самарканд, 1949.

Лев Д.Н. Новая находка древнего палеолита в пещере Аман-Кутан близ города Самарканда // Природа. № 6. М., 1949.

Лев Д.Н. Новые пещерные стоянки эпохи палеолита в Узбекистане // Советская этнография. №1. М., 1949.

Лев Д.Н. Новые данные по палеолиту Узбекистана // Труды института истории и археологии АН УзССР. Вып. 7. Ташкент, 1955.

Лев Д.Н. Древний палеолит в Аман-Кутане (исследования 1953-1954 гг.) // Труды УзГУ. Вып.61. Самарканд, 1956.

Лев Д.Н. Новые памятники палеолита в Узбекистане // Труды по изучению четвертичного периода. Вып. XIII. М., 1957.

Лев Д.Н. Новые находки в пещере Аман-Кутан // Природа. № 1. М., 1958.

Лев Д.Н. Поселение древнекаменного века в Самарканде. Исследование 1958-1959 гг. // Труды СамГУ. Вып. 135. Самарканд, 1964.

Лев Д.Н. Самаркандская палеолитическая стоянка // ИМКУ. Вып. 6. Ташкент, 1965.

Лев Д.Н. Палеолит Самаркандской области и его специфические особенности // Труды СамГУ. Вып. 166. Самарканд, 1967.

Массон М.Е. Археологические исследования в Узбекистане // Наука в Узбекистане за XV лет. Ташкент, 1939.

Ранов В.А. Самаркандская стоянка и её место в каменном веке Средней Азии // Известия АН ТаджССР. Вып. 4 (58). Душанбе, 1969.

Ранов В.А., Несмянов С.А. Палеолит и стратиграфии антропогена Средней Азии. Душанбе, 1973.

Исамиддинов М.Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда. Ташкент, 2002.

Ташкенбаев Н.Х. О новых памятниках эпохи палеолита на территории Самаркандской области // Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 2. Л., 1972.

Ташкенбаев Н.Х. Новая среднепалеолитическая стоянка Кутурбулак // ИМКУ. Вып. 10. Ташкент, 1973.

Ташкенбаев Н.Х. О находках каменных изделий на территории городища Афрасиаб // Афрасиаб. Вып. III. Ташкент, 1974.

Ташкенбаев Н.Х. Об исследовании палеолитической стоянки Кутурбулак // ИМКУ. Вып. 12. Ташкент, 1975.

Ташкенбаев Н.Х., Сулейманов Р.Х. Культура древнекаменного века долины Зарафшан. Ташкент, 1980.

Харламов Н.Г. Самаркандская палеолитическая стоянка // Отчет. Архив Самаркандского музея (№297). Коллекция (А-17).

Холматов Н.У. Ибтидоий жамоалар турар жойлари тўғрисида баъзи мулоҳазалар // Археология, қадимги дунё тарихи ва этнография масалалари. Самарқанд, 2003.

Холматов Н.У. Тепақул неолит макони тадқиқотлари саҳифасидан // Ўзбекистонда археологик тадқиқотлар 2002 йил. 3-сон. Тошкент, 2003.

Холматов Н.У. Қоратепа тоғ массиви дала археологик қидирув тадқиқотларидан // Ўзбекистонда археологик тадқиқотлар, 2002 йил, 3-сон, Тошкент, 2003.

Холматов Н.У. Қоратепа тоғ ён бағри палеолити // Ватан тарихининг долзарб муаммолари. Самарқанд, 2004.

Холматов Н.У. СамДУ экспедицияси манбаларидан // Ўзбекистонда археологик тадқиқотлар 2003 йил. Тошкент, 2004.

Холматов Н.У. К хронологии кельтеминарских материалов староречий Зарафшана // Ўзбекистон моддий маданияти тарихи. 34-нашри. Самарқанд, 2004.

Шилинский В.Е. Трасологическое изучение функции каменных орудий Губской среднепалеолитической стоянки Прикубанья // КСИА АН СССР. Вып. 141. М.-Л., 1975.

Шишкин В.А. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей // Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент, 1969.

Юрьев А.А. О возрасте террас р.Зарафшан в связи с геолого-геоморфологическим изучением окрестностей пещеры Аман-Кутан // Известия Всесоюзного географического Общества. Т. 8. Ташкент, 1964.

Avanessova N. Pasteure et aqritulteurs de la valee du Zeravshan (Ouzbekistan) au debut de l'age du bronze: relations et Influences mutuelles // Sarazm (Tadjikistan) ceraques. Par B. Lyonnet, A. Isakov, Paris, 1996.

МИГРАЦИИ ПЛЕМЕН В УЗБЕКИСТАНЕ В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА (Часть 1)*

© 2011. В.Д. Рузанов
Институт археологии АН РУз

Настоящая работа, посвященная вопросу миграций племен в Узбекистане, будет состоять из трех частей. В первой части будут приведены химико-металлургические показатели металлических изделий бронзовых культур, намечены направления распространения металла, определены исходные рудные районы (или источники) и их взаимосвязь с процессами передвижений популяций разных культурных общностей. Следующая, вторая часть работы, коснется морфологического анализа металлического инвентаря племен, выявления типологически и химически сходных изделий в памятниках и путей распространения импорта. Последняя часть данной работы будет заключительной, в которой на основании полученных результатов комплексного исследования металла (по возможности также других материалов) будет сделана попытка реконструкции путей миграции племен в эпоху бронзы на территории Узбекистана и сопредельных областей.

Базой для нашего исследования послужили более 2200 медно-бронзовых предметов из 130 памятников Средней Азии (рис. 1). В этой серии вещей изучен химический состав примерно 1500 находок. В работе также привлечены данные химического анализа 300 изделий эпохи бронзы, опубликованные ранее исследователями. Столь большой объём аналитического материала позволил наметить пути распространения металла и маршруты передвижения групп племён, полнее обрисовать взаимодействия между культурами и происходившие при этом заимствования, которые выражались в передаче либо чернового металла, либо изделий, либо форм, либо типов сплавов и технологий изготовления вещей, либо, наконец, самой металлургической идеи.

Попытки установить связи и обмен между племенами среднеазиатских культур на базе результатов химического изучения металлических предметов предпринимались исследователями во второй половине прошлого столетия (Заднепровский, Богданова-Березовская, 1972). Однако, в то время был проведен анализ небольших серий изделий. Это было явно недостаточно для обоснования направлений и путей распространения металла, его привязки к рудным источникам и культурам-производителям, а также выявления металлических импортов. Среди ранних работ, посвященных изучению химического состава изделий памятников Средней Азии эпохи бронзы, следует назвать исследования И.В. Богдановой-Березовской (1962, 1968), проанализировавшей металл чустской и бешкентской культур, хакского кла-

*Работа осуществлена при финансовой поддержке Фонда поддержки фундаментальных исследований Академии наук РУз.- грант №ФП. 76-10.

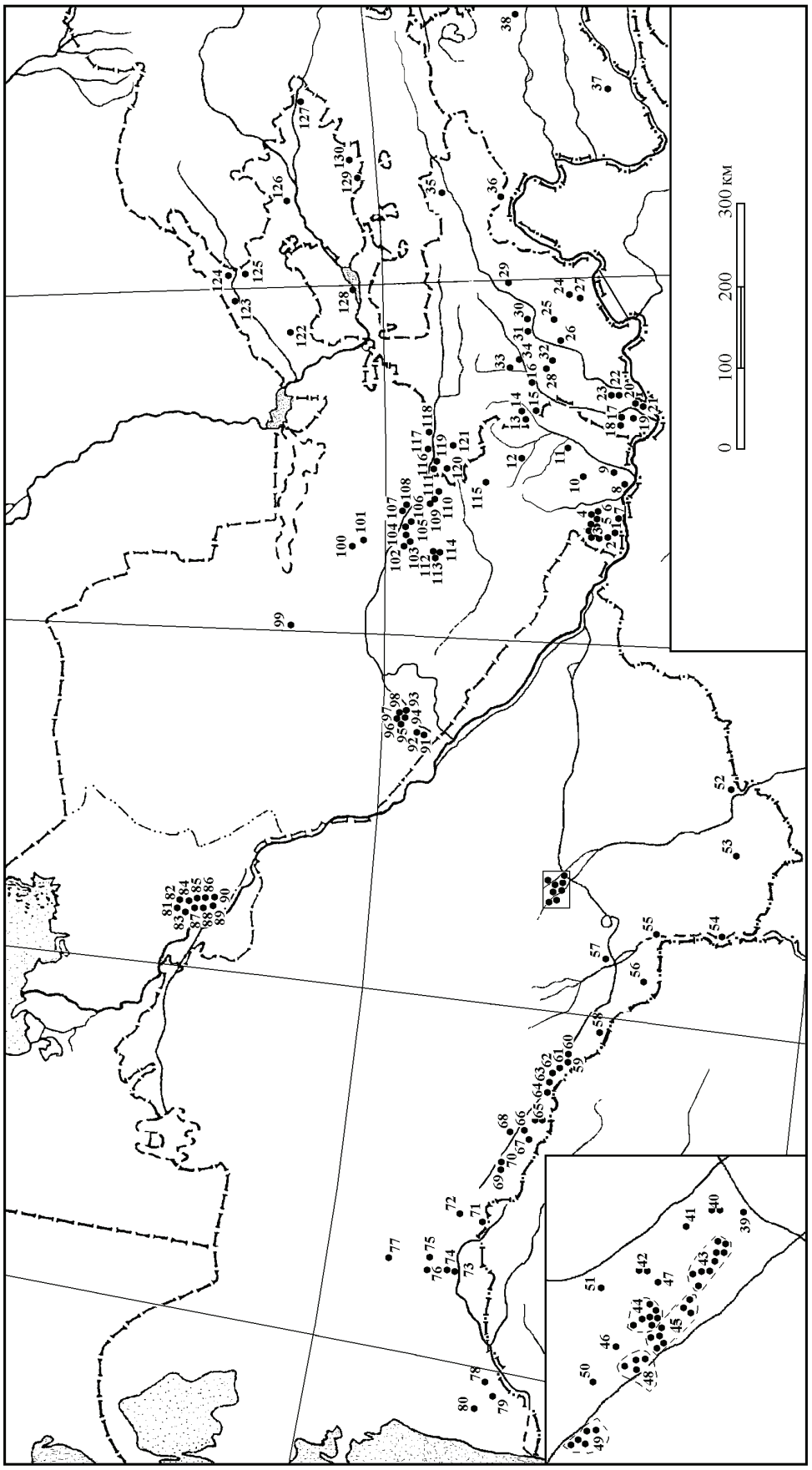

Рис. 1. Карта-схема пунктов находок металлических изделий и следов металлообработки на территории Узбекистана, Туркменистана и Таджикистана (поздний энеолит, эпоха бронзы и ранний железный век)

Условные обозначения: 1 - Сапаллитепа; 2 - Кучуктепа; 3 - Пшактепа; 4 - Бустан 3-7; 5 - Джаркутан 1,3,4; 6 - Шерабад; 7 - Старый Термез; 8 - Жанжактепа; 9 - Бандыхан; 10 - Кызылча 6; 11 - Моллали; 12 - Сартепа; 13 - Тандыр-йул; 14 - Кумсай; 15 - Кулинтепа; 16 - Гиссар; 17 - Ранний Аруктау; 18 - Бешкент II; 19 - Ранний Тулхар; 20 - Джаркуль; 21 - «Тигровая Балка»; 22 - Маконимор; 23 - Совхоз им. С.М. Кирова; 24 - Карим-Берды; 25 - Кангурттут; 26 - Ташгузор; 27 - Дельты р. Тупаланг-дарья и Сангардак-дарья; 28 - Шар-Шар; 29 - Туюн; 30 - Дахана; 31 - Нурек; 32 - Кара-Пичок; 33 - Аракчин; 34 - Рамит; 35 - Джиргиталь; 36 - Сангвор; 37 - Южбок II; 38 - Кальта-Тур; 39 - Яздепе; 40 - Тахирбай 3, 16; 41 - Аучин-депе; 42 - Гонур, поселение и могильник; 43 - Тоголок 1-3, 5, 10, 11, 15, 20, 21; 44 - Аджи-куи 2-4,6-9; 45 - Адам-Басан 3-6, 8-10, 17, 18, 20; 46 - Поселение в районе Н-11; 47 - Поселение в 11 км к С-В от колодца Адам-Басан; 48 - Таип-депе 1, 8-10; 49 - Келлели 1-5; 50 - Эгри 3; 51 - Сулуджи; 52 - Тахтабазар; 53 - Колодцы Куин-кую и Оюклы; 54 - Пул-и-Хатун; 55 - 102 км от автотрассы Теджен-Серахс; 56 - Алтын-депе; 57 - Хапуз-депе; 58 - Улуг-депе; 59 - Намазга-депе; 60 - Елькен-депе; 61 - Каушут; 62 - Кара-депе; 63 - Тайчанак -депе; 64 - Шор-депе; 65 - Анау, холмы северный и южный; 66 - Ашхабад, могильник и случайные находки; 67 - Ак-депе; 68 - Овадан-депе; 69 - Янги-Кала; 70 - Тилькин-депе; 71 - Дайна; 72 - Сунча-депе; 73 - Сумбар 1, 2; 74 - Пархай I, II; 75 - Кизыл-Арват; 76 - Чингиз-депе; 77 - Бала-Ишем 8; 78 - Мадау-депе; 79 - Чиалык-депе; 80 - Изат-Кули; 81 - Кокча 3; 82 - Кокча 1; 83 - Якке-Парсан 2; 84 - Кокча 15А; 86 - Кокча 16; 87 - Кават 2; 88 - Каунды 1; 89 - Кой-Крылган-Кала; 90 - Базар 1; 91, 92 - Заманбаба; 93-98 - Гуджайли; 99 - Лявлякан 506; 100 - Тусунсай; 101 - Коктепа; 102 - Сазаган; 103 - Чакка; 104 - Сиаб, Самарканд; 106 - ? ; 107 - Джамбай; 108 - Тугайное; 109 - Мысыр; 110 - Гус; 111 - Муминабад; 112 - Джам; 113 - Бешбулак; 114 - Галашерик; 115 - Гилан; 116 - Сазаган; 117 - Зардача-Халифа; 118 - Даити-Кози; 119 - Пенджикент; 120 - Чорбог; 121 - Бедак; 122 - Бургулюк 1; 123 - Чимбайлыкский клад; 124 - Бричмуллинский клад; 125 - Искандер и Аурахмат; 126 - Чуст; 127 - Дальверзин; 128 - Кайрак-Кумы; 129 - Вуадиль; 130 - Кашкарчи.

да. Для нашей темы большой интерес представляют работы Я.Г. Гулямова (Гулямов и др., 1966), Б.А. Литвинского (Литвинский и др., 1962), Д.В. Наумова (1972), Н.А. Аванесовой (1999) и Равич (2004), в которых рассматриваются металлические материалы степных племён бассейна реки Зарафшан, Ферганы и Юго-Западного Таджикистана. Сведения о химическом составе меди и бронз древневосточных культур Узбекистана и Таджикистана приведены в работах А.А. Аскарова (Аскаров и др., 1975), А.И. Исакова (1991) и Равич (1994).

Из обобщающих трудов, посвященных металлу племён Средней Азии древнейшего периода, надо отметить монографию Е.Е. Кузьминой (1966), в которой на базе данных типологического анализа изделий описываются контуры истории металлообработки, определяются связи и контакты металлургических центров. В работе также приводятся результаты спектрального анализа предметов, найденных в памятниках эпохи энеолита и бронзы.

Специальное исследование ряда аспектов древней металлообработки Узбекистана и сопредельных районов провел автор настоящей работы (Рузанов, 1982, 1987, 1988, 1990, 1994, 1996, 1999, 2000, 2002, 2004, 2005). Изучение металлических материалов проводилось с применением археологических и естественнонаучных методов.

Важные данные о геохимической характеристике рудников, времени начала горнорудного промысла, культурной принадлежности горняков-металлургов, техники горных работ и выплавки меди, горняцком каменном инструментарии содержат работы В.И. Киреева и др. (1967), В.И. Киреева, Е.Б. Пругера (1970), А.В. Виноградо-

ва, Е.Е. Кузьминой (1970), А.В. Виноградова, Э.Д. Мамедова (1975), Н.А. Аванесовой (1994), Ю.Ф. Бурякова (1974), С.А. Григорьева (1996), В.Д. Рузанова (1979, 2000, 2010), К. Алимова и др. (Alimov and ather. 1998, 1999), Г. Парцингера, Н. Бороффки (Paryinger, Boroffka, 2002; 2003) и Я. Циерны (Cierny, 2002).

Рецептура металла древневосточных и степных культур, памятников с лепной расписной керамикой эпохи палеометалла весьма разнообразна. Местные литейщики использовали оловянные, свинцовые, мышьяковые, свинцово-мышьяковые, оловянно-свинцовые, свинцово-сурьмяно-мышьяковые, оловянно-мышьяковые, оловянно-свинцово-мышьяковые, оловянно-сурьмяно-мышьяковые, оловянно-свинцово-сурьмяно-мышьяковые бронзы, металлургически «чистую» медь, билон, серебро и золото.

Статистическая и графическая обработка результатов анализов позволила выделить в коллекциях изделий из Узбекистана 24 химические группы[1]. Географическое распространение образцов этих групп наглядно демонстрируют карты (рис. 2-4).

Металл групп ЮТ I, ЮТ II и ЮТ V локализуется в Южной Туркмении. Отдельные образцы этих групп встречаются в коллекции поселения Саразм (рис. 2а,б,в).

Металл группы ЮС Iа распространен в южных районах Средней Азии (рис. 2г). Основная часть ее образцов концентрируется в Приамударьинском и Мургабском районах (более 2/3 предметов всей серии группы). В других южных областях группа ЮС Iа хотя и является основной, но не образует значительных скоплений. В северных районах медь с таким химическим составом встречена в верхнем (Саразм) и нижнем (Заманбабинская культура) бассейнах Зарафшана.

Металл группы ЮС IIа равномерно распространен по территории Южной Туркмении и Южного Узбекистана (рис. 2д). В других районах Средней Азии предметы с таким составом не встречаются.

Металл группы ЮС IIIа распространен в Сумбарском, Мургабском и Приамударьинском районах (рис. 2е). Ее образцы не образуют значительных скоплений. В северных культурах группа представлена одним изделием в заманбабинском комплексе.

Металл группы ЮС IVа распространен на той же территории, что и группа ЮС Iа (рис. 2ж). Основная часть ее образцов сосредоточена в Мургабском оазисе и Сурхандарьинской области.

Группа ЮС Iв немногочисленна. В основном она распространена в Мургабском, Прикопетдагском и Приамударьинском районах (рис. 2з). Дважды ее образцы зафиксированы в коллекциях памятников Кафирнигано-Вахшского района.

С металлом группы СА сопоставляется медь из памятников Копетдагского и Мургабского районов, и одно изделие заманбабинской культуры (рис. 2и).

Металл группы ЮС Iб охватывает территорию юга Средней Азии (рис. 3а). Значительных скоплений не образует. Образцы этой группы также встречены в верхнем бассейне р. Заравшан (Саразм), в одном случае - в материалах бургулюкской культуры.

Металл группы ЮС IIб распространен в южных районах Туркмении и Узбекистана (рис. 3б). Большая часть ее образцов фиксируется в Сурхандарье. В одном случае такая группа встречена в коллекции бургулюкской культуры.

Металл группы ЮС IIIб не образует больших скоплений и распространен в Приамударьинском, Мургабском и Сумбарском районах (рис. 3в). Отмечен также в коллекции культуры Заманбаба.

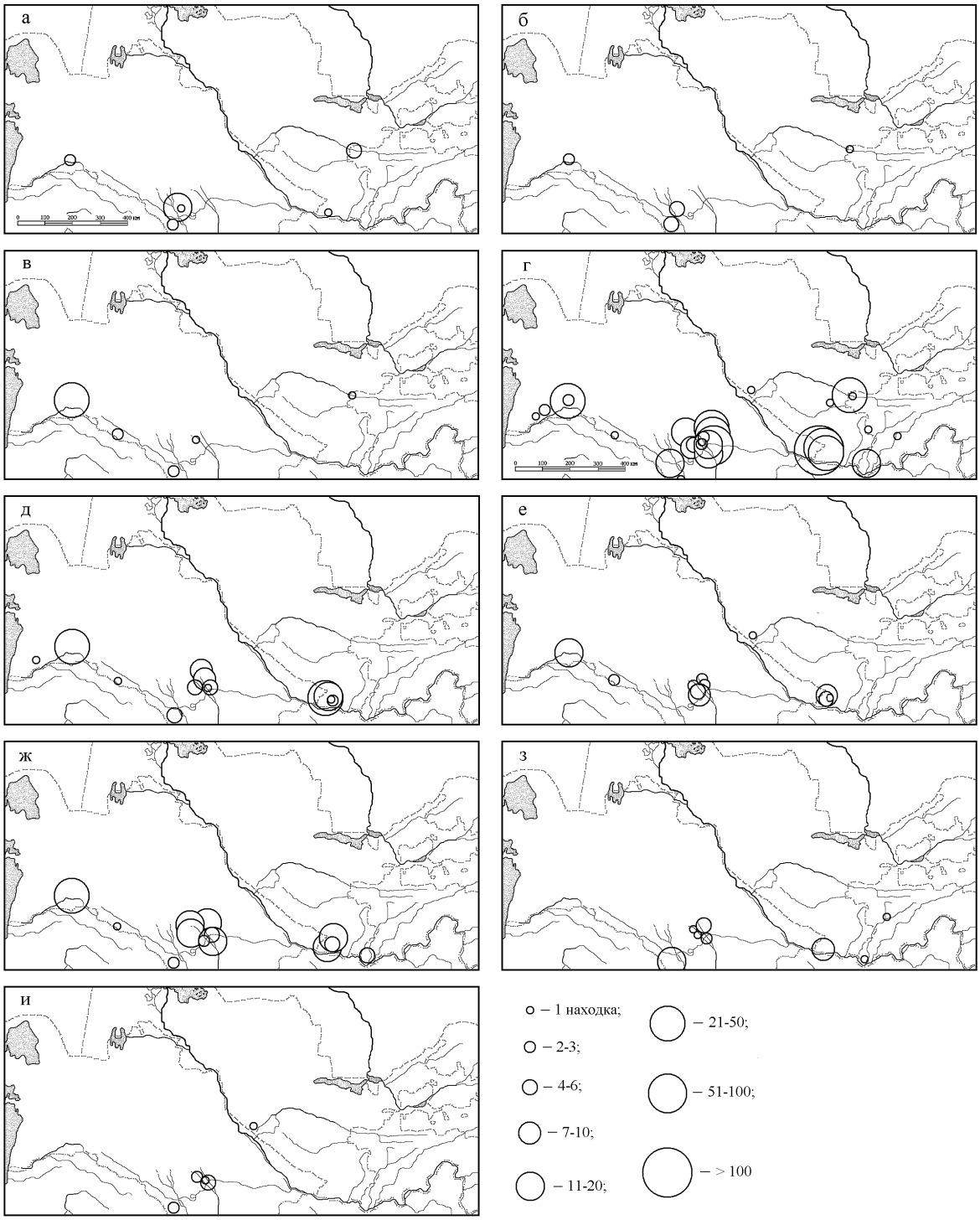

Рис. 2. Карты-схемы распространения меди химических групп: а – ЮТ I; б - ЮТ II; в - ЮТ V; г – ЮС Ia; д – ЮС IIa; е – ЮС IIIa; ж – ЮС IVa; з – ЮС Iв; и - СА

Медь группы ЮС IVб распространена практически на всей территории юга Средней Азии (рис. 3г). Центр скопления образцов этой группы находится на западе Туркмении - в Сумбарском районе. По мере продвижения на восток количество находок группы ЮС IVб уменьшается. В одном случае она обнаружена в коллекции поселения Дальверзин.

Образцы группы КМ I локализуются в Кызылкумском районе (рис. 3в). Отдельные находки КМ I встречаются в Фергане (Чуст) и низовьях р. Зарафшан (Гуджайли).

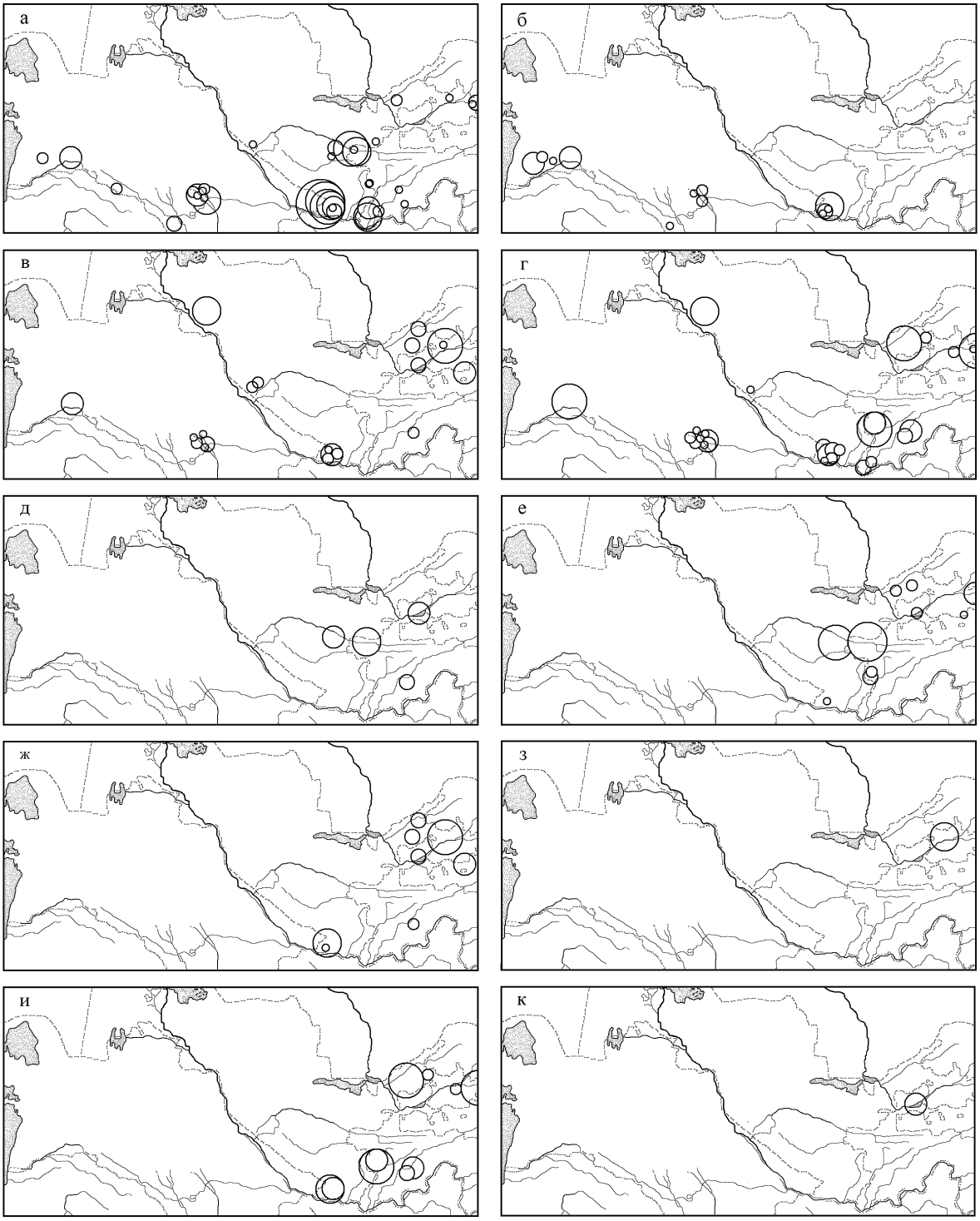

Рис. 3. Карты-схемы распространения меди химических групп: а - ЮС Iб или ВУ, б - ЮС IIб, в - ЮС IIIб или КМ I, г - ЮС IVб или КМ II, д - ВЗ I, е - ВЗ II, ж - ЧК I, з - ЧК II, и - ЧК III, к - ЧК IV

Группа КМ II, как и КМ I, немногочислена и имеет тот же ареал распространения (рис. 3г). В одном случае она выявлена в нижнем бассейне р. Зарафшан (Гуджайли).

Металл группы ВЗ I зафиксирован в среднем и верхнем бассейнах р. Зарафшан и Фергане (рис. 3д). Центр распространения такой меди находится в верховьях Зарафшана (Дашти-Козы).

Образцы группы ВЗ П локализуются в верхнем и среднем бассейнах р. Зарафшан (рис. 3е). Отдельные ее находки обнаружены в Гиссарском (Тандыр-йул) и Приамударьинском (Бустан 4) районах.

Металл группы ЧК I распространен в Фергане, Ташкентском оазисе, Приамударьинском и Дангаринском районах (рис. 3ж). Большинство образцов этой группы концентрируется в Фергане.

Группа ЧК II встречается только на поселении Чуст в Фергане (рис. 3з).

Металл группы ЧК III сосредоточен в фергано-ташкентском регионе и верхнем бассейне р. Зарафшан с преобладанием ее образцов в коллекциях памятников с расписной керамикой (Дальверзин, Бургулюк). Достаточно широко она представлена также в Приамударьинском (Джаркутан 4, Бустан 4,5) и Гиссаро-Дангаринском (Кангурттут, Тандыр-йул) районах. Несколько образцов группы ЧК III обнаружены в среднем бассейне Заравшана (Чакка) (рис. 3и).

Металл группы ЧК IУ известен лишь в кайраккумской культуре (рис. 3к).

К группе ЕУ (еленовско-ушкаттинская) относятся несколько находок из среднего (Чакка) и верхнего (Дашти-Козы) бассейнов р. Заравшан (рис. 4а).

С металлом группы ВК (волго-камская) сходны некоторые предметы тазабагъябской культуры (рис. 4а).

Металл группы ТК (ташказганская) выявлен в среднем бассейне р. Зарафшан (Чакка) (рис. 4б).

Металл группы МП (медистых песчаников) зафиксирован в одном случае в комплексе Чимбайлыкского клада Ташкентского оазиса (рис. 4б).

Ниже в краткой форме укажем географию рудных районов, с которыми, как мы полагаем, был связан металл, обнаруженный в памятниках эпохи энеолита и бронзы Узбекистана и сопредельных районов.

ЮТ I - ЮТ VIII - южнотуркменистанские группы не имеющие химического сходства с рудами месторождений Средней Азии. Рудные источники металла этих групп, скорее всего, располагаются на территории Ирана.

ЮС Iа - ЮС IVа и ЮС Iв - южносреднеазиатские группы, металл которых не находит химических параллелей в геохимии руд месторождений Узбекистана и Таджикистана. Видимо, они связаны с рудными источниками Ирана и Афганистана.

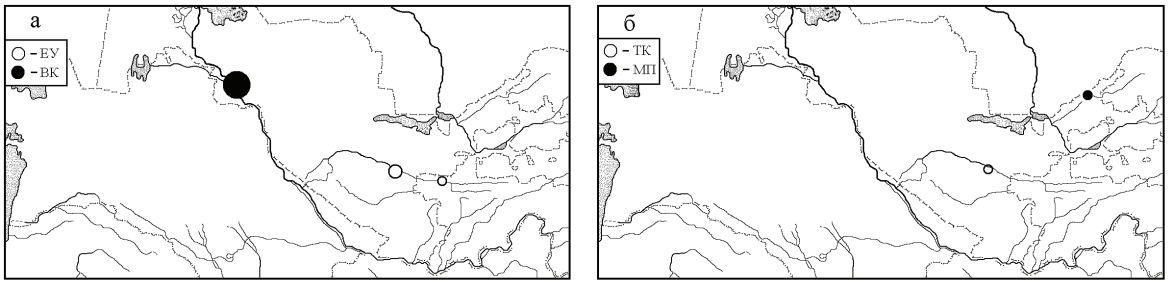

Рис. 4. Карты-схемы распространения меди химических групп:
а - ЕУ,ВК; б - ТК,МП

ЮС Iб - южносреднеазиатская группа, сходная с группой ВУ, связана с рудными источниками, расположенными либо в Западном Узбекистане (Кызылкумские горы), либо Восточном или Центральном Казахстане.

ЮС Пб – южносреднеазиатская группа, имеющая сходство с рудами Гаурдакских медистых песчаников Юго-Восточной Туркмении.

ЮС IIIб и ЮС IV6– южносреднеазиатские группы. Сходны с группами КМ I, КМ П и связываются с месторождениями Кызылкумских гор Западного Узбекистана.

КМ I и КМ П – кызылкумские группы, которые связываются с кызылкумскими месторождениями Западного Узбекистана.

ЧК I - чаткало-кураминская группа, образцы которой являются основой коллекции изделий поселения Чуст и связываются с месторождением Варзик, расположенным вблизи этого памятника.

ЧК II - чаткало-кураминская группа с неопределенным рудным источником, расположенным, видимо, в ферганском рудном районе.

ЧК III - чаткало-кураминская группа, доминирующая в металлических комплексах чустской (дальверзинский этап) и бургулюкской (Бургулюк I) культур, связывается с месторождением «Возрожденное», находящимся в горах Южного Чаткала Северо-Восточного Узбекистана.

ЧК IV - чаткало-кураминская группа с неопределенным рудным источником, расположенным, очевидно, в Западной Фергане, где-то поблизости от памятников кайраккумской культуры.

ВЗ I и ВЗ II - верхнезарафшанские химико-металлургические группы связываются с месторождениями верхнего бассейна р. Зарафшан Северного Таджикистана.

СА - североафганская группа, очевидно, связана с полиметаллическими рудниками Афганистана.

ЕУ (еленовско-ушкаттинская), ТК (ташказганская) и МП (медистых песчаников) - эти группы Е.Н. Черных (1970, с.15) связывает с месторождениями Уральской горно-металлургической области.

Рудные источники групп ВК (волго-камская) и ВУ (волго-уральская) археологами не определены. По нашему мнению, центр производства металла группы ВУ находится либо в Кызылкумских горах Западного Узбекистана, либо в Центральном или Восточном Казахстане.

Картографический анализ распространения образцов вышеотмеченных химических групп на территории Узбекистана и смежных культурно-исторических областей приводит к следующим выводам. В эпоху энеолита, ранней и средней бронзы функционировали два основных направления движения металла. Первое, доминирующее направление, проходило с юга на север и северо-восток. Второе, не столь масштабное направление перемещения металла, фиксируется с запада на восток.

Первое направление было связано с импульсами, исходившими от производства древневосточных культур. Под воздействием металлообрабатывающих и металлургических центров, функционировавших в Южном Туркменистане и, возможно, Северо-Восточном Иране формируется металлургия на территории Кызылкумов и в бассейне р. Заравшан. Скорее всего, именно из областей этих регионов мигрировали группы населения на север, которые привнесли металлургическую идею и металл в Кызылкумы (Лявляканские и бешбулакские стоянки), нижний (Заманбабинская культура) и верхний (Саразм) бассейны р. Зарафшан[2].

Второе направление, возникшее в более позднее время (развитая бронза), было связано с движением степных скотоводческо-земледельческих племён. Судя по керамическим материалам, это были популяции древнеямной, позже катакомбной культур, пришедшие из степей Евразии в Кызылкумы. Они также были знакомы с металлом и вели разработку некоторых медных рудопроявлений Внутренних Кызылкумов. Не исключена возможность, что с металлургией степных племён было связано появление металла группы ВУ у населения культуры Заманбаба и Саразма.

В эпоху поздней бронзы, в существовавших ранее направлениях движения металла происходят изменения. Во-первых, сокращаются пути пространственного перемещения южного металла на север, а значит и передвижения популяций, нёсших с собой этот металл. Теперь медь и бронзы, связанные с металлургическими и металлообрабатывающими центрами древневосточных племён, поступают лишь в Южный Узбекистан и Юго-Западный Таджикистан. В памятниках Зарафшанской зоны и более северных территорий мы уже не встречаем сырья южного происхождения. Во-вторых, часть изделий, обнаруженных на юге Узбекистана и юго-западе Таджикистана, является импортом, генетически связанным с зарафшанскими, ташкентскими и ферганскими рудными источниками, которые разрабатывали степные племена и популяции северных культур с лепной расписной керамикой. Они то и принесли с собой ташкентско-ферганский металл вначале в средний и верхний бассейн р. Заравшан, затем на правобережье р. Амударьи. В-третьих, по металлу, связанному с кызылкумскими рудными источниками фиксируется четвёртое направление движения, которое начиналось в Южном Приаралье, затем проходило вдоль Узбоя в Юго-Западную Туркмению. Эту медь могли нести группы степных племён тазабагъябской культуры. И, наконец, в-четвёртых, с миграциями алакульских и фёдоровских племён из Казахстана и Южного Приуралья на север Узбекистана и север Таджикистана связано появление на этой территории металла очагов Евразийской металлургической провинции.

Согласно геологическим данным, рудная база Средней Азии характеризуется многочисленными медными, полиметаллическими и оловянными месторождениями. Эти рудные объекты локализуются в следующих областях: 1. Чаткало-Кураминском; 2. Ферганском; 3. Туркестанском; 4. Нуратинском; 5. Зирабулак-Каратюбе-Зарафшанском; 6. Букан-Тамды-Ауминзатауском; 7. Гиссарском; 8. Кугитангтауском; 9. Памирском. Кроме того, отдельные рудопроявления находятся в горах Султануиздаг и Бабатаг. Среди них Чаткало-Кураминская, Букан-Тамды-Ауминзатауская, Зирабулак-Каратюбе-Зарафшанская и Гиссарская области являются самыми богатыми: на их долю приходится примерно 70-80% всех известных сегодня рудных точек с медной, полиметаллической и оловянной минерализацией. Ряд месторождений этих горнорудных областей был известен горнякам-металлургам в эпоху бронзы (рис. 5).

По археологическим данным начало разработки медных полиметаллических рудников Узбекистана и Таджикистана восходит к первой половине III тыс. до н.э.[3]

В нашей республике к данному времени относятся медные месторождения в Кызылкумских горах. Об этом косвенно свидетельствуют следы металлургического производства на некоторых стоянках в Лявлякане, Беш-Булаке и Аякагитме (Виноградов, Мамедов, 1975; Григорьев, 1996). Важные для нашей темы данные о степени освоения кызылкумских медных рудопроявлений в древнейшем периоде получены при статистических расчётах. В частности, подсчёт стоянок на Лявлякане с ру-

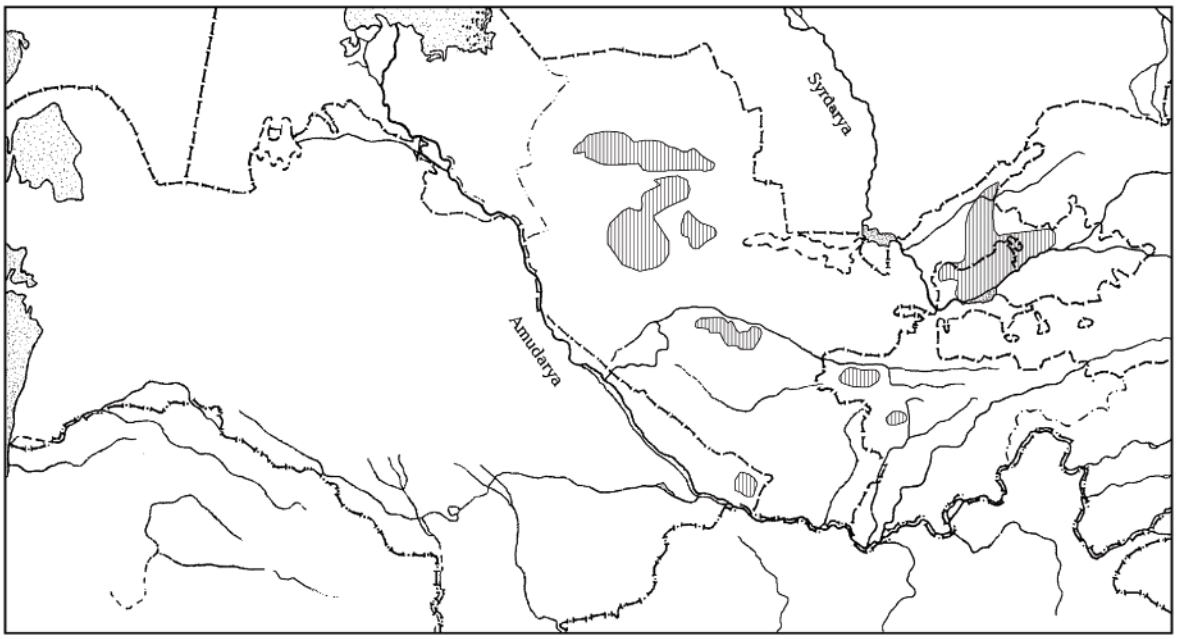

Рис. 5. Карта-схема расположения горнорудных областей Средней Азии, месторождения которых эксплуатировались в эпоху бронзы

дой и шлаком и без них, относящихся к эпохе энеолита и ранней бронзе, дал следующий результат. Из 58 стоянок этого периода только 1/9 часть содержат следы металлургического производства. Примерно такое же соотношение фиксируется для эпохи средней и поздней бронзы. Иная ситуация в этом плане складывается на Беш-Булаке, где металлургия эпохи поздней бронзы представлена шире, чем на Лявлякане.

Примерно к такому же результату приводит спектроаналитическое изучение металла. Анализ показывает, что месторождения Узбекистана и Таджикистана в эпоху энеолита, ранней и средней бронзы использовались ограничено. К примеру, большая часть коллекции металлических изделий Саразма представлена импортной медью, которая была распространена в синхронных памятниках на юге Туркменистана. Этот металл, скорее всего, был связан с рудной базой Ирана. В металлообработке саразмского очага весьма заметную роль также играла медь (группа ЮС Iб или ВУ) кызылкумских рудных источников Западного Узбекистана, либо Казахстана. И только на позднем этапе развития сареземские металлурги начинают использовать медь верхнезарафшанского источника. Об этом свидетельствует весьма высокое содержание в некоторых изделиях Саразма сурьмы и мышьяка, которые в больших количествах присутствуют в рудах верхнезарафшанских месторождений. Эксплуатация данного источника, исходя из даты химически сходных с ним изделий, начинается в последней трети III тыс. до н. э. Правда, судя по небольшой серии предметов, изготовленных из такого металла, разработка рудника была ограниченной. Значительно чаще саразмские литейщики использовали импортную медь ирано-афганского и западноузбекистанского (возможно, казахстанского) происхождения.

В эпоху поздней бронзы разработка месторождений Узбекистана и смежных областей принимает весьма широкие масштабы. В Кызылкумах племена тазабагъябской, алакульской и фёдоровской культур разрабатывали медные месторождения в горах Тамдытау и Букантау (Итина, 1977. С. 136). На севере Узбекистана и Таджи-

кистана большим разработкам подверглись полиметаллические месторождения и рудопроявления медистых песчаников Чаткало-Кураминских гор. Об этом свидетельствует широкая распространённость металла в памятниках Узбекистана, химически сходного с рудами некоторых здешних месторождений (табл. 1, рис. 6). Эти рудники, скорее всего, эксплуатировали металлурги чустской, бургулюкской и кайраккумской культур. Интенсивной эксплуатации подвергались полиметаллические месторождения со сложным составом, содержащие медь, олово, сурьму и мышьяк, находящиеся в верхнем бассейне р. Зарафшан. Кроме Согда, верхнезарафшанский металл поступал в Фергану, Ташкентский оазис и Северную Бактрию. Этот металл выявлен в памятниках степных (Дашти-Козы, Чакка, Муминабад и кайраккумская культура), древневосточных (Бустан 3-6, Тандыр-йул и Кангурттут) и с лепной расписной керамикой (Дальверзин и Бургулюк 1) племён.

Ограниченный характер носили разработки кугитанг-гаурдакских месторождений медистых песчаников, находящиеся на юго-востоке Туркмении. Исходя из хронологии изделий, сделанных из металла со сходным гаурдакским рудам химическим составом, данный источник начали разрабатывать где-то на рубеже III/II тысячелетия до н.э. В основном эту медь использовали южнотуркменистанские литейщики. Гаурдакский металл выявлен также в коллекции изделий сапаллинской культуры. Однако его доля здесь небольшая (всего 3%). В начале I тысячелетия до н.э. металл кугитанг-гаурдакского источника довольно широко начинают употреблять литейщики поселения Кучуктепе.

Среди узбекистанских и таджикистанских месторождений, с рудой которых генетически связывается медь памятников Узбекистана и смежных территорий, наиболее значимыми были источники Чаткало-Кураминских, Кызылкумских и Зарафшанских гор.

Таблица 1. Количество образцов меди из источников Средней Азии и импорта, их доля в коллекциях культур эпохи поздней бронзы.

Культура	Медь источников Средней Азии: ЮС IIб; ЮС IIIб-КМ I; ЮС IVб-КМ II; ВЗ I, II; ЧК I-IV.		Медь импортная: ЮТ I; ЮС Ia – IVa; ЮС Iв; ВК; ЕУ; ТК; МП.		Медь неопределённых источников: ЮС Iб-ВУ; НО.		Всего
	Кол-во	доля, %	Кол-во	доля, %	Кол-во	доля, %	
Типа Сапалли	69	16,2	326	76,7	30	7,1	425
Типа Тандыр-йул и Кангурттут	47	90,4	1	1,9	4	7,7	52
Типа Тазабагъяб	19	70,3	7	25,9	1	3,7	27
Типа Чакка, Муминабад и Дашти-Козы	184	91,5	9	4,5	8	3,9	201
Типа Кайраккумов	27	90	-	-	3	10	30
Типа Бешкент	5	13,5	25	67,5	7	18,9	37
Типа Дальверзин и Чуст	90	74,3	-	-	31	25,7	121
Типа Бургулюк 1	38	77,5	-	-	11	22,5	49
Типа Кучук 1,2	17	77,6	-	-	4	22,4	21

Культура	Количество	Химические группы							Частость, %
		ЮС IIIб (КМ I), ЮС IVб (КМ II)	ЮС Iб (ВУ)	ЧК I-IV	ВЗ I,II	ЮС IIб	ЮТ I, ЮС Iв, ЮС Ia - IVa	ВК, ЕУ, МП, ТК	
Типа Сапалли	424	31	29	24	1	13	326	-	- 80 - 10
Типа Тандырйул и Кангурттут	49	-	1	42	5	-	1	-	- 80 - 10
Типа Тазабагъяб	27	19	-	-	-	-	-	7	- 80 - 10
Типа Чакка, Муминабад и Даште-Козы	201	-	5	64	120	-	-	9	- 80 - 10
Типа Кайраккумов	30	-	2	18	9	-	-	-	- 80 - 10
Типа Бешкент	37	5	7	-	-	-	25	-	- 80 - 10
Типа Дальверзин и Чуст	115	2	2	77	11	-	-	-	- 80 - 10
Типа Бургулюк 1	47	1	3	34	3	-	-	-	- 80 - 10
Типа Кучук 1,2	21	4	-	13	-	4	-	-	- 80 - 10

Рис. 6. Соотношение изделий коллекций культур эпохи поздней бронзы Узбекистана и Таджикистана с химическими группами. Примечание. Группы ЮС IIIб (КМ I), ЮС IVб (КМ II) – кызылкумские источники; ЮС Iб (ВУ) – кызылкумский или казахстанский источник; ЧК I-IV – чаткало-кураминские источники; ВЗ I,II – верхнезаравшанские источники; ЮС IIб – кугитанг-гаурдакский источник; ЮТ I, ЮС Iв, ЮС Ia-IVa – ирано-афганские источники; ВК, ЕУ, МП, ТК – евразийские источники. В графе «Количество» - число спектрально проанализированных предметов. В левом верхнем углу – количество вещей, составляющих одну или несколько групп. Ряд изделий относится к химически неопределённой группе (НО), доля которой в данном рисунке не отражена

В эпоху поздней бронзы здешние рудники эксплуатировали племена петровской, алакульской, тазабагъябской, федоровской, видимо, чустской и бургулюкской культур. Горняки алакульской и федоровской культур разрабатывали оловянные месторождения в Зарафшанской металлогенической провинции (Alimov and ather. 1998, 1999; Рузанов, 2000, 2010; Parzinger, Boroffka, 2002, 2003; Cierny J., 2002). Надо отметить, что металлообрабатывающее производство многих очагов, функционировавших в это время на исследованной территории, преимущественно базировалось на металле местных источников. Исключением является металлообработка сапаллинской культуры, в которой на протяжении всех периодов её развития преобладал металл ирано-афганских рудных источников.

Итак, исходя из данных обследования медных, полиметаллических и оловянных месторождений и результатов анализа металлических предметов памятников Узбекистана и сопредельных территорий, вытекает следующее заключение по вопросу о связи между поиском рудных источников древними племенами и активностью их миграций. Так, в эпоху энеолита, ранней и средней бронзы поиск рудных источников для мигрировавших групп племён на территории Узбекистана и Таджикистана имел второстепенное значение. В большинстве случаев, в то время, основным стимулом для передвижения населения служил фактор освоения новых земель, пригодных для земледелия и скотоводства. В эпоху поздней бронзы ситуация изменяется. В этом периоде уже широко используется металл, что косвенно свидетельствует об активном поиске населением медных и оловянных месторождений и интенсивности их разработки. Наличие богатой медно-оловянной рудной базы в Узбекистане и Таджикистане активизирует миграции племён из северных областей в Кызылкумы, Фергану, Чач и Согд.

Примечания

1. Вначале в материалах среднеазиатских памятников эпохи бронзы была выделена 21 химическая группа (Рузанов, 1982). Однако, после публикаций данных спектрального анализа изделий из поселений Геоксюр 1, 5, Алтындепе и могильника Пархай II Южной Туркмении эпохи позднего энеолита, ранней и средней бронзы (Терехова,1975; Галибин, 1997;2002; Кирчо, Алёкшин, 2005) и статистической обработки результатов число таких групп возросло до 29. Из новых 8 химических групп, обозначенных нами ЮТ I-ЮТ VIII (как южнотуркменские, по месту их основного распространения на территории Средней Азии), в коллекции Саразма удалось вычленить 3 группы - ЮТ I, ЮТ II и ЮТ V.
2. Из-за неполноты опубликованных данных о химическом составе изделий хакского клада (Богданова-Березовская, 1962, табл. 2), к сожалению, трудно определить принадлежность металла этого комплекса к химическим группам. Такое положение в свою очередь не позволяет установить определённую связь предметов клада с металлообрабатывающими центрами, которые, как полагают учёные, находятся в Северо-Восточном Иране.
3. Следы древних работ установлены на многих месторождениях полиметаллов и меди. Однако, их обследование главным образом ограничивалось визуальными наблюдениями, в крайнем случае, разведочными шурфами. Масштабные археологические обследования, по сути дела, не проводились. Причастность данных рудников к металлургии древнейшего периода, как правило, устанавливается археологами наличием близлежащих от них следов выплавки металла. По обнаруженным на таких объектах материалам учёные датировали металлургическое производство, и вместе с ним, расположенные рядом рудники.

Использованная литература

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (По металлическим изделиям). – Ташкент, 1991.

Аванесова Н.А. Тугайное горно-металлургическое поселение эпохи бронзы Заравшана // «История и перспективы развития горнорудной промышленности Средней Азии» – к 60–летию Таджикско-Памирской экспедиции: Тез. докл. Межд. науч. конф. - Худжанд, 1994.

Аскаров А., Абдуразаков А., Богданова-Березовская И.В., Рузанов В.Д. Химический состав металлических предметов из поселения Сапаллитепа // ИМКУ.- Вып.12.- Ташкент, 1975.

Богданова-Березовская И.В. Химический состав металлических изделий Ферганы эпохи бронзы и железа // МИА.- №118.- М.-Л., 1962.

Богданова-Березовская И.В. Химический состав металлических предметов из могильников эпохи бронзы в Бишкентской долине // МИА.- № 145.- Л., 1968.

Буряков Ю.Ф. Горное дело и металлургия средневекового Илака (V- начало XIII вв.).- М., 1974.

Виноградов А.В., Кузьмина Е.Е. Литейные формы из Лявлякана // СА. – №2.- М., 1970.

Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Первобытный Лявлякан.- М., 1975.

Галибин В.А. Металл раннего и развитого энеолита из могильника Пархай II // И.Н. Хлопин: «Энеолит Юго-Западного Туркменистана».—С-Пб., 1997.

Галибин В.А. Металл из могильника Пархай II // И.Н. Хлопин: «Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана». - С-Пб., 2002.

Григорьев С.А. Производство металла в Средней Азии в эпоху бронзы // В сборнике «Новое в археологии Южного Урала».- Челябинск, 1996.

Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскаров А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. - Ташкент, 1966.

Заднепровский Ю.А., Богданова-Березовская И.В. Обмен и торговля в древней Средней Азии по результатам археолого-химического изучения металлических изделий // Тезисы докладов: «Обмен и торговля в древних обществах» симпозиума теоретического Семинара сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР. 22-24 марта 1972.- Ленинград,1972.

Исаков А.И. Саразм (К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины (раскопки 1977-1983 гг.). – Душанбе, 1991.

Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья (II-начало I тыс. до н.э.) // Тр. ХАЭЭ. – Т. X.- М., 1977.

Киреев В.И., Пругер Е.Б., Лопатин С.В., Ермилов А.Г. Ревизия и изучение древних горных выработок на территории Узбекистана за 1964-1967 гг.; Руководитель В.И. Киреев.- №298. – АМГ Уз ССР. – Ташкент, 1967.

Киреев В.И., Пругер Е.Б. Ревизия и оценка объектов древнего горного промысла на территории Узбекистана за 1967-1970 гг. №20274 // АМГ Уз ССР. Ташкент, 1970.

Кирчо Л.Б., Алёкшин В.В. Хронология эпохи позднего энеолита средней бронзы Средней Азии (погребения Алтындепе).- С-Пб., 2005.

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. – Вып. В4-9.- М., 1966.

Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайрак-Кумов (Древнейшая история Северного Таджикистана).- Душанбе, 1962.

Наумов Д.В. Химический состав металлических украшений Муминабадского могильника // Тр. СамГУ.- Новая серия. Вып. 218. - Самарканд, 1972.

Равич И.Г. Исследование технологии изготовления бронзовых предметов с поселения Кангурттут // АРТ. Вып. XXV. Душанбе, 1994.

Равич И.Г. Особенности состава и технологии изготовления металлических изделий, найденных на поселении Кангурттут // Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М., 2004.

Рузанов В.Д. О некоторых древних оловорудных источниках на территории Узбекистана // ИМКУ. Вып. 15. Ташкент, 1979.

Рузанов В.Д. История древней металлургии и горного дела Узбекистана в эпоху бронзы и раннего железа // Автореф… канд. ист. наук. М., 1982.

Рузанов В.Д. К вопросу о происхождении Чимбайлыкского клада // ИМКУ. Вып. 22. Ташкент, 1988.

Рузанов В.Д. Химический состав металла могильника Чакка // ИМКУ.- Вып.24.- Ташкент, 1990.

Рузанов В.Д. Древняя металлургия Таджикистана // История и перспективы развития горнорудной промышленности Средней Азии. Худжанд, 1994.

Рузанов В.Д. Результаты спектроаналитических исследований металла памятников тазабагъябской культуры // ИМКУ. Вып. 27. Самарканд, 1996.

Рузанов В.Д. Еще раз о хронологии чустской культуры Ферганы // РА. №4. М., 1999.

Рузанов В.Д. Карнабское касситеритовое месторождение – источник олова эпохи бронзы // ИМКУ. Вып. 31. Самарканд, 2000.

Рузанов В.Д. О вотивных металлических изделиях из памятников земледельческих культур Северной Бактрии // АИ в 2003 г. Ташкент, 2004.

Рузанов В.Д. К вопросу об истоках металлообработки сапаллинской культуры Южного Узбекистана // История Узбекистана в археологических и письменных источниках. Ташкент, 2005.

Рузанов В.Д. Новые данные к истории добычи олова в Узбекистане // АУз. Вып.1. Самарканд, 2010.

Терехова Н.Н. Металлообрабатывающее производство у древнейших земледельцев Туркмении (Очерки технологии древнейших производств). М., 1975.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. № 172. М., 1970.

Рузанов В.Д. Древние сплавы Средней Азии // ИМКУ. Вып. 21. Ташкент, 1987.

Рузанов В.Д. Дальверзино-чустско-бургулюкский очаг в системе металлообрабатывающих и металлургических производств Средней Азии // История, культура и экономика юга Кыргызстана. Т. 1. Ош, 2000.

Рузанов В.Д. Некоторые сведения об источниках сырья бактрийского металла и характере перехода примесей из руды в медь в процессе металлургической плавки // ИМКУ. Вып. 33. Самарканд, 2002.

Alimov K., Boroffka N., Bubnova M., Burjkov Yu., Cierny Y., Yakubov Y., Lutz Y., Parzinger H., Pernicka E., Radililovski V., Ruzanov V., Syirinov T., Starshinin D., Weisgerber Y. Prahistorischer Zinnbergbau in Mittelasien // Eurasia Antiqua. Band 4. Berlin, 1998.

Alimov K., Boroffka N., Burjkov Yu., Cierny Y., Lutz Y., Parzinger H., Pernicka E., Ruzanov V., Syirinov T., Weisgerber Y. Research at Karnab, Uzbekistan // ИМКУ. Вып. 30. Самарканд, 1999.

Cierny J. Bronze age tin mines in Central Asia. Kargaly International Field Symposium – 2002: Earliest stages of mining and metallurgy in northen part of Eurasia: Kargaly complex. Proceedings of Symposium. M., 2002.

Parzinger H., Boroffka N. New results on prehistoric tin- and bronze metallurgy in Central Asia. – Kagaly International Field Symposium – 2002: Earliest stages of mining and metallurgy in northen part of Eurasia: Kargaly complex. Proceedings of Symposium. M., 2002.

Parzinger H., Boroffka N. Das Zinn der bronzezeit in Mittelasien I. Archäologie in Iran und Turan.- Band 5. Mainz am Rhein, 2003.

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА НА ТЕРРИТОРИИ УЗБЕКИСТАНА И ИХ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ С ДРЕВНЕВОСТОЧНЫМИ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ

© 2011. К. Абдуллаев
Институт археологии АН РУз

Одной из сложных проблем в истории и археологии не только Узбекистана, но всей Средней Азии является зарождение древнейших государств на территории Бактрии и Согда. Старое поколение исследователей при изучении этой проблемы в свое время вынуждены были следовать в определенной мере, догматическому понятийному аппарату. В древнейший период, согласно устаревшей теории, государство характеризуется своей классовой сущностью, основные принципы которого сводятся к угнетению и подавлению одного класса другим.

Однако антагонистическая направленность государственной структуры и его социально-классовая природа не всегда полностью раскрывает истинную сущность явлений. Например, все социальные явления при определенных условиях приобретают государственный масштаб и выражают интересы всех слоев общественной структуры. Такими условиями могли служить, например, случаи отражения внешнего врага, или другие события, затрагивающие интересы всего общества. Государственная организация, в особенности на ранних этапах ее формирования, слагается из нескольких формообразующих элементов, имеющих общий центростремительный характер. Для более детального понимания структурной сущности ранних государств необходимо накопление источников, которые на определенном этапе позволят взглянуть в суть проблемы с качественно новой ступени познания.

Одним из основополагающих источников для исследования этой проблемы в этом случае является изучение древних памятников материальной культуры. И надо отметить, что в последние десятилетия в этом отношении был сделан значительный прорыв работами отечественных и зарубежных археологов. Очень выразительными представляются открытия археологических памятников так называемого Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК) (рис.1). Следует особо подчеркнуть выдающуюся роль академика Я.Г. Гулямова, в изучении древней ирригации – как одного из важных факторов в формировании государственной системы. Выдвинутые идеи этого ученого остаются актуальными по настоящее время.

Возникновение в Средней Азии орошаемого земледелия еще в период перехода от матриархального рода к патриархальному укладу, в эпоху бронзы, было знаменательным событием в истории древних обществ. Искусственное орошение строилось на раннем этапе посредством обводнения посевных участков путем образования искусственных лиманов в низовьях горных ручьев и селевых потоков, на разливах боковых протоков больших рек. Такое положение было характерно для областей Копетдага, в южной Туркмении, в Ферганской долине, на северных склонах Нуратинского хребта, в Хорезмском и Бухарском оазисах. Создание более крупных и сложных систем ирригации

Статья написана на основе доклада, прочитанного на Гулямовских чтениях в СамГУ в 2011 году.

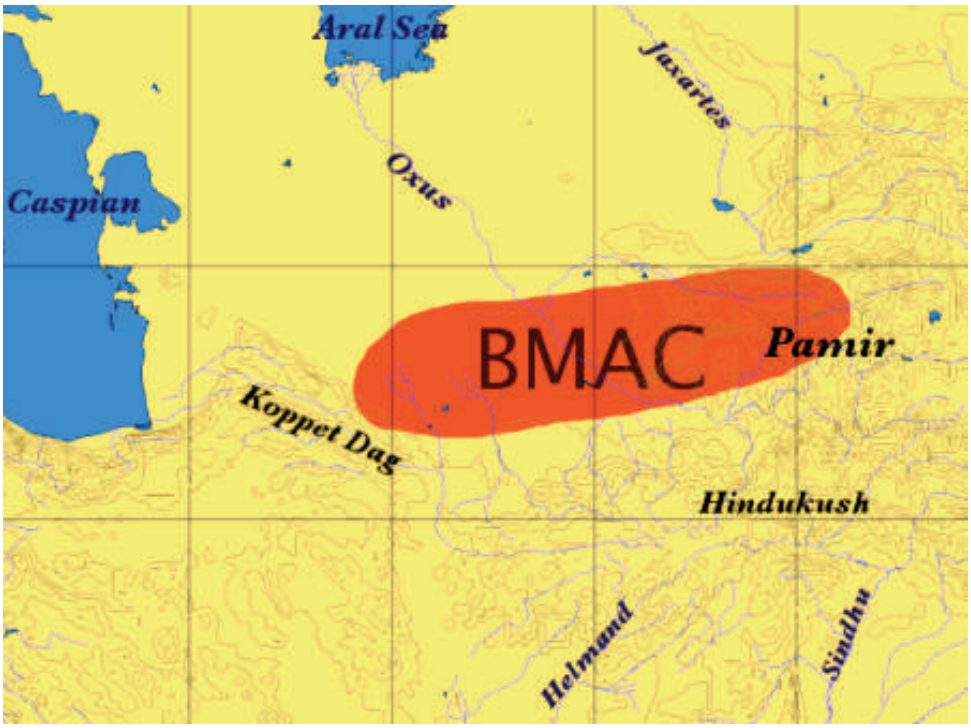

Рис. 1

требовало, с одной стороны, мобилизации огромных человеческих ресурсов, что было под силу лишь государственной структуре, с другой стороны, такие грандиозные сооружения требовали от населения, будь то племенные или родовые союзы, защиты и поддержания их на должном уровне технического состояния. Древнейший источник по истории Средней Азии – Авеста в своих наиболее ранних частях – гатах содержит важную информацию об уважительном отношении к водной стихии и связанным с ней сооружениям, к труду земледельца, который считается священным, богоугодным делом.

Экономический сдвиг, связанный с введением орошаемого земледелия, привел, в конечном счете, к перелому в общественной жизни, в результате которого в первой половине I тыс. до н.э. возникают города, складываются государственные образования. Искусственное орошение особенно сильно развивалось в этот период в нижних бассейнах больших рек и саев — Амударьи, Сырдарьи, Зарафшана, ферганских саев и т.д. Каналы проводились вдоль старых затухающих протоков рек, где в прошлом обитали первобытные земледельцы, использовавшие воды разливов.

Эта схема формирования и развития государственного организма во многом сходна с эволюцией классических древневосточных цивилизаций и государств, где развитие искусственного орошения сыграло решающую роль в сложении земледельческой культуры, формировании ранних городов, а затем и государств.

Одним из наиболее ярких показателей государственного устройства в древневосточных цивилизациях являются законы. Именно кодекс законов определяет нормы общественного устройства, юридические права и моральный кодекс каждого члена общества. Таковыми являются, например, законы Хаммурапи (начало XVIII в. до н.э.). В истории Средней Азии предвестником таких законов может в какой-то мере служить священная книга Авеста, в особенности те части, в которых содержатся предписания, затрагивающие определенные нормы морали, соблюдения календарных праздников, совершения тех или иных культовых обрядов и священных ритуалов.

На Ближнем Востоке примеры образования первых небольших государств рабовладельческого характера мы видим в начале III тысячелетия. Первоначально такими государствами в древнем междуречье стали отдельные города с прилегающими сельскими поселениями. В частности, на юге Двуречья раньше других возникли такие шумерийские города как Ур, Урук, Лагаш и др. В последующие эпохи экономические причины вызвали тенденцию к объединению этих маленьких государств в более крупные. Во второй половине III тысячелетия правитель севера междуречья Саргон объединяет под своей властью большую часть Двуречья, создав единое шумеро-аккадское государство.

Не останавливаясь на особенностях материальной и духовной культуры этого государства, следует отметить, что архитектура, основанная на сырцовой строительной технике, впервые демонстрирует такой примечательный тип культового памятника как зиккурат. В духовной культуре этого общества, отраженной в памятниках изобразительного искусства, превалируют изображения божеств антропоморфного характера, часто олицетворяющих образ царя. Идея царственного персонажа напрямую связана с культом самого царя, нередко выполняющего в композициях цилиндрических печатей божественную функцию. Следует отметить особое значение печатей, как наиболее важного источника по изучению духовной культуры первых государственных образований и как непременный элемент идеологии ранних государств.

Города-государства Месопотамии Ур, Урук, Лагаш и др. Несмотря на значительный хронологический разрыв, мы можем провести некоторые параллели в культурных традициях и структурных особенностях городов Месопотамии и археологических памятников на территории Узбекистана, которые по своему характеру можно отнести к Бактрийско-Маргианскому археологическому комплексу (Джаркутан, Гонур, Тоголок). Последние открытия показали, что взору исследователей предстал новый очаг древней цивилизации, значение которого в системе древних цивилизаций трудно переоценить. Возможно, что перед нами ранние формы государственного образования. Оседлоземледельческие культурные центры представляли собой ту базовую основу, на которой впоследствии сформировались города, в структуре которых были и такие элементы как храм и его округа, т.е. элементы способствующие консолидации государственной структуры (пример Джаркутан, Гонур, Тоголок).

Большое значение в формировании государства имеет религия, как правило, объединяющая всех членов социальной структуры. В ранние этапы формирования религия складывается из различных культов, принадлежащих различным родственно-племенным группам, различным этносам, объединенных в единый социум. Как правило, такие культы связаны с тотемистическими представлениями или с культами природных элементов и явлений (культ солнца, луны, воды, астральные культы, культ гор и водоемов – в композициях часто изображаются солярные, астральные символы).

Особое значение имеют погребальные культы, связанные не только с культом предков и потусторонним миром, но и с культом живого мира, как бы продолжающегося и после смерти человека в загробном царстве. Оформление гробниц и снабжение покойника всем необходимым является одной из примечательных особенностей в становлении и формировании многих древних религий. Часто эти представления оформляются в предписания и служат как бы объединяющим фактором не только межплеменного значения, но и государственного. Строительство храмов было одним из формирующих факторов государственной структуры.

В гробницах Ура найдены также образцы мозаичного искусства, среди которых лучшим является так называемый штандарт (рис. 2). Это мозаика из ляпис-лазури, раковин

и сердолика образует красочный орнамент. Отдельные ярусы передают, согласно уже сложившейся традиции шумерийского искусства, различные композиции со сценами битв сражений, жертвоприношений, триумфы города Ура и т.д. Хочется отметить также и тот факт, что лазурит, использованный в мозаиках Ура, по всей вероятности, доставлялся из Бактрии.

Последние открытия среднеазиатских археологов на территории Бактрии и Маргианы дали новые материалы, свидетельствующие о культурных связях с древней Месопотамией. Не будет большой ошибкой, если предположить, что многие стороны культурной традиции древней Месопотамии находят аналогии в археологических комплексах Бактрии и Маргианы. Здесь хотелось бы привести несколько примеров этих культурных связей. Речь идет о так называемых композитных фигурках, изготовляемых из разных пород камня (в основном это мягкая порода типа стеатита или как его называют иначе, мыльного камня). Примечательной особенностью этих фигурок является форма костюма, так называемый каунакес, представляющий собой соединенные полоски из

Рис. 2

Рис. 3

отдельных лоскутков зачесанной шерсти. Такое одеяние характерно для культуры древнего Шумера середины III тысячелетия до н.э. (рис. 3а, б). Однако, как известно, каунакес считается мужским платьем, между тем как бактрийские аналогии дают изображения, которые можно рассматривать и как женские. Тем не менее, при сравнении этой формы одежды на произведениях искусства Месопотамии с образцами бактрийско-маргианского комплекса можно проследить некоторые различия. Это, в первую очередь, касается формы покроя каунакеса. Если для подавляющего большинства изображений Месопотамии характерна обнаженная верхняя часть фигур, т.е. костюм закрывает либо одно плечо, либо вообще крепится на поясе, то костюм Бактрии-Маргианы, как правило, закрывает фигуру полностью, образуя на шее округлый или прямоугольный вырез (4 а, б, в, г, д, е, ж, з).

Мозаичное искусство погребальных сооружений не чуждо и для Средней Азии, в частности, для Бактрийско-маргианского археологического комплекса. Недавние открытия В.И. Сарианиди (некрополь Гонура) поражают своим убранством и богатым декоративным оформлением (5 а, б, в, г). Приемы мозаичного искусства демонстрируют высокий уровень мастерства жителей Гонура. Вместе с тем, в этом искусстве явно угадываются близкие культурные традиции, характерные как для Средней Азии, так и для Ближнего Востока. Эти связи, как свидетельствуют памятники художественной культуры, прослеживаются не только в экспорте драгоценных или полудрагоценных материалов (здесь мы можем назвать, например, все тот же лазурит, который добывался именно в Бактрии (Горный Бадахшан) или сердолик в Согдиане (как это отражено в надписи о строительстве дворца в Сузах).

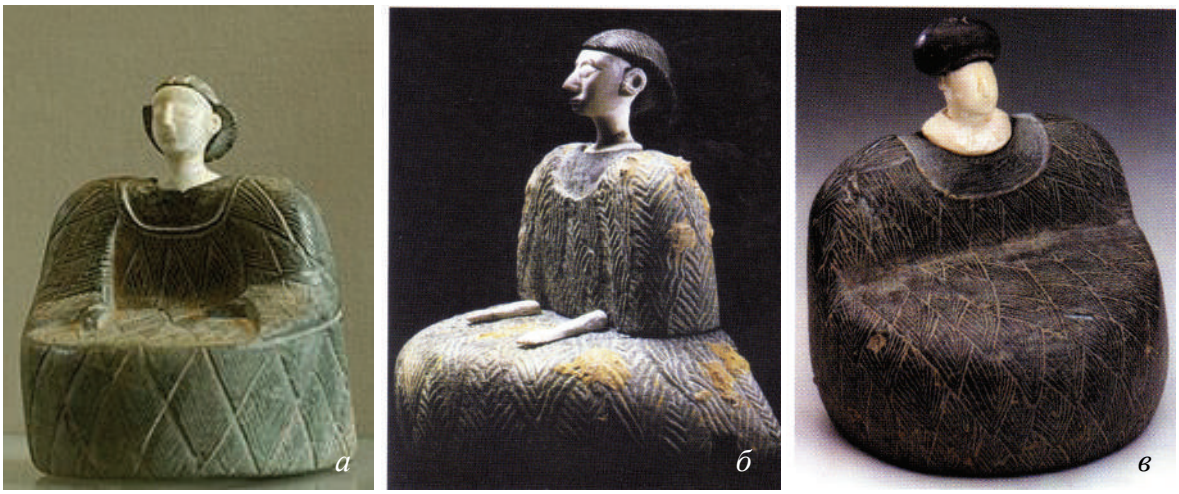

Рис. 4 (а, б, в)

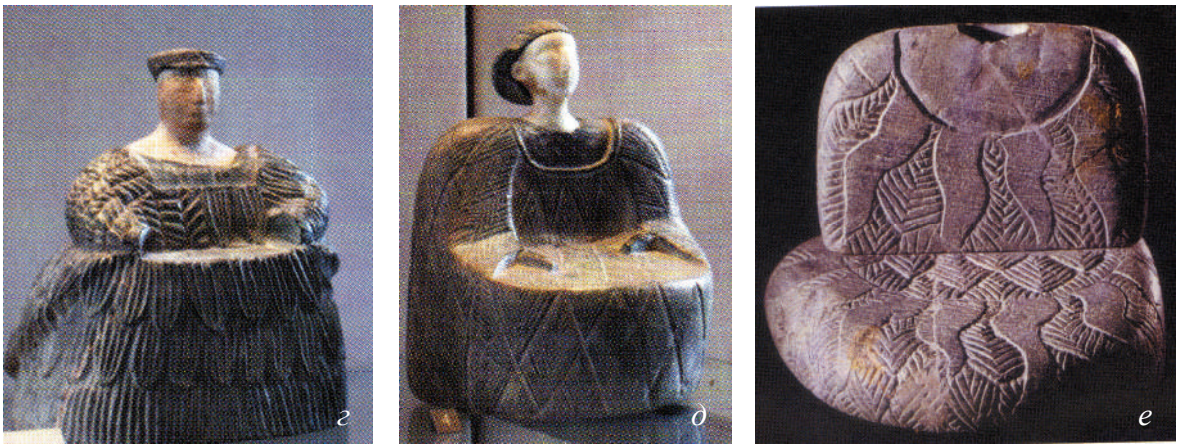

Рис. 4 (г,д,е,ж,з)

Идея о влиянии и, возможно, происхождении определенной части этноса Маргианы из Сиро-Месопотамии уже высказывалась Виктором Ивановичем Сарианиди. Однако в облике этой культуры прослеживаются и элементы других культур, в частности, хараппской (как это наглядно демонстрирует печать хараппского типа (рис. 6). Однако

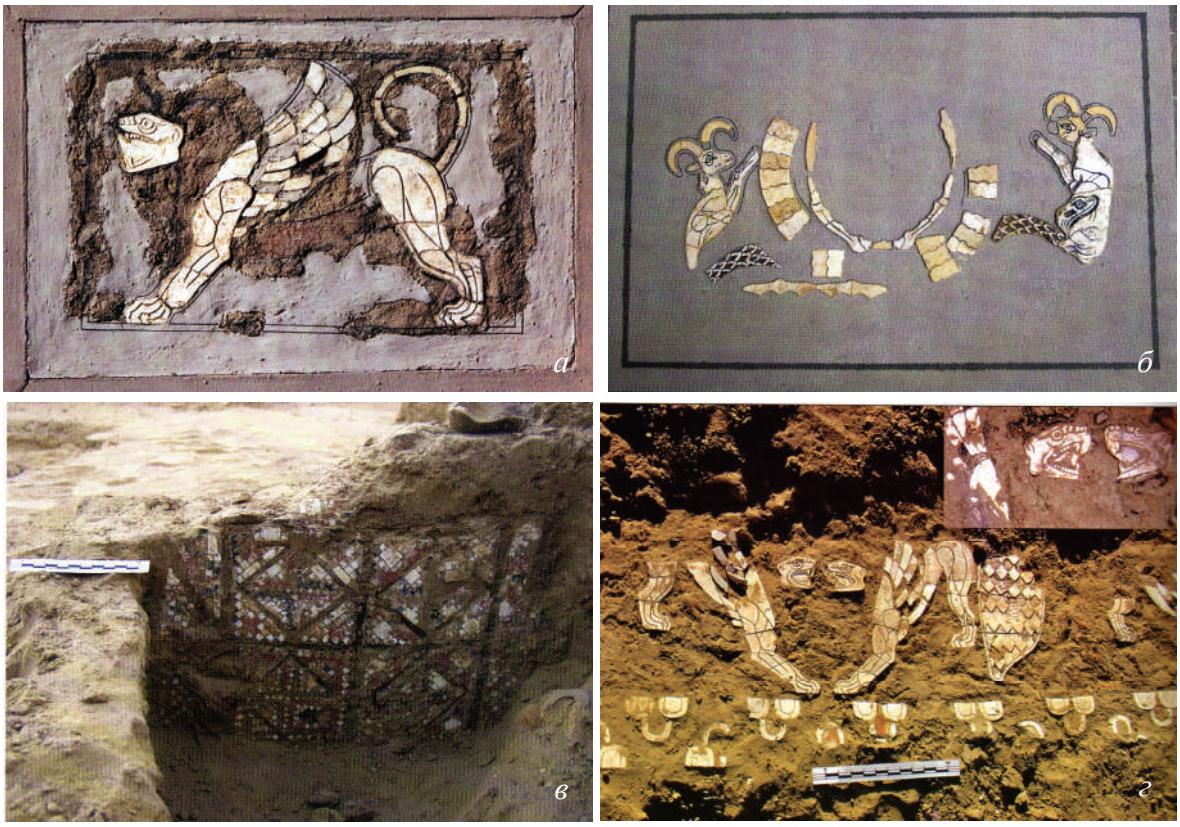

Рис. 5

утверждать преимущество одной культуры над другой и отдавать предпочтение одному или другому этносу представляется преждевременным и не достаточно плодотворным. Конечно же, нельзя отрицать и такое явление как этнокультурная миграция различных направлений. Частой причиной этих движений были поиски новых экономических и, если можно так выразиться, ресурсных пространств или же вытеснение одного этноса другим путем завоевательных войн.

Рис. 6

Затронутые выше положения, которые способствовали сложению государственности, в большей мере относятся к обществам земледельческой культуры. Основными этапами этого сложения являлось возникновение земледельческих оазисов, образование городских центров с развитием инфраструктуры, торговли ремесла. С ростом городского организма (появление кварталов-рабадов, значительно расширивших городскую территорию) возникает необходимость ограждения и защиты от внешнего врага. Для этого этапа характерно также возникновение городских, а также оазисных стен. Это, в свою очередь, дает толчок развитию централизованной власти, формированию управленческого аппарата с его фискальной системой. В конечном счете, как было отмечено выше, все это ведет на раннем этапе цивилизации к зарождению небольших городов-государств. Однако было бы не совсем правильным утверждать, что древние государства формируются лишь на основе земледельческой культуры, хотя археологические памятники, в частности, древнего Востока вообще и Средней Азии, в частности, свидетельствуют как раз об этом.

В меньшей степени с точки зрения материальной культуры выразительны кочевые государства, которые по своей мощи и территории не только не уступают, а порой превосходят многие государства. Кочевые общества, как правило, мобильные и в то же время в военном отношении более профессиональные, завоевывали в короткий промежуток времени обширные пространства и подчиняли своей власти как города, так и земледельческие оазисы. Для кочевого государства характерна в равной мере система управления (налогообложение, система контроля и т.д.). Ярким примером такого государства служит Орда, созданная Чингизханом. Здесь мы ограничиваемся лишь констатацией существования этого вида государственности, между тем как тема эта требует более детального исследования.

Рис. 7

ЗОЛОТАЯ МОНЕТА КАНИШКИ ИЗ САМАРКАНДСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2011. А.Э. Бердимурадов, А.А. Мусакаева
Институт археологии АН РУз,
Музей истории народов Узбекистана

Согласно письменным источникам в античных государствах Средней Азии использовались в денежном обращении золотые монеты, находки которых, на территории Узбекистана довольно редки. К таковым можно отнести и золотой чекан Вимы Кадфиза первого правителя Кушанского царства при котором были введены в обращение золотые монеты. Использование золотых монет при Кушанах являлось следствием расширения международных связей, подъема экономического уровня, притока золота извне.

В использовании золотых монет на ряду с медными для нужд международной торговли и в пределах империи заключается своеобразие и специфика денежного обращения Кушан.

Находки медных монет широко известны для территории Средней Азии, тогда как золотые представлены довольно редко. В этой связи особый интерес представляет находка золотой монеты Канишки из Согда, которая является первой находкой монет подобного рода за северными пределами Кушанской империи.

Описываемая в данной статье монета была найдена в 2008 г. С. Курбановым в поселке Пайшанба Каттакурганского района Самаркандской области при сносе старого дома. Возможно, она попала в строительные материалы вместе с глиной, взятой для строительства и была передана для определения в Институт археологии Академии наук РУз.

Описание.

Метрические параметры: вес – 7,78 г., диаметр – 20/22 мм., монетный кружок неровный, часть края монеты, не затронутая штемпелем, загнута, гурт не имеет следов спайки, изображение штампованное, следов литья не наблюдается.

Эти параметры полностью соответствуют метрологии кушанских монет, что является одним из аргументов подлинности данного экземпляра.

Лицевая сторона.

Иконография лицевой стороны характерна для монет Канишки, на которых передано изображение царя, простирающего правую руку над алтарем. На голове правителя тиара кушанских царей, которая, согласно классификации головных уборов Е.В. Зеймаля, очень раннего типа, хотя полной аналогии не наблюдается. Иначе говоря, уникальность этой находки состоит в том, что она образует новый тип. Голов-

ной убор округлый, невысокий. На макушке на небольшом стержне просматривается полумесяц. Новая деталь – две ленты, развивающиеся вправо и слегка вверх, расположенные ниже полумесяца. Диадема вокруг головного убора в виде сплошного обода. Впереди надо лбом к диадеме прикреплена накладка так же нового типа, широкая, вертикальная с загнутым к головному убору краем. Конец диадемы также повязан иначе: это петля, переданная толстым штрихом и петля в виде треугольника острием в центр узла, а концы диадемы плавно опускаются вниз, причем, на одном прослеживается заостренный наконечник острием вниз, напоминающий по форме наконечник стрелы. Согласно классификации Е.В. Зеймаля это близкие, но не идентичные тиары, которые можно считать переходными от первой фазы ко второй. Кушанский царь одет в короткую одежду, доходящую до колен, нижняя часть в виде юбки от пояса трапециевидно расширяется к низу и перетянута поясом с круглой бляшкой. Поверх одежды легкий плащ, застегивающийся на груди круглой фибулой. Складки плаща переданы в виде штрихов и опускаются ниже уровня основной одежды. За спиной царя развеваются части плаща, ряд параллельных складок которого справа можно принять за языки пламени.

Правая рука протянута над алтарем и держит предмет, напоминающий по форме топорик. Поднятая вверх левая рука держит длинный жезл, острие которого просматривается за головой персонажа, тогда как нижняя его часть скрыта плащом. По кругу легенда бактрийским письмом: «Рао НАНо Рао КАНћКІ КоРАН(о)». Легенда начинается между 7 и 6 часами и идет по кругу, заканчиваясь между 5 и 6 часами. Между первой и последней буквами легенд точечное основание, на котором стоит царь.

Оборотная сторона

Типична для кушанского чекана, где в центре монетного кружка помещались изображения божеств. В данном случае изображено лунное божество Мах. На голове персонажа диадема, украшенная над лбом драгоценным камнем в виде шарика, петля на затылке от неё передана в виде треугольника. За спиной божества полумесяц рожками вверх. Правая рука вытянута вперед, в руке пектораль, в левой руке, согнутой в локте, жезл, оканчивающийся шаром с петлей над ним. Под шаром завя-

заны ленты. Божество одето в длинный хитон чуть ниже колен, который трапециевидно расширяется книзу. Поверх накинут плащ – гиматий. Справа у края монеты легенда, передающая имя божества «МАо». Под правой рукой кушанская тамга в виде незавершенного овала с двумя отростками по бокам, вверх от него отходит небольшой штришок, над которым на горизонтальной черте четыре параллельных вертикальных штришка. Все изображение заключено в точечный ободок.

Важным типологическим аргументом в определении датировки монеты является изображение именно этого лунного божества, и ряда иных деталей, которые, согласно классификационному анализу Е.В. Зеймаля, считаются признаком перехода от первой фазы ко второй. Тогда не только были изменены легенды греческие на бактрийские, но и изменены имена божеств. Греческие названия божеств без каких-либо изменений в иконографии были переименованы на аналогичные названия божеств бактрийского пантеона. Так, Гелиос - греческий бог солнца стал кушанским Михром, Селена – в греческой мифологии олицетворение луны стала кушанским Махом, Гефест – греческий бог огня и кузнечного дела стал кушанским Атешем и Нанайа - аккадская богиня плодородия и войны стала кушанской Наной. Любопытно, что и форма тиары также дает переход от первой фазы ко второй.

Таким образом, монета может быть датирована временем правления Канишки, то есть рубежом I-II вв. н.э. и добавляет новый тип к уже известной классификации золотого кушанского чекана.

Е.В. Зеймалем, на основе классификации 112 экземпляров было выделено 10 типов для лицевой стороны и 26 для оборотной стороны (Зеймаль, 1967; Зеймаль, 1983. С.190). Им было опубликовано, со ссылкой на А. Каннингэма 11 золотых монет из Британского музея, 1 экз. из Душанбинского музея, найденый близ Куляба (Забелина, 1952. Табл. II, 3), 1 экз. из частной коллекции (Таджикистан, Колхозобадский р-н, с. Узун). М.Е. Массон упоминает о находке золотой монеты Канишки с территории Таджикистана, а также найденной в 1904 г. в окрестностях Термеза на горе Ходжа Гульсуар (Массон, 1936).

История денежных отношений империи Кушан, иконографический анализ монет, политика веротерпимости, стабильность в развитии экономики свидетельствуют о том, что это было крупное мощное государство с хорошо налаженными торгово-экономическими связями. Не случайно отмечают сходство портрета первого кушанского царя Куджулы Кадфиза с портретами римских императоров. Монеты Римской империи ходили на всем протяжении торговых путей между Востоком и Западом. В литературе отмечалось, что система денежного хозяйства в Кушанской империи складывалась не без римского влияния. Не случайно номинал золотой монеты Кушан совпадает по весу с римскими золотыми монетами - денариями. Причем производство и метрология медных монет, в противоположность золотым, основывались целиком на местных традициях. Золотой чекан имел исключительное значение для экономики Кушанской империи. Столь разнообразная по этническому составу страна должна была иметь монету – всеобщую для обращения. Конечно же эту роль выполняли золотые монеты, тем более вес их соответствовал международным весовым стандартам той поры, следовательно такие золотые монеты могли об-

ращаться как внутри империи столь протяженной по политическим границам, так и за её пределами.

Широкий круг божеств доказывает мощь империи и громадный географический охват её границ. Покровительством начинает пользоваться буддизм и именно на монетах царя Канишки зафиксированы изображения Будды и разнообразие местных божеств. При нем в Кушанской империи произошли значительные изменения в экономической и духовной жизни. Был налажен регулярный выпуск золотых монет, называвшихся «динара» или «суварна» весивших около 7,6 г., отличавшихся высоким содержанием золота, близким к 100% (Бонгард-Левин, 1985. С.456). Так же в большом количестве был налажен выпуск медных монет. Эти факты говорят о росте торговли на международном уровне и внутри государства, расширении розничной и мелкой торговли; появляются новые ответвления Великого Шелкового пути, складывается бактрийская письменность. Легенды на монетах, уже на самой ранней стадии их чекана, перестают содержать греческие и индийские тексты на кхарошт-хи.

Р. Гёбль, исследуя золотой чекан Канишки, пришёл к выводу о том, что монеты с бактрийской легендой были чеканены в двух монетных дворах. Первый монетный двор выпускал типы с изображением Атеша, Михра, Маха, Наны и Виши, а второй так же выпускал все известные типы монет Канишки включая типы выпускаемые в первом. Признак первого монетного двора по Гёблю конический головной убор с диадемой - кушанский кулах. Более сложный головной убор - тиара – характерен для монет второго монетного двора (Göbl, 1957. S.178).

Любопытно, что на монете имеются несколько глубоких царапин. Известно, что проверяя подлинность, монету сжимали с двух сторон специальным инструментом типа щипцов, либо проводили царапины. Вероятно данный экземпляр прошел такую проверку на подлинность уже в древности.

Находка золотой монеты Канишки в Согде замечательный факт, подтверждающий насколько протяженными и разнообразными были торговые пути, особенно при Канишке – самом известном среди кушанских правителей. Годы правления Канишки были периодом подъема ремесла, развития международной торговли, роста городов. При Канишке буддизм получает широкое распространение, эпоха Кушан связана с расцветом буддизма и буддийского искусства. Понятно, что не во всех областях столь обширной империи жили буддисты. С учетом этого на монетах помещаются и широко представлены наряду с индийскими божества зороастрийского и переднеазиатского пантеонов: Митра, Ахурамазда, Нана, Мах, Вадо, Шива и другие. При Канишке в искусстве и культуре империи наблюдался сложный процесс переплетения этнических традиций и религиозных систем, государственным языком становится бактрийский. Отражение всех этих разнообразных традиций в полной мере нашло свое выражение на золотом чекане Канишке.

Использованная литература

Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. М., 1985.

R.Göbl. Die Muenzpraegung der Kuschan von Vima Kadphises bis Bahram IV // F. Altheim, R. Stien Finanzgeschichte des Spaetantike. Frankfurt-am-Main, 1957.

Забелина Н.Н. Обзор древнейших монет из коллекций Республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР // Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР. Вып. 1. Сталинабад, 1952, табл. II, 3.

Зеймаль Е.В. Монеты Великих Кушан в Государственном Эрмитаже // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1967.

Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983.

Массон М.Е. Новый пункт местонахождения греко-бактрийских памятников // СОНАТ. №1. 1936.

ИССЛЕДОВАНИЯ ХРАМОВОГО КОМПЛЕКСА БОЛЬШАЯ АЙБУЙИР-КАЛА

© 2011. М.М. Мамбетуллаев
Нукусский государственный педагогический институт им. Аджанияза

Памятник расположен в 41 км к северо-западу от города Шуманай Республики Каракалпакстан, на склоне обрывов плато Устюрт. Среди местного населения он известен под названием Джампык-кала и был впервые обследован Хорезмской археологической экспедицией в 1946 г. (Вактурская, Воробьева, 1952. С. 630). Тогда же был снят план памятника, сделаны зарисовки и фотоснимки. В 1952 г. группа сотрудников Хорезмской экспедиции произвела его новое обследование и на основе керамического материала городище было датировано IV в. до н.э. – I в. н.э. Верхние слои памятника отнесены к X-XIII вв. (Толстов, 1958. С. 77, 78). В 1976-1977 гг. городище было обследовано Айбуйирской археологический экспедицией Института истории, языка и литературы им. Н. Давкараева Каракалпакского филиала АН УзССР (ныне Институт истории, археологии и этнографии Каракалпакского отделения АН РУз). Отряд провел на памятнике стационарные раскопки (р. I) (Мамбетуллаев, 1990. С. 91-102).

Площадь городища составляет около 10 га. В плане оно имеет форму неправильного прямоугольника, вытянутого с востока на запад (рис. 1). Стены сохранились, в основном, с трех сторон. Длина восточной стены – 120 м, северной – 412 м, западной – 260 м. С южной стороны городища, примыкающей к обрыву, местами обнаружены фрагменты каменной кладки, больше похожей на ограду, чем на крепостную стену.

В центре памятника на 5,6 м возвышается небольшое сооружение, окруженное стенами. Оно прямоугольной в плане формы, размерами 16х27 м. Ориентация здания – с отклонением осей до 25^0 относительно стран света. Оно сложено из сырцового кирпича, размеры которого составляют 40-42х43-46х9-13 см. В середине восточной части имеется выступ шириной 5 м.

В 1952 г. Ю.А. Рапопортом на поверхности этого сооружения был заложен шурф и произведена зачистка. Были обнаружены обломки статуарных оссуариев в виде человеческих фигур примерно в половину натуральной величины (Рапопорт, 1971. С. 69, 71, рис. 29). Эти находки и общий характер сооружения позволили С.П. Толстову определить его как культовое.

В 1983-1988 гг. Айбуйирский археологический отряд Института истории, археологии и этнографии Каракалпакского отделения АН РУз продолжил работы по исследованию центрального здания (р. II). Выяснено, что его юго-западный угол был охвачен с двух сторон взаимосвязанными коридорами. Вскрыты остатки цокольной части здания, сооруженного из сырцового кирпича (40х43х9-13 см). Остатки моно-

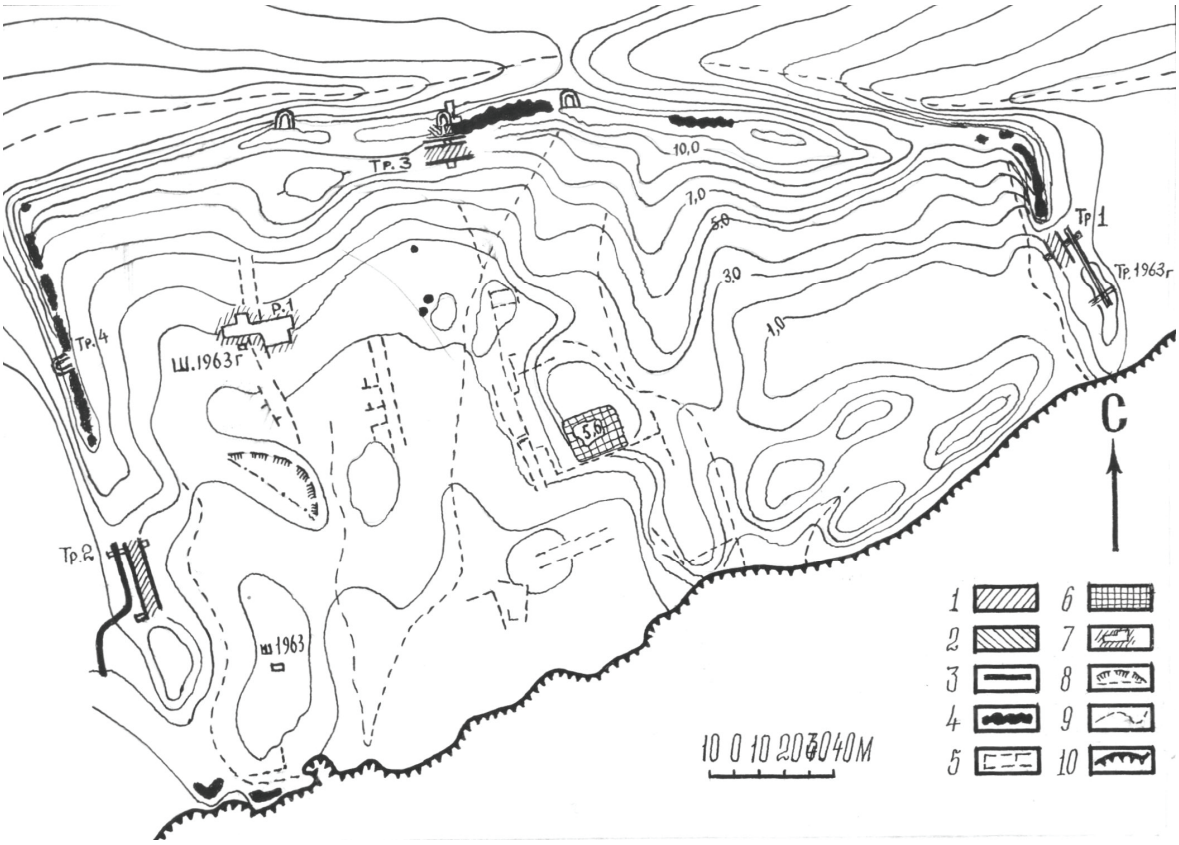

Рис.1. Большая Айбуйир-кала. План. 1. Пахсовая стена, нижний горизонт; 2. Пахсовая стена, верхний горизонт; 3. Барьерная стена; 4. Останец пахсовых стен IX-XI вв.; 5. Следы планировки; 6. Остатки построек; 7. Граница раскопа; 8. Выходы камня; 9. Промоины; 10. Обрыв чинка Устюрта

лита на большей части площади имеют высоту 2-3 м, однако на его западной половине сохранился останец высотой более 5 м (рис. 2).

Все вскрытые помещения (1-40) примыкают к центральному сооружению (рис.3). Центральное сооружение застраивалось постепенно. Помещения, примыкающие к монолиту, возникли неодновременно, если судить по тому, что основания их стен расположены на разных уровнях, причем часть из них (3-6, 17-20, 30-33) на культурных слоях толщиной 0,12-0,35 м. Обнаруженные помещения имели жилое (5-8, 14), хозяйственное (1-4, 17, 18) и культовое (9-11, 13, 23) назначения.

Вскрытые помещения №№ 9, 10, 11, 13 и 23 представляют собой особую группу. Стены помещения №9 (3,40х8,20 м) примыкают к цокольной части платформы с севера. Проход шириной 0,85 м находится в северо-западном углу, стены которого сложены из кирпича-сырца (40-42х41-43х9-13 см). В середине западной стены обнаружен камин-очаг, пристроенный к стене помещения и немного ссужающийся к верху (высота – 1 м, ширина 0,87 м). Две вертикальные боковые стены выступают от стены помещения на 0,32 м. Передняя часть пристенного камина-очага обращена к востоку. По-видимому, камин-очаг функционировал долго. В результате стены его прокалены докрасна и ошлакованы. Северный угол помещения занят суфой. Над полом, помимо тонкой зольной прослойки, культурного слоя не выявлено. В Хорезме пристенные камины-очаги зафиксированы во дворце на Калалыгире (V-IV

Рис.2. Большая Айбуйир-кала. Общий вид раскопа II. Вид с юга

вв. до н.э.), Гяур-кале (I в. н.э.) и Топрак-кале (II-III вв. н.э.). За пределами Хорезма они известны в усадьбе Хирмантепе в Таджикистане и Бергаме.

Между помещениями №8 и №9 выявлен межстенный коридор. Его южный торцевой конец упирается в северную часть платформы, после чего коридор делает поворот к востоку на 90°. Общая длина Г-образного коридора 13,52 м, ширина – 1 м. Начиная с юго-западного угла коридора, где имеется поворот к востоку, выявлена ведущая наверх лестница центрального цокольного здания. Она состоит из пяти ступеней длиной 5 м. В Хорезме это второй случай обнаружения широкой, поднимающейся наверх платформы лестницы. Аналогичная лестница имеется на культовом погребальном сооружении Чильпык.

Помещение №10 (3,40х8,30 м) расположено к западу от помещения №8. Проход шириной 0,85 м находится в восточной стене и сообщается с помещением №9. В середине западной стены обнаружен второй проход шириной более 2 м, сообщающийся с помещением №11. Наличие двух проходов, расположенных в противоположных стенах, свидетельствует о том, что данное помещение было подсобным, через которое можно попасть в помещение №9.

Помещение №11 (9х15 м) расположено к западу от помещения №10. Стены обмазаны глиняным саманным слоем и побелены. В нем имелось четыре прохода.

Помещение №13 (6,55х9,45 м) расположено к северу от помещения №11. Стены сложены из сырцового кирпича и были окрашены розоватой растительной краской. В его середине обнаружена кирпичная вымостка (1,60х2 м), где возвышался жертвенный огонь (рис. 4). Проход от жертвенника до западного прохода был забит обломками керамики (287 фрагментов), среди которых выявлены фрагменты битой культовой посуды - курильницы, светильники. Очевидно, что это были приношения в честь храма огня.

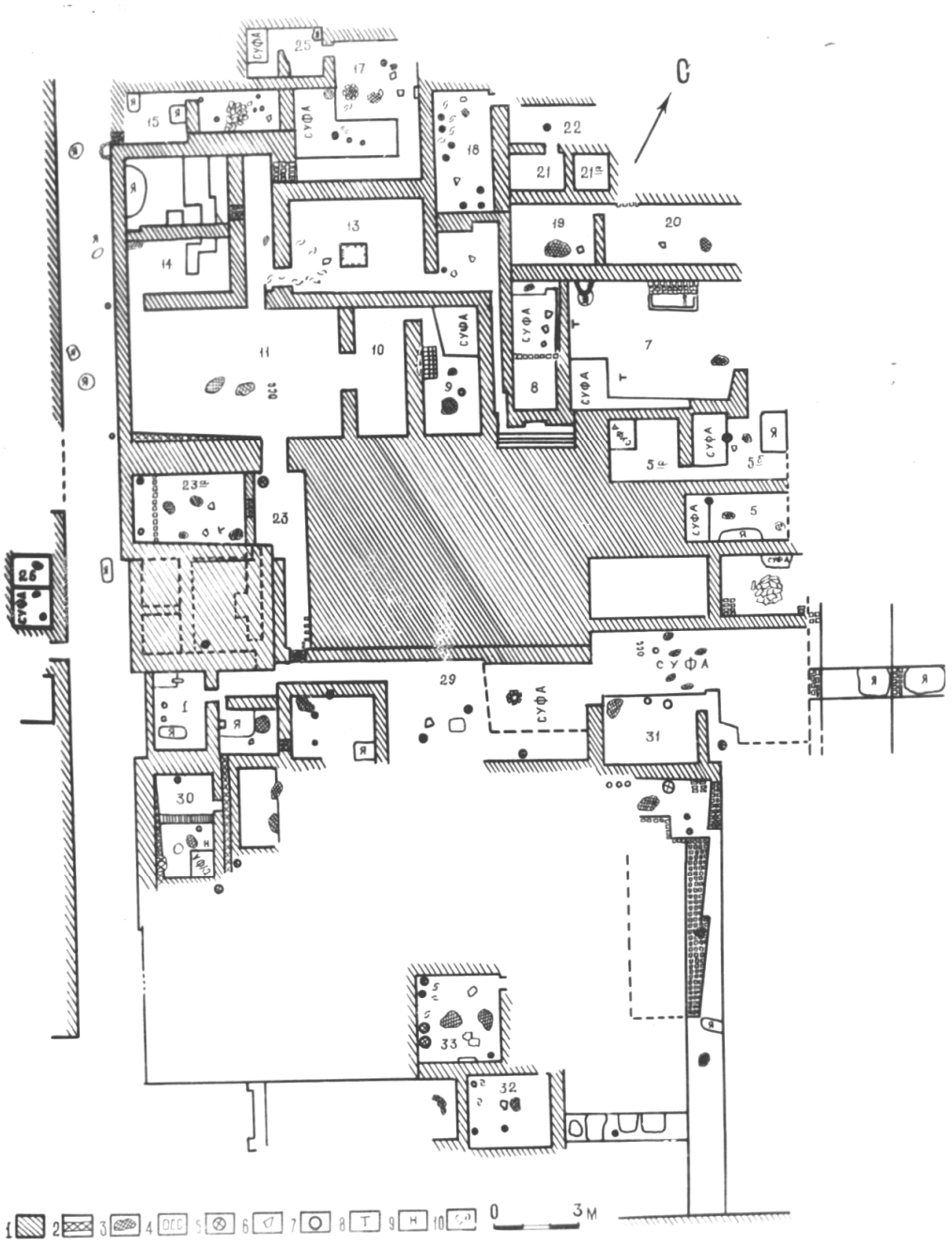

Рис. 3. Большая Айбуйир-кала. Раскоп II. План. Верхний горизонт.
1. Стена; 2. Следы ремонта; 3. Очаг; 4. Оссуарии; 5. Хумы; 6. Камень; 7. Яма; 8. Терракота; 9. Находки; 10. Скопление керамики.

Помещение №23 (3,10х6,12 м) расположено западнее от центрального сооружения. В северо-западном углу помещения, огороженного перегородкой, обнаружен погребальный хум. В хуме было найдено два черепа и некоторое количество костей (рис. 5). Количество последних явно меньше того, которое должно соответствовать числу черепов. Захоронение костей в хуме обнаружено при раскопках на городище

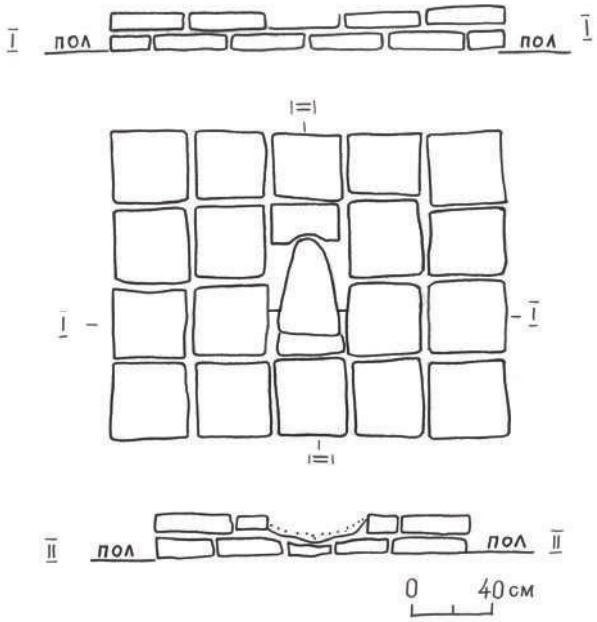

Рис. 4. Большая Айбуйир-кала. Кирпичная вымостка (жертвенник) из помещения №13

Халчаян (Пугаченкова, 1966. С. 33, 34). В.И. Козенкова, посвятившая вопросу среднеазиатских погребений в бытовых сосудах типа хумов специальную статью (Козенкова, 1961. С. 251), совершенно справедливо указала на тот факт, что погребения в сосудах появляются здесь с середины I тыс. н.э. и бытуют затем в течение весьма длительного времени (Козенкова, 1961. С. 259).

Отсюда совершенно правильно следует вывод о том, что погребения в сосудах являются всего лишь поздней формой зороастрийского погребального обряда (Козенкова, 1961. С. 260). Также в статье было высказано предположение о существовании в Средней Азии особой зороастрийской секты «хумников». Однако, на наш взгляд, имеется целый ряд фактов, которые противоречат этому положению. В этой связи нам хотелось обратить внимание на некрополи Ток-калы, Миздахкана и Куюк-калы, расположенных в право- и левобережной дельтах Амударьи. В наусах этих некрополей были найдены одновременные погребения в оссуариях и сосудах. Наусы Ток-калы и Куюк-калы следует истолковывать в качестве семейных усыпальниц. Если так, то трудно допустить, чтобы в одной семье находились поклонники разных сект. Далее, если следовать принципу, которым руководствовалась Козенкова, то можно с тем же успехом выделить еще ряд «сект». Например, секту, придерживающуюся обычая просто складывать в кучу кости умершего.

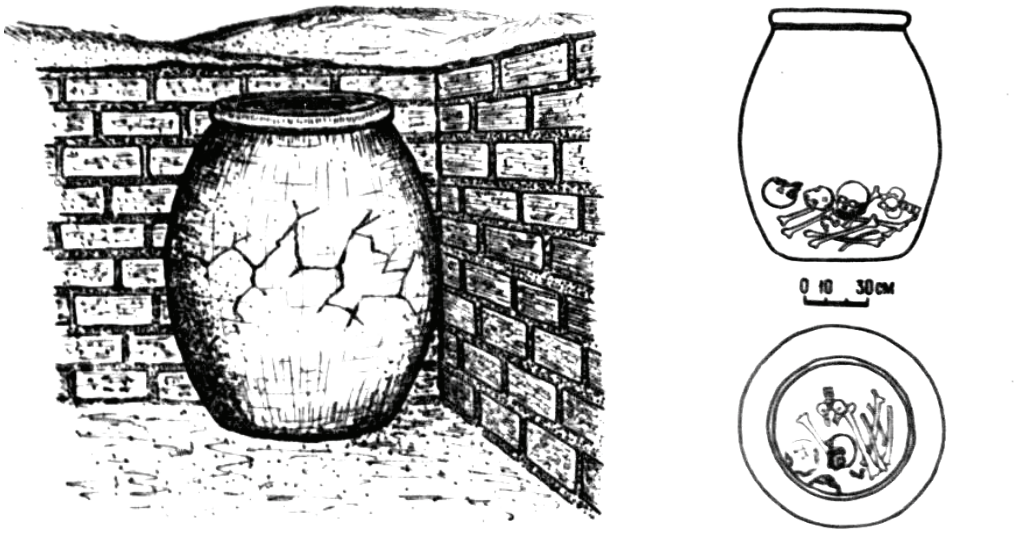

Рис.5. Большая Айбуйир-кала. Погребальный хум из помещения №23

Подобные погребения были обнаружены Г.И. Пацевичем в Тик-Турмасе (Пацевич, 1948. С. 104). Видимо, все же более правильно объяснить различие в способах захоронения костей различным социальным положением погребенных и их родичей. Иначе трудно было бы объяснить существование на одном и том же зороастрийском кладбище различных единовременных типов захоронения костей.

В этой связи привлекает внимание отрывок из VI Фаргарда Вендидада, где трактуется вопрос о погребении костей. На вопрос, куда следует поместить кости умерших, Ахура-Мазда отвечает: «Почитатели Мазды должны воздвигнуть постройку, недоступную собаке, лисе, волку, и в которой не могли бы оставаться дождевые воды. Такую постройку пусть они возведут, если они в состоянии, из камней, известкового раствора и земли, если же они не способны на это, пусть они положат умершего человека на землю на его ковре, на его подушке, укрытого сиянием небес, смотрящим на солнце» (Sacred Boorj of the East, 1880. P. 49, 50).

Как явствует из приведенного отрывка, вопрос о способе захоронения костей решался в зависимости от степени состоятельности умершего. Кроме того, обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в приведенном отрывке не дается конкретных указаний о форме и устройстве костехранилища. Потому неудивительно, что мы встречаем на территории Средней Азии такое разнообразие форм погребальных сосудов и оссуариев, встречаем, наконец, и просто захоронения костей, укрытых лишь «сиянием небес».

Погребальный хум бочкообразной формы, с широкой горловиной, венчик образован утолщением и округлением верхнего края сосуда, от тулова отделен неглубокой горизонтальной бороздкой, проведенной большим пальцем руки. Тесто, из которого изготовлен сосуд, приготовлено тщательно. Песок в тесте очень мелкий. Внешняя поверхность облицована светло-желтоватым ангобом. Сосуд по форме и по технике изготовления находит аналогии в керамике Хорезма II-III вв. н.э. (Воробьева, 1959. С. 150-153).

При исследовании центрального сооружения обнаружены фрагменты керамики и статуарных оссуариев (рис. 6).

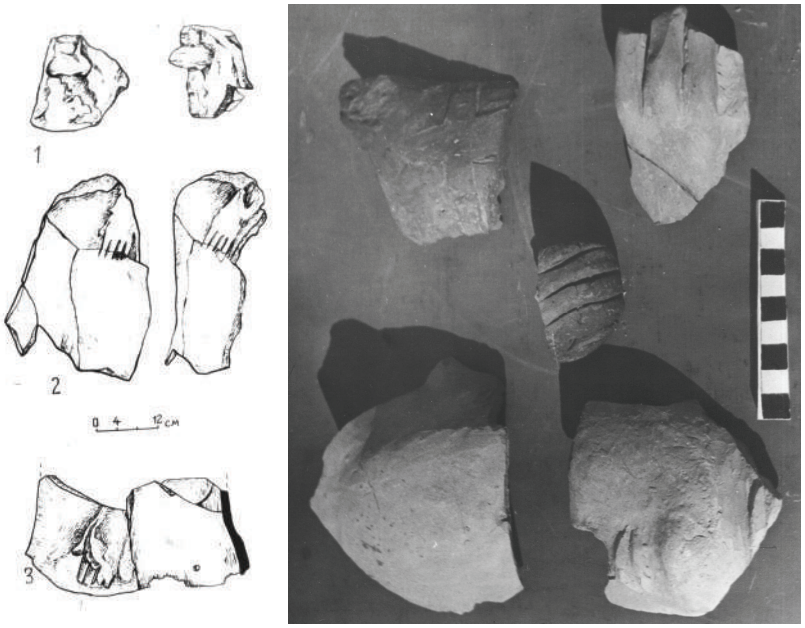

Рис. 6. Большая Айбуйир-кала. Фрагменты погребальных скульптур

Хумы. Это крупные широкогорлые сосуды, заканчивающиеся скругленным массивным венчиком (рис. 7, 1-3, 5, 6), с выступающим наружу валиком по краю (рис. 7, 10). Под венчиком проведена пальцем неглубокая полоса (рис. 7, 2, 3). Внешняя поверхность очень грубо заглажена рукой, покрыта светло-зеленоватым ангобом.

Подобные хумы характеризуются для многих памятников Хорезма и датируются II в. до н.э. – IV в. н.э. (Воробьева, 1959. С. 126, рис. 27, 30, 31). Хумчи представлены фрагментами венчиков (рис. 7, 8).

Курильница имеет конусообразную форму с плоским дном, и круглым отверстием по центру (рис. 7, 4).

Раскопки центрального сооружения показали, что он имеет два периода обживания. Первый - это время функционирования храма огня (IV-II вв. до н.э.). Проведенные работы не оставляют сомнений в храмовом назначении этого комплекса, хотя на поверхности центрального здания следов планировки не сохранилось. Исходя из

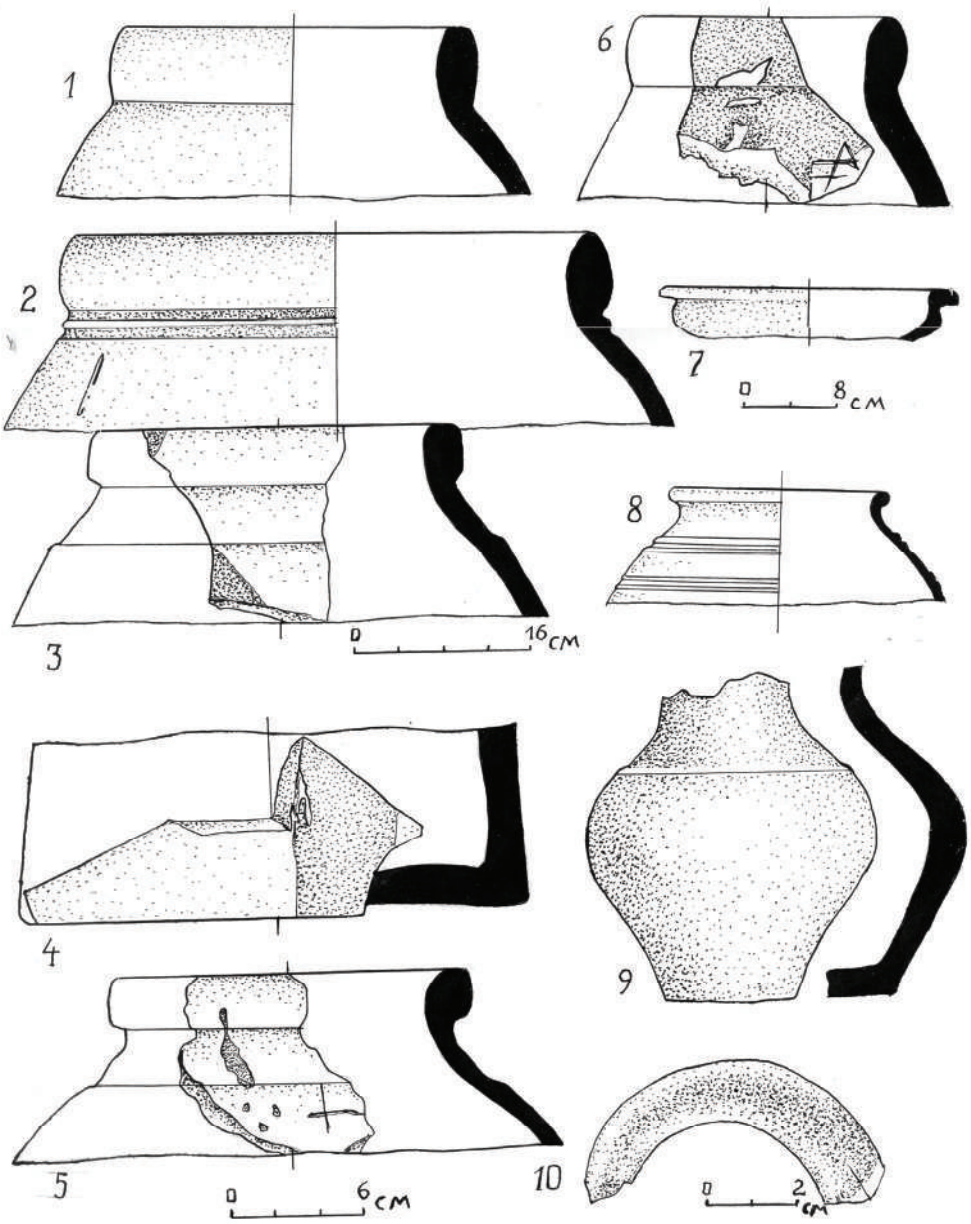

Рис. 7. Большая Айбуйир-кала. Керамика верхнего строительного горизонта. Хумы (1, 3-6) –из помещений 2 и 3; Курильница (4), хумчи (5, 8) - все из помещения 3; Миска (7), кувшин (9), амулет (кость) (10) – все из помещения 1.

этого, можно предположить, что на его вершине, вероятно, было какое-то сооружение, куда, очевидно, выносили священный огонь для совершения публичных культовых действий.

Помещение №9 с пристенным камином-очагом являлось хранилищем огня. Комната, где возжигался огонь, находится в замкнутом пространстве, связанном только с кельей (№10), которая, в свою очередь, сообщалась с квадратным залом (№11). Последний, очевидно, выполнял функции молельни.

Айбуйирский храм огня имеет некоторое сходство с персепольским храмом раннеахеменидского времени. Так, если в персепольском храме священный огонь хранился в боковом помещении, то в Айбуйир-кале он находился в специальном изолированном помещении. О существовании культа огня в доисламский период в Хорезме упоминает Беруни.

Культ огня был известен у скифов и саков. Своим верховным божеством они почитали богиню очага Табити (Тереножкин, 1966. С. 35). В одном из принадлежавших оседлым сакам архитектурном памятнике IV-II вв. до н.э. Бабиш-мулле имелось «культовое помещение, почти всю площадь которого занимал большой очаг» (Толстов, 1962. С. 83, 84). Этот культ был известен кочевым племенам Устюрта. Следует упомянуть кольцевые ограды с могильными ямами в центре, обнаруженные на восточном чинке Устюрта. В них часто встречаются очаги, которые являются предметом поклонения огню.

Во второй период (I-III вв.) культовый комплекс подвергся перестройке. В этот период центральная монолитная платформа превращена в погребально-культовое сооружение, о чем свидетельствуют найденные при расчистке поверхности раскопа фрагменты статуарных оссуариев в виде лицевой части женской фигуры и фрагменты каменных, керамических оссуариев. Они все, в основном, были найдены при зачистке поверхности и иногда под завалами сооружений. Таким образом, все фрагменты оссуариев найдены в переотложенном состоянии, но ясно, что они были установлены где-то на поверхности массива. Оссуарный материал с Айбуйир-калы дошел до нас в очень фрагментарном состоянии: не удается реконструировать ни одной скульптуры (рис. 8).

Рис. 8. Большая Айбуйир-кала. Фрагмент статуарного оссуария

Существует теория, что оссуарии до момента захоронения длительное время находились в доме или в специальной постройке, где они служили предметом поклонения для родственников, совершавших здесь различного рода поминальные акты. Главным моментом этого обряда было поклонение остаткам конкретного

умершего (Рапопорт, 1971. С. 86). Таким образом, можно предположить, что погребальная статуя устанавливалась на поверхности массива на протяжении какого-то определенного срока, считавшегося необходимым для совершения обрядов в честь усопшего. Очевидно, здесь же совершались главные поминальные тризны и приношения. После этого оссуарии переносили на родовые могильники, находившиеся в 10-12 км к северо-востоку от памятника на плато Устюрт. Оссуарии выставляли на крае чинка плато Устюрт, склонов бугров или в специальных ямных сооружениях.

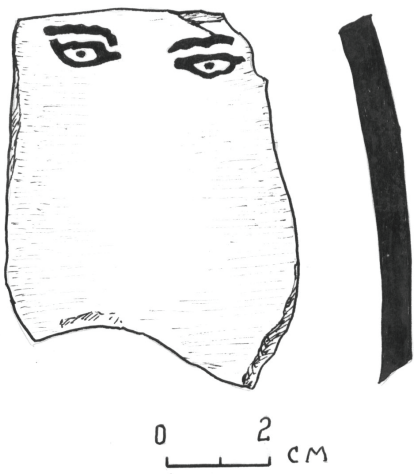

Рис. 9. Большая Айбуйир-кала. Фрагмент росписи на керамике, найденный в западном коридоре (II-III вв.)

Подводя итоги исследования центрального сооружения городища Большая Айбуйир-кала в 1983-1988 гг., можно отметить, что этот объект должен занять одно из ведущих мест в проблеме изучения культовых сооружений древнего Хорезма. Это крупный культовый центр северо-западной части Хорезма, расположенный в центре городища под защитой городских стен (рис. 9).

В античный период на территории Хорезма существовали и другие крупные государственные культовые центры, такие как Кой-Крыглан-кала, Калалы-гыр-2, Гяур-кала-3 и Елкарас. Среди них выделяется Кой-Крылган-кала, как монументальное культовое сооружение, в котором производились астрономические наблюдения (Кой-Крылган-кала, 1967. С. 310).

Вокруг Большой Айбуйир-калы обнаружены синхронные открытые поселения, агроирригационные планировки и гончарные производства. Аналогичные агроирригационные планировки, виноградники и гончарные производства обнаружены вокруг культовых центров Кой-Крылган-калы и Калалы-гыр-2 (Калалы-гыр-2, 2004. С.188).

В IV-II вв. до н.э. храмы Древнего Хорезма являлись крупными землевладельцами, которым принадлежало большое количество скота. Это подтверждается документами найденными в храмовых центрах, среди которых имеются хозяйственные документы, с фиксацией выдачи и доставки, по всей видимости относящиеся к хозяйству храма (Болелов, 2009. С. 206).

Наличие в Хорезме в последней трети I тыс. до н.э. крупных культовых центров, включавших в себя целый комплекс сооружений и храмовые хозяйства, функционирование которых обеспечивалось коллективами храмовых служителей, дает веские основания предполагать о существовании здесь в античное время храмовых общин и объединений и, следовательно, сословия атраванов (жрецов) (История, 2009. С. 206). По мнению Б.И. Вайнберг и С.Б. Болелова, храмы и храмовые объединения могли появиться в Хорезме в ахеменидский период впоследствии унаследовав от последней значительную часть государственных институтов. В то же время, крупные культовые центры Хорезма, и в том числе храмовый комплекс Большая Айбуйир-кала, были возведены в IV-II вв. до н.э., в период, когда Хорезм был независимым государством.

В Ахеменидской империи храмы и храмовые объединения играли весьма значимую роль не только в религиозной, но и политической жизни страны (История..., 2009. С. 207). Поэтому, можно предположить, что и в Древнем Хорезме культовые центры сочетали в себе как религиозные, так и управленческие функции.

Использованная литература

Болелов С.Б. Хорезмийское государство. История государственности Узбекистана. В трех томах. Т. 1. Ташкент, 2009.

Вактурская Н.Н., Воробьева М.Г. Хроника работ Хорезмской экспедиции АН СССР. ТХАЭЭ, т. 1. М., 1952.

Воробьева М.Г. Керамика Хорезма античного периода. ТХАЭЭ, т. 4. М., 1959.

История государственности Узбекистана. В трех томах. Т. 1. Ташкент, 2009.

Калалы-гыр-2 – Культовый центр в Древнем Хорезме IV-II вв. до н.э. М., 2004.

Козенкова В.И. К вопросу о хумах с захоронениями костей на территории Средней Азии. СА, № 3. М., 1961.

Кой-Крылган-кала - памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э. ТХАЭЭ, т. V. М., 1987.

Мамбетуллаев М. Городище Большая Айбуйир-кала (раскопки 1976-1977 и 1981 гг.). Археология Приаралья, вып. 4. Ташкент, 1990.

Пацевич Г.И. Зороастрийское кладбище на Тик-Турмаса. Изв. Каз.ССР. Серия археология. Вып. 1, №46. Алма-Ата, 1948.

Пугаченкова Г.А. Халчаян. Ташкент, 1966.

Рапопорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии). ТХАЭЭ, т. 6. М., 1971.

Тереножкин А.И. Об общественном строе скифов. СА, № 2. М., 1966.

Толстов С.П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949-1953 гг. ТХАЭЭ, т. 2. М., 1958.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

Sacred Boorj of the East. IV. The Zend-Avesta. P.1 Vendidad. Oxford, 1880.

НУМИДЖКАТ, НАВАКМИТАН, БАЙКАНД, РАМИТАН
(из истории древних столиц Западного Согда)

© 2011. Ш.Т. Адылов
Институт археологии АН РУз

Западный Согд или область Бухары по представлениям средневековых арабских и персидских историков и географов представляет собой отдельный регион, обособленный от остальных частей Согда. Вместе с тем, данное понятие не просто историко-географическое. Задолго до начала нашей эры в низовьях р. Зарафшан сложилось территориальное образование со своими устойчивыми политическими границами, верховными правителями, административной иерархией, монетным чеканом и прочими атрибутами местной государственности. Это образование, как союзное или подмандатное владение, входило в состав крупнейших империй эпох древности и раннего средневековья, некогда существовавших на ареале Средней Азии и сопредельных стран.

Ещё на заре своего существования город на месте Бухары представлял собой наиболее крупный пункт расселения в низовьях реки, то есть возник именно как административный центр всего региона. Однако в дальнейшем, вопреки расхожему мнению о постоянной столице, местные правители неоднократно перемещали свои резиденции на другие поселения и только ближе к временам ранних походов арабов – примерно на рубеже 60-х и 70-х годов VII в. – Бухара окончательно утвердилась в статусе главного города Западного Согда.

Бухара – только одно из нескольких названий этого великого города, хотя и самое известное, а также устоявшееся со временем. Этимология названия, равно как и история возникновения данного термина, применительно к соответствующему пункту, представляет большой интерес. Тем не менее, это тема особого исследования, поэтому предпочтительнее сосредоточиться пока что на других названиях.

Как сообщает Мухаммед ибн Зуфар ибн Умар – средневековый редактор персидского варианта книги Мухаммеда ан-Наршахи «Тарих-и Бухоро» («Истории Бухары») – со ссылкой на Ахмада ал-Кубави, – одним из многих первоначальных названий города было Нумиджкат (ан-Наршахий, 1991. 102 б.)[1]. В древних и раннесредневековых китайских хрониках присутствуют такие адаптированные к соответствующему языку варианты названия Нумиджкат, как Ги (или Цзи), Нюми и Нэуми, а название Бухара передаётся как Бухо или Бухэ. Вместе с тем, довольно часто данное западносогдийское владение обозначается иероглифом «Ань» (Бичурин, 1950. С. 186, 200, 272, 310-311). Принято считать, что под этим последним термином подразумевается не только владение, но и сам город на месте Бухары. На первый взгляд, название Ань ассоциируется, скорее, с Аньси; так в древних китайских хрониках обозначалась Парфия, располагавшаяся по соседству с Западным Согдом. Кроме того, термин Ань совершению не созвучен названию Нумиджкат в отличие

от Нюми или Нэуми. Не логичнее было бы предположить, что название Ань соответствует какому-то другому столичному городу Западного Согда?

По современным археологическим данным самое раннее поселение на месте Бухары возникло в середине I тыс. до н.э. В результате стратиграфических работ на цитадели Бухары – Арке – выявлена мощная земляная платформа – основание первоначальной крепости – и самая ранняя оборонительная стена, датированная в тех же хронологических рамках (Мухамеджанов, 1983. С. 62; Некрасова, 1990. С. 15-20, 26). Площадь Арка того периода намного уступала его нынешним размерам – около 2 га против нынешних 3,5 га. Древний шахристан (в пределах самых ранних крепостных стен) полностью перекрыт средневековыми наслоениями и современной застройкой, поэтому его очертания и размеры – даже приблизительные – без специальных исследований не поддаются определению. Во многих пунктах старогородской части Бухары удалось достичь нижних слоев с керамикой первых веков до н.э. – первых веков н.э. (Ахраров, 1973; Ахраров, Усманова, 1978; Мухамеджанов, Мирзаахмедов, Адылов, 1982; Мухамеджанов, Мирзаахмедов, Адылов, 1986; Некрасова, 1998). Если судить по топографии находок, первоначальная площадь собственно городской территории составляла не менее 20 га. Стало быть, по всем признакам раннее поселение на территории Бухары уже с самого начала, сложилось именно как городской пункт и при том наиболее крупный в пределах Западного Согда тех времён. Возникнув, город получил название, известное по соответствующему разделу «Тарих-и Бухоро». Согласно И. Маркварту, название Нумиджкат происходит от согдийского словосочетания ***«nök-mëthan»***, в котором начальный компонент переводится как «новый», «новое». Второй, в основе древнеиранский и широко распространённый на территории региона, топоним имеет значение «дом», «жилище», «место обитания». Таким образом, название означает «Новое место обитания» (Markwart, 1938. P. 53-61). Однако данная этимология не является бесспорной. Толкование начального слога в соответствующем значении особых возражений не вызывает, однако непонятно, как композит ***«mëthan»*** мог трансформироваться в другое согдийское словосочетание ***«mij-kath»*** («укреплённое селение»). На этом фоне выглядит предпочтительней точка зрения А.Р. Мухамеджанова, который переводил название Нумиджкат, как «Новое укрепленное селение» (Муҳаммаджонов, 1994. 48 б.).

Самые ранние упоминания о Нумиджкате относятся к рубежу старой и новой эр. В древнекитайской хронике «Хань Шу», написанной придворным историком Бань Гу (32–62 гг.) и посвящённой истории второй империи Ранний Хань (206 г. до н.э. – 23 г. н.э.), упомянуты пять малых государств во главе с их правителями, подчинённых империи Кангюй. Среди них указано и владение Ги (Цзи). Как установлено, это название владения соответствует современному чтению иероглифов, а ранним чтением является Киат (Бичурин, 1950. С. 186; Ходжаев, 2006. С. 121). В гораздо более поздней хронике «Тан Шу» есть прямое указание, что в прошлом владение Бухо именовалось Цзи (Малявкин, 1989. С. 77), да и при сопоставлении согдийского названия Нумиджкат и китаизированной формы Киат не возникает сомнений в их тождестве.

В период существования Кангюя и некоторое время после его распада (II в. до н.э. – середина IV в. н.э.) на территории Западного Согда чеканились серебряные монеты – подражания, восходящие по типу к более ранним тетрадрахмам греко-бактрийского басилевса Евтидема I^2 и так называемые монеты Гиркода. Как среди

подражаний тетрадрахмам, так и среди монет Гиркода выделяются по две линии развития.

Самые ранние и трудноотличимые от прототипа подражания тетрадрахмам начали чеканиться в самом конце царствования Евтидема I, т.е. где-то на рубеже III–II вв. до н.э. (Зеймаль, 1978. С. 201; Бопераччи, 1990. С. 30-31). По мнению Е.В. Зеймаля, вначале появились монеты группы и линии I (с изображением государя в диадеме), а затем – со II по IV в. – монеты группы и линии II (с изображением правителя в тиаре), и таким образом вторая линия фактически продолжает первую (Зеймаль, 1978. С. 210). А.А. Мусакаева определяет датировку монет группы и линии II с I в. до н.э. по IV в. (Мусакаева, 2006. С. 27). В то же время О. Бопераччи пришёл к выводу, что никакой связи (за исключением прототипа) между группами I и II не существует, и поэтому обе эти линии следует рассматривать отдельно (Бопераччи, 1990. С. 30). Стало быть, всё ещё не совсем ясно, чеканились ли обе группы на одном и том же монетном дворе или по отдельности – в разных.

Монеты Гиркода распределяются по двум группам и линиям развития в зависимости от изображения на реверсе: в одном случае – стоящее божество с пламенем у плеч, в другом – протома коня. В сущности, монеты Гиркода по иконографии тоже восходят к эллинистическому прототипу, а точнее – к мелким серебряным монетам (драхмам и гемидрахмам) Селевкида Антиоха I (281–261 гг. до н.э.), которые выпускались в Бактрах в 280–268 гг. до н.э. На лицевой стороне – голова царя в диадеме вправо, на обратной – голова рогатого коня вправо. К данному прототипу восходят не только монеты Гиркода (с протомой коня), но и самостоятельная линия подражаний монетам Антиоха I с головой коня на реверсе (Зеймаль, 1983. С. 31, 81-88). Обе группы и линии монет Гиркода сближают изображения правителя с диадемой вправо, а также греческие легенды на самых ранних образцах, среди которых и общий термин, читаемым как «Гиркод». В.М. Массон датирует начало чеканки монет Гиркода от середины III в. до н.э. до середины I в. до н.э. (В. Массон, 1955. С. 42-43), тогда как Е.В. Зеймаль склоняется к середине I в. до н.э. (Зеймаль, 1983. С. 88). А.А. Мусакаева считает, что начало чеканки монет Гиркода – это время существования греческих легенд, т.е. период зависимости Западного Согда от эллинистических государств. И поэтому самые ранние экземпляры монет Гиркода можно датировать III – началом II вв. до н.э. (Мусакаева, 2004. С. 86-87). По мнению автора, появление монет Гиркода с протомой коня по хронологии немного предшествует второй группе – всё-таки по иконографии они намного ближе прототипу. К тому же зороастрийское божество с пламенем у плеч никак не вписывается в эллинистический контекст, даже если греческие легенды на монетах этой группы ещё не искажены. В дальнейшем монеты Гиркода обеих групп и линий видоизменялись, изображения искажались, греческие легенды становились нечитаемыми, вовсе исчезали, а вместо них появлялись согдийские. Самые поздние экземпляры монет Гиркода датируются IV в. (Зеймаль, 1978. С. 209; Мусакаева, 2004. С. 87).

Таким образом, все вышеперечисленные группы монет выпускались, по крайней мере, в трёх разных центрах. Стало быть, весь регион в те времена состоял из одного крупного и двух малых владений. Первое из них, занимавшее основную часть территории Западного Согда (Бухарский оазис), доминировало над двумя остальными. Долгое время центром крупного владения был город Нумиджкат, и местный царь одновременно являлся верховным правителем всего Западного Согда. Еще до войны на внутригородской территории Бухары (на канале Шахруд) и окраине горо-

да (городище Тал-и-Мурда-Партау) в составе кладов обнаружено множество монет по типу тетрадрахм Евтидема. Все они относятся к группе II – с изображением государя в тиаре (М. Массон, 1940). Данное обстоятельство, не говоря уже о других аргументах, позволяет ещё раз и с полной уверенностью локализовать в указанном месте центр по выпуску монет соответствующего чекана. Относительно мест расположения остальных монетных дворов пока нет полной уверенности, хотя некоторые предположения все же можно высказать.

Опираясь на топографию находок монет Гиркода, Е.В. Зеймаль определял район их выпуска на юго-западных окраинах Бухарского оазиса и в местности вокруг Амула (вблизи Чарджоу – Туркменабада) (Зеймаль, 1978. С. 209). Однако, по археологическим данным, древний город Амул возник в кушанское время (не ранее II–III вв. н.э.) (Массон, 1966. С. 148-149), так что соответствующего монетного двора там быть не могло. К тому же Амул относится к левобережью Амударьи и находится за пределами Западного Согда, хотя и вблизи границы, пролегавшей вдоль русла реки. Однако, на противоположной от Амула правой стороне, примерно в 2-х км от берега реки, располагался другой знаменитый древний город – Фараб (городище вблизи ж/д станции Фараб). Местонахождение города было очень выгодным и удачным – он возник возле переправы, там, где пересекались важнейшие межрегиональные торговые пути по направлениям Западный Согд, Нахшаб, Хорезм, Бактрия–Тохаристан, Маргиана, причём не только сухопутные, но и речные – по руслу Амударьи. С полным на то основанием Фараб можно назвать «главными западными воротами» Согда. И через эти «ворота» поступали в Согд, например, драхмы и гемидрахмы Антиоха I из Бактр. Всё это, конечно же, не могло не отразиться на статусе Фараба в системе древних и средневековых городов Средней Азии, и не только торгово-экономическом, но и политическом. К тому же район Фараба, представляющий собой небольшой оазис, изолирован от основной территории областей Бухары и Нахшаба обширными степными пространствами. Подобные обстоятельства повсеместно являются важнейшими предпосылками для возникновения особых самоуправляемых территорий с чётко обозначенными административными или даже государственными границами.

Несмотря на близость к руслу Амударьи, в историко-географическом аспекте Фараб принадлежит к пойме Зарафшана. Он являлся самым крупным из всех древних пунктов расселения на юго-западе области Бухары[3]; все средневековые историки и географы относили город именно к данному региону. Город возник в устье (дельте) одного из хвостовых протоков Зарафшана, который в глубокой древности впадал в Амударью. Несомненно, в прошлом Зарафшан, в сущности, являлся притоком этой более длинной и полноводной реки. Как сообщает живший в IX в. историк Абдуррахман ан-Нисабури (Нишапури) – один из информаторов редактора ал-Кубави – в стародавние времена вода реки Руд-и Мосаф (Зарафшана) всё-таки достигала Фараба и расположенного поблизости (к северу от него) селения Битик (городище Битык-кала) (ан-Наршахий, 1991. 90 б.). Благодаря средневековому географу Абу Исхаку ал-Истахри известно название этого протока. По сообщению географа, ещё в его время (в начале X в.) жители города брали воду для питья из протока Фаравур ас-Суфла («Нижний Фаравур»), который вытекал из «Реки Согда» и, оросив окрестные селения, заканчивался возле городских стен. Названия города и протока, видимо, как-то связаны между собой, поскольку в письменных источниках кроме варианта Фараб отмечаются также формы Фарабр, Фирабр, Афирабр, Фираб,

Барабр. Во времена другого средневекового географа Шамсаддина ал-Мукаддаси (конец X в.) город и его округа орошались уже несколькими небольшими каналами, выведенными из Амударьи [см. подборку: Камалиддинов, 1996, с. 82-83]. Нижний Фаравур брал начало из магистрального протока Руд-и Самджан в местности к западу от Байканда. Здесь впоследствии возник г. Каракуль, а протоку Руд-и Самджан соответствует нынешняя Каракульдарья[4]. Другой хвостовой проток, вытекавший из Руд-и Самджана в той же местности (нынешнее полусухое русло под названием Тайкыр) впадал в крупнейшее озеро региона Бухайра-и Самджан (ныне – Денгизкуль), располагавшееся к востоку от Фараба и к югу от Байканда (Адылов, 2006. С. 9-10). По берегу Нижнего Фаравура пролегал торговый путь из Фараба в Байканд и далее в Бухару.

Археологических исследований на Куи-кале (городище Старого Фараба) не проводилось, и дата его возникновения пока не установлена[5].

Если верить вышеупомянутому ан-Нисабури, город основан тюркским принцем Шер-и Кишваром (Эл-Арсланом), что соответствует концу VI в. (ан-Наршахий, 1991. 92 б.). Однако предание далеко от истины[6]. В действительности Фараб намного древнее, что вытекало хотя бы из историко-географической ситуации, в которой он находился. Косвенным указанием на его вполне возможную глубокую древность является и тот факт, что в низовьях Зарафшана первые поселения городского типа возникли ещё в IV в. до н.э, а земледельческое освоение побережья Средней Амударьи началось даже ранее того. Например, к эпохе раннего железа относятся нижние слои городища Одей-депе в 30 км к северо-западу по побережью от Амула (Пилипко, 1969. С. 428).

Возвращаясь непосредственно к монетам Гиркода, в частности к образцам с протомой коня, отметим, что все они происходят из коллекций (музейных и частных), и достоверных сведений о месте их находок пока нет. Однако, в свете всего вышесказанного не исключена локализация центра по их выпуску именно в Фарабе, хотя это всего лишь предположение, не подкреплённое соответствующими находками.

Несколько больше оснований для возможной локализации другого центра, выпускавшего монеты с изображением божества. Скорее всего, он находился на месте городища Кум-Совтан. Там на поверхности памятника и в его ближайших окрестностях обнаружено немало монет данного типа, в том числе и наиболее поздние образцы – без серебряного покрытия (Мусакаева, 1990. С. 70; Мусакаева, 2004. С. 79)[7]. Городище Кум-Совтан расположено в труднодоступной степной местности примерно в 56 км к югу от Бухары. Древний город на месте Кум-Совтана возник по берегу одного из нижних протоков Кашкадарьи, а ныне его сухое русло полностью занесено песками. В глубокой древности проток достигал юго-западных окраин области Бухары в районе Байканда. В нижнем течении проток разветвлялся и подпитывал преимущественно Древнебайкандское (исчезнувшее) озеро к юго-востоку от древнего города. В письменных источниках – Овоза-и Байканд, Баргин-и Фарох, Каракуль. Однако одно из ответвлений, обогнув берега озера с юга, достигало протока Руд-и Самджан недалеко от западных окраин Байканда. По археологическим материалам пойма этого нижнего протока Кашкадарьи обживалась с первых веков до н.э. до XII в. В дальнейшем он полностью высох, обживание прекратилось, а вся пойма опустынилась (Адылов, 2006. С. 11-13).

Через древний пункт на месте городища Кум-Совтан пролегал один из торговых путей из Западного Согда в Нахшаб и Бактрию–Тохаристан. Об этой степной доро-

ге по маршруту Бухара – Джикам – Рабат-и Атик – колодец Саида – рабат Хуваран – «селение бухарцев» – «селение хорезмийцев» – Балхан – Калиф известно благодаря географу ал-Мукаддаси (Бартольд, 1963. С. 191). Именно станции Джикам, находившейся на расстоянии одного дневного перехода от Бухары и соответствует городище Кум-Совтан. Кроме того, разумеется, от Джикама на запад по берегу протока, тянулась и прямая дорога в Байканд. В списках другого средневекового географа Абдалкарима ас-Сам'ани (XII в.) упоминается селение Дуджакан в области Нахшаба, которое, скорее всего, тождественно Джикаму (Адылов, 2006. С. 13; Адылов, 2006а. С. 155).

Очевидно, изначально богатые гидроресурсами районы Фараба, Байканда и Джикама, когда-то были напрямую и тесно связаны не только единой водной системой, но и торговыми путями, тянувшимися вдоль берегов водных артерий. В то же время, всю эту узкую полосу древнего земледелия зажимали с севера и юга степные участки. Из подобной схемы произрастает сначала, хозяйственное, а затем и административное единство территории. При некоторых условиях местное самоуправление может стать полностью самостоятельным и повлечь за собой политическое обособление.

Известно, что территория Селевкидского царства, так же как империя Ахеменидов в административном плане делилась не только на крупные области (сатрапии), но и на более мелкие уезды (по-гречески – гиппархии). Селевкиды покровительствовали не только сатрапам, но и гиппархам. Не только сатрапы, но, возможно, и отдельные гиппархи обладали правом чеканить монету, но при этом вторые подчинялись первым (В. Массон, Ромодин, 1964. С. 101; Бикерман, 1985. С. 160-161). Не исключено, что именно такая гипотетическая гиппархия с центром в Фарабе существовала во времена Селевкидов на пространстве между Бухарским оазисом и областью Нахшаба, от Фараба на западе до Джикама на востоке. Далее можно предположить следующее. После распада государства Селевкидов, образования Парфянского, Греко-Бактрийского и Греко-Согдийского царств, бывшая фарабская гиппархия оказалась в составе последней. Местный удельный правитель в отличие от Евтидема I происходил, по-видимому, из кочевой среды, но в некоторой степени подвергся эллинизации. В составе нового государства он сохранил свои права на владение и даже начал чеканить собственную мелкую серебряную монету по типу драхм и гемидрахм Антиоха I.

Вскоре Евтидем I был свергнут в результате восстания, поддержанного северными кочевниками, а власть в разных частях Согда, в том числе и западной, захватили представители местной знати: земледельческой или кочевой. Но на фоне смуты распалось и древнее Фарабское владение – от него отделился район Джикама вместе с пограничной крепостью (будущей цитаделью Байканда). Владетели Джикама, принадлежавшие, видимо, к той же династии, что и правители Фараба, основали собственный чекан Гиркода, по иконографии более приближенный к местной зороастрийской традиции. Как считает А.А. Мусакаева, на самых ранних образцах этой группы греческой легендой обозначен иранский по происхождению титул, отражавший место правителя в иерархии высших государственных чиновников: как администратора, военного предводителя и жреца (хранителя огня) (Мусакаева, 2004. С. 85-86).

Что касается правителя, захватившего власть в основном владении Нумиджкат после изгнания Евтидема I, то не исключено, что он происходил из кочевой среды,

а точнее из круга сарматоидных племён. Если это так, то с ним можно связать появление монет с искажённой греческой легендой и с согдийской легендой, а также с тамгой, напоминающей чачскую. На этом же этапе появляется монеты с искажённой греческой легендой и с согдийской легендой, а также с тамгой, в виде кружка с тремя скобками в разных его частях. И таким образом, появление первых имитаций с тамгами может восходить ещё к концу III – началу II в. до н.э., хотя не исключена и несколько более поздняя дата (Мусакаева, 2006. С. 20, 26-27).

Последующие события первой половины II в. до н.э., наверное, тоже отразились на местной политической ситуации. По сообщению римского историка Помпея Трога (I в. до н.э. – I в. н.э.), труд которого известен в кратком изложении Юстина (II–III вв.), греко-бактрийский басилевс Евкратид (вторая четверть II в. до н.э.) вёл непрерывные войны с соседними народами, среди которых были и согдийцы (Юстин, кн. XII, гл. 6). Возникновение известного Тахмачтепинского клада греко-бактрийских монет, обнаруженного под Бухарой, вполне могло быть связано с предполагаемым вторжением войск Евкратида в Западный Согд где-то в 70-е годы II в. до н.э.[8] А уже в середине II в. до н.э., прежде чем сокрушить Греко-Бактрию, сако-юечжи, разумеется, оккупировали и Согд. Как результат, менялись не только правящие династии, но и попутно облик западносогдийских монет той поры, правда искажения носили эволюционный характер и сохранялась преемственность относительно прототипов.

Примерно во II – нач. III вв. политический центр региона из Нумиджката сместился на другой пункт, хотя монетный двор, возможно, продолжал функционировать на старом месте. Такой вывод можно сделать исходя из анализа древнесогдийских надписей, недавно обнаруженных на городище Культобе вблизи Чимкента (Казахстан). По палеографическим признакам надписи датируются в пределах I – первой половины III вв. В одной из них речь идёт о правителях Самарканда, Кеша, Нахшаба и Навакмитана. Судя по общему содержанию, все четыре владения были объединены в согдийскую федерацию, игравшую первостепенную роль в системе полукочевой империи Кангюй. Опубликовавшие культобенскую находку Н. Симс-Уильямс и Ф. Грене, опираясь на предложенную И. Марквартом этимологию названия Нумиджкат, уверенно локализовали Навакмитан на месте г. Бухары (Sims-Williams, Grenet, 2006. P. 95-111). Однако, в действительности Нумиджкат и Навакмитан – совершенно разные пункты. Второй из них соответствует отдельному городищу в пределах Западного Согда. Более того, оно находится в ближайших окрестностях Бухары.

Примерно в 10 км к югу от города, как раз на древнем пути из Бухары в Джикам (Кум-Совтан), расположено современное селение под названием Наумитан[9]. По территории селения – с севера на юг – течёт небольшой канал с тем же названием, берущий своё начало из канала Шахруд на западной окраине города. Возле восточных окраин селения расположено и городище Наумитантепа, довольно крупное по меркам региона. Другое название городища – Хазрат-Кыз-биби-тепа; оно занято под одноимённый мазар. Точные размеры городища теперь установить трудно, поскольку его пониженные участки уже распаханы и освоены под посевы[10]. Сохранилась только наиболее возвышенная и укреплённая часть благодаря тому, что была огорожена и занята под мазар, Она представляет собой прямоугольный в плане холм площадью 3,5 га. В рельефе холма особенно выделяется расположенный почти в центре бугор, являющиеся остатками какого-то мощного здания типа замка.

Площадь бугра по основанию – 50х60 м, высота от уровня дневной поверхности – 20 м. Подъёмный керамический материал датируется в пределах IV–XVI вв., хотя, конечно же, не исключена и гораздо более ранняя дата. Очевидно, это древнее городище селения Наумитан и соответствует Навакмитану из культобенской надписи.

Всё указывает на то, что в Навакмитане располагалась вторая городская резиденция правителя владения Нумиджкат и всего Западного Согда. Затем, в указанное выше время, по каким-то причинам она стала основной в полном соответствии со смысловым значением своего названия – «Новое место обитания». И теперь данное наименование стало распространяться на весь регион или его основную часть. Навакмитан продолжал оставаться столицей всего региона и в III–IV вв., что можно предположить исходя из анализа теперь уже раннесредневековых китайских письменных источников, и, прежде всего, хроники «Бэй Ши».

Хроника «Бей Ши», посвященная истории северной династии Вэй (386–524 гг.), была написана придворным историком Ли Яньшоу в 630–643 гг., т.е. в период правления династии Тан. В одном из начальных разделов хроники приводится легенда о владетельном доме Кан (Самарканд) и подчинявшихся ему восьми малых царствах, располагавшихся на территориях Согда, Уструшаны и Чача. Правители всех девяти царств состояли друг с другом в родстве и носили фамилию Чжао-у. Сам Кан являлся отраслью Кангюйского дома. В свою очередь последний происходил из дома Юечжи, и со времён династии Хань преемственность престола не пресекалась. Среди подчинённых царству Кан указаны владения Ань и Сяо (Малое) Ань; оба последних локализуются на территории Западного Согда. Эта же самая легенда без изменений (как и значительная часть других сведений) приводится в хронике «Суй Шу», которая отражает историю династии Суй (581–618 гг.). Автором хроники является придворный историк Ван Шао (написана в 597–617 гг.). В 941–945 гг., т.е. в конце правления династии Цинь (907–951 гг.), была написана хроника «Цзю Тан Шу» («Старая история династии Тан» – 618–907 гг.). Составители хроники тоже не обошли предание стороной и включили его в свой труд, но уже с некоторыми изменениями. По меткому определению О.И. Смирновой, составители «...несколько изменили её, «подгоняя» под события, современные хронике (Бичурин, 1950. С. 271, 280-281, 310; Смирнова, 1970. С. 26-27).

Не касаясь перманентно модной темы Чжао-у – этимологии этого прозвания или титула – автор считает необходимым подробнее рассмотреть информативный аспект легенды на предмет соответствия реальной обстановке в странах «Западного края» по указанным конкретным периодам. Комплексный подход требует привлечения всех имеющихся письменных сведений (и не только из китайских хроник), а также археологических данных.

Вне всяких сомнений, уже во времена династии Северный Вэй легенда была всего лишь отголоском давних событий и анахронизмом. В связи с этим попытки отдельных исследователей просто и без уточнений экстраполировать данные сведения на территорию бывшего Кангюя и реальную политическую обстановку на местах в конце IV – начале VII вв. (Ходжаев, 2006. С. 121-122) выглядят странно. Поскольку речь идёт о распаде Кангюя, то случилось это не в конце V – начале VI вв. (как по А. Ходжаеву), а гораздо раньше. Кангюя не существовало уже в первой половине III в. – задолго до начала царствования династии Северный Вэй. Об этом можно судить хотя бы по известной надписи шаха Шапура I (242–272 гг.) на т.н. «Каабе Зороастра». Сама надпись датируется 262 г. и в ней, среди стран и областей

подвластных Ираншахру, отмечены Согд и Шаш (Чач), причём сами по себе и без всякой связи с полукочевой империей. (Правда, считается, что зависимость Согда и Чача была чисто декларативной – не более чем «претензия на господство над ними») (История Узбекистана в источниках, 1984. С. 4). Стало быть, где-то между началом и серединой III в. возникли все эти девять «Чжао-у цзю-шин го» («царств с фамилией Чжао-у). Их правители, скорее всего, действительно происходили из дома Кангюя и носили фамилию Чжао-у, но до поры и времени. По археологическим материалам и данным письменных источников в середине IV в. территории, на которых прежде существовали Кангюй и Кушанское царство, подверглись новому нашествию северных кочевников, что привело к образованию новой конфедерации – государства хионитов – со столицей в Балхе (Бактрах) (Гафуров, 1989. С. 246-447), так что все девять малых царств в числе других регионов вошли в состав этого местного образования. Возможно, эти малые владения и продолжали существовать далее, как субъекты конфедерации, а некоторые из них кроме центральной власти всё также подчинялись дому Кан. Однако новое нашествие кочевников однозначно не могло не отразиться на преемственности царственных династий на местах. И теперь местные царьки вряд ли все также происходили от кангюйцев. В свое время с опорой на легенду даже было выдвинуто предположение, что все раннесредневековые правители Самарканда, других согдийских владений, а также Уструшаны и Чача происходили от правителей Кангюя и Юечжи (Смирнова, 1970. С. 23, 26). Однако скептики сразу же отметили, что версия маловероятна и не основана на прочной традиции (Альбаум, 1975. С. 50). Сведения о девяти царствах сохранились в виде легенды, как отзвук более старой исторической традиции. Истоки – скорее всего, в некоторых несохранившихся письменных источниках периода Саньго («Троецарствие» – 229–280 гг.).

О том, что раннесредневековые правители Западного Согда уже не имели отношения к Кангюйскому дому, видно хотя бы по изменениям в монетном чекане. Если до середины IV в. в регионе чеканились монеты, восходившие по своей иконографии к эллинистическим образцам, то уже со второй половины века здесь появляются монеты совершенно нового ирано-сасанидского типа и никакой преемственности в монетном чекане не прослеживается как в изобразительной традиции, так и в весовых стандартах. Кроме того, этим временем датируется начало чеканки медной монеты в Западном Согде, знаменующее наступление нового периода в истории денежного обращения на территории региона (Наймарк, 1995. С. 37).

На монетах Западного Согда появляется известная бухарская тамга в виде кружка с четырьмя завивающимися отростками-усиками[11]. Бухарская тамга отличается от тех, что присутствуют на ранних подражаниях монетам Евтидема I. Стало быть, и по этой линии связи не отмечено. Поэтому не исключено, что в «Бэй Ши» и последующих хрониках правители Западного Согда именуются Чжао-у чисто по инерции.

Тем не менее, анахроничное предание о девяти царствах позволяет внести существенные уточнения в кажущееся тождество именно города Ань с Нумиджкатом – Бухарой. В данном случае иероглиф «Ань» не что иное, как сокращённое – до конечного слога – название Навакмитан (Навакмитан). Точно также, например, название Самарканд трансформировалось у китайских историков в Кан (Самарканд), хотя известны более похожие и созвучные оригиналу последующие варианты: Сивингинь, Самогянь, Лимогянь). Показательно, что в той же хронике «Бэй Ши» есть

упоминание о владении Нюми (несомненно – Нумиджкате), которое располагалось к западу от Сивингиня. Резиденция правителя владения находилась в одноимённом городе (Бичурин, 1950. С. 260; Малявкин, 1989. С. 78, 248). По хронологии событий летописи, речь идёт о политической ситуации в Западном Согде в конце IV – первой половине V в., так как сообщение о Нюми напрямую соотносится со сведениями о правителе Цидоло (Кидаре), его владении Нашеболо и резиденции в городе Боло. Согласно этим данным, владение находилось к югу от Нюми (Бичурин, 1950. С. 264)[12]. По определению В.Г. Луконина, начало выпуска кидаритских монет относится к 390-430 гг. (Луконин, 1967. С. 33). Следовательно, в указанное время столица Западного Согда снова находилась на своём привычном месте. А по археологическим материалам во второй половине IV–V вв. на цитадели и шахристане Нумиджката – Бухары проводились крупномасштабные работы по укреплению старых и строительству новых крепостных сооружений (Мухамеджанов, 1983. С. 60-61; Мухамеджанов, Адылов, Мирзаахмедов, 1986. С. 108; Некрасова, 1990. С. 26), что является отражением возросшего политического статуса города. По-видимому, не случайно владения Нюми и Нашеболо, а также правитель Цидоло упомянуты в хронике в едином контексте. Недавние находки согдийских остраков на городище Пайкенд, в том числе с надписью, читаемой как «семнадцатый год (от начала правления) Кидары», являются прямым доказательством сюзеренитета этого царя над Западным Согдом где-то в середине V в. (Лурье, 2007. С. 46-47).

В конце V или начале VI в., что уже соответствует временам эфталитов, политический центр, по-видимому, снова переместился на место Навакмитана. Об этом свидетельствует один из последующих разделов хроники «Бэй Ши», посвященный описанию владения Ань. Согласно сообщению, владение Ань – это бывшее при династии Хань государство Аньси. Государь именуется Чжао-у и происходит из одного дома с канским правителем. Резиденция расположена на южном берегу реки Нами. Город обведён пятью стенами и проточным каналом. А ещё сообщается, что во времена суйского императора Ян-ди (604–618 гг.) в Си Юй («Западный край»), в том числе и в Ань, было отправлено посольство – на пятом году эры правления Дае (609–610 гг.). Из того же раздела известно о владении Би, которое располагалось к западу от Ань на расстоянии 100 ли (около 50 км). В этом владении не было государя и оно находилось под управлением Ань (Бичурин, 1950. С. 272; Малявкин, 1989. С. 77-78).

К государству Аньси (Парфии) владение Ань, конечно же, никакого отношения не имеет[13]. О фамилии Чжао-у и связях с домом Кангюя уже говорилось. Упомянутый проточный канал явно был выведен из того самого естественного русла, по которому в настоящее время течёт арык Наумитан[14]. Владение Би соответствует Байканду (Малявкин, 1989. С. 262). Самое интересное и любопытное в сообщении – место расположения столицы относительно реки. Нами – это адаптированный к соответствующему языку вариант согдийского названия Намич («Знаменитый», «Славный», производное от «нам» – «имя»), что, по мнению В.А. Лившица, примерно соответствует по значению термину «Политимет» – «Высокочтимый»), которым древнегреческие историки обозначали р. Зарафшан (История Самарканда, 1969. С. 6l). По данным китайских историков и справочников, Нами (Намишуй) – название р. Зарафшан в её низовьях (см. подборку: Малявкин, 1989. С. 257; Ходжаев, 2006. С. 123). На территории Бухарского оазиса – основной части Западного Согда – река делится на множество протоков, главным из которых считается Кара-

кульдарья (Руд-и Самджан) – и поныне самый длинный и полноводный магистральный канал. Однако в древности и средневековье главным руслом реки в низовьях считался проток с нынешним названием Шахруд (старые названия – Руд-и Зар, Харамкам, Нахр-и Бухоро и др.) (Мухамеджанов, 1978. С. 61). Шахруд течёт через территорию главного города региона и этим всё сказано. Как показали археологические исследования, первоначально канал пересекал территорию шахристана, разделяя его на два автономно укреплённых массива - северный и южный. На северном (правом) берегу располагалась и цитадель – Арк. Впоследствии с целью объединения шахристана городской отрезок русла канала был смещён в сторону рабада, т.е. на юг (Мухамеджанов, Мирзаахмедов, Адылов, 1986. С. 108-113; Адылов, 1999. С. 143). Таким образом, первоначально город размещался по обоим берегам канала, а в дальнейшем его основная и большая часть оказалась на северном берегу. Между тем в хронике «Бэй Ши» чётко и ясно указано, что резиденция правителя владения Ань находилась на южном (левом) берегу реки Нами. Стало быть, в соответствующем разделе подразумевается не Нумиджкат, а именно Навакмитан. Это ещё раз указывает на то, что Нумиджкат – Нюми – Нэуми и Навакмитан – Ань – всё-таки два разных города. В зависимости от того, который из них был резиденцией верховного правителя, менялось в целом и название владения в китайских письменных источниках.

Как ни странно, но Навакмитан, этот крупный и довольно значимый пункт расселения области Бухары, совершенно не упоминается в сочинениях арабских и персидских историков и географов IX–XIII вв. Однако вполне вероятно, что в указанное время он был более известен под каким-то другим названием. Многие средневековые города и селения региона обладали по отдельности сразу несколькими наименованиями: старыми и новыми, официальными и эпитетными. Причём разные названия не только сменяли друг друга со временем, но и употреблялись синхронно. В этом убеждает пример самой Бухары с её другими наименованиями. Редактору Мухаммаду ибн Зуфару кроме Нумиджката были известны (из старинных книг) и такие названия города, как Бумискат[15], Мадинат ас-Суфрия («Медный город»), Мадинат ат-Тудждар («Город купцов») (ан-Наршахий, 1991. 102 б.). Не ограничиваясь только Бухарой, можно вспомнить вторые названия ещё некоторые известных пунктов. Там, Варахша в древности именовалась Дахфандун (Раджфандун), а другой крупный город Аркуд при арабах был переименован в Тававис («Павлины») (ан -Наршахий, 1991. 85, 99 бб.). Город (селение) Гиждуван располагался на берегу протока Нижний Харкан или Харканруд (нынешний канал Пирмаст), поэтому наименование Харкан («Большой канал») в прошлом нередко употреблялось и применительно к населённому пункту (Адылов, Мирзаахмедов, 2001. С. 155). Древнее название было и у города (селения) Кармина – Бадиайн-Хурдак, что, по мнению ан-Нисабури, означало «Кувшинчик» (ан-Наршахий, 1991. 95 б.)[16]. В Байканде в третьей четверти VII в. чеканились монеты (по типу китайских) с согдийской легендой «Фарнканд» («Благодатный город»), которая к официальному названию города отношения не имеет и этимологически с ним не связана. Город с арабским названием Нур (на месте г. Нурата) в древности назывался, конечно же, по-другому. Название Нур, точнее – Нур-и Бухоро («Свет Бухары»), возникло только после окончательной победы ислама в регионе – в конце VIII или начале IX в.

Всё вышесказанное означает, что и у Навакмитана вполне могло быть другое, более позднее и пока неизвестное наименование. Возможно, оно всё-таки значится

в списках географов XII–XIII вв. Абдалкарима ас-Сам'ани и Йакута ал-Хамави – их сведения по городам и селениям Западного Согда самые обширные и содержательные. К тому же ещё очень многие пункты из этих списков нуждаются в локализации и идентификации. Но всё же со временем первоначальное название города возобладало и закрепилось в местной топонимике, хотя и в слегка изменённой (новоперсидской) форме – Наумитан.

Навакмитан недолго оставался политическим центром Западного Согда. Спустя некоторое время после завоевания Средней Азии тюрками (примерно в 70-х или начале 80-х годов VI в.) власть в Западном Согде захватил Абруй – правитель Байканда, после чего его город стал столицей всего региона. Тюркский принц Шер-и Кишвар, свергнувший Абруя и провозглашённый новым правителем Западного Согда, некоторое время сохранял за Байкандом статус политического центра. Затем резиденцией снова на короткое время стал Нумиджкат, коль скоро принцу приписывается строительство его шахристана (точнее – новых крепостных стен в шахристане). Обо всём этом сообщает ан-Нисабури (ан-Наршахий, 1991. 91-92 бб.). Но в действительности Шер-и Кишвар (он же – Эл-Арслан, Янг-Соух-тегин, Дулу-хан, Янсо-дэлэ, Дулу-кэхань, Савэ-шах, Шаба) погиб на войне с персами вскоре после свержения Абруя – в 588 г. Его сын и наследник Эл-тегин (он же – Йал-тегин, Буюрук, Бармуда, Нили-хан) продолжил войну, в ходе которой персы осаждали его резиденцию – крепость Оваза (Байканд) (Гумилёв, 1967. С. 117, 126-132). По окончании войны (589 г.) Эл-тегин перевёл свою резиденцию из Байканда в более безопасное и отдалённое от границ с Ираном место – Нумиджкат. Перед этим он передал бразды правления в Байканде местным купцам. Отголоском данной акции и является сообщение времён заката династии Суй о том, что во владении Би нет своего государя. Именно Эл-тегин, а вовсе не его отец Шер-и Кишвар укреплял в конце VI в. крепостные стены шахристана Бухары и следы этих работ выявлены в результате археологических исследований (Мухамеджанов, Мирзаахмедов, Адылов, 1986. С. 107-108). Однако и Нумиджкат недолго оставался резиденцией. Незадолго до своей смерти (в 603 г. – во времена смут в Первом Тюркском каганате) Эл-тегин перебрался в новую столицу – город Рамитан (в китайских источниках – Аланьми). После этого Нумиджкат переживал упадок. По сообщению ан-Нисабури, цитадель Бухары долгое время лежала в развалинах, пока её не восстановил Бидун Бухархудат в преддверие ранних походов арабов на регион (ан-Наршахий, 1991. 103 б.).

В отличие от других столичных городов Западного Согда Рамитан возник гораздо позже. По археологическим данным, появление пункта относится к концу IV–V вв. (Сулейманов, 1984. С. 128). Однако, в силу изменившейся политической конъюнктуры его географическое положение оказалось более выгодным. Он располагался в самом центре региона и, что самое главное, на генеральной трассе Кавказского шёлкового пути. Данное направление (через Хорезм и прикаспийскую зону) после конфронтации Первого Тюркского каганата с Ираном стало приоритетным и оттеснило на второй план Хорасанскую дорогу, пролегавшую через Нумиджкат и Байканд. Именно на рубеже VI–VII вв. – и никак не раньше – возникло и наименование Бухара[17]. Как сообщает ан-Нисабури, со ссылкой на некоторые старинные книги, первоначально название Бухара относилось именно к Рамитану, а вовсе не к Нумиджкату (ан-Наршахий, 1991. 98 б.). Очевидно, это было второе (эпитетное) название города[18]. А в скором времени данным термином стали обозначать не только столицу, но и само основное владение. Как результат, наименование Бухара в

соответствующей согдийской передаче появляется на местных монетах. А среди таких монет были не только серебряные (т.н. бухархудатские драхмы), но и медные (Смирнова, 1970. С. 56-57). Таким образом, все бухарские монеты с согдийскими легендами, в которых присутствует данное наименование, не могут быть датированы ранее рубежа VI–VII вв. и по логике – все они локализуются в столице региона того времени – в Рамитане. Только после того, как на рубеже 60–70-х годов VII в. резиденция верховного правителя Западного Согда окончательно вернулась в Нумиджкат, новое название Бухара в обратном порядке закрепилось за первопрестольной столицей и со временем полностью вытеснило старое.

В хронике «Тан Шу» владение Бухо иногда по старинке именуется Да (Большое) Ань. Кроме того, в летописи упомянуты и другие малые владения региона: Дун (Восточное) Ань, Си (Западное) Ань и Уди.

Согласно танской хронике и путевым заметкам Сюань Цзаня владение Дун Ань находилось в соответствующей стороне от Бухо (Да Ань)[19], на северной или южной стороне реки Нами. Еще одно название владения – Хэ-хань. Такое же название носил и главный город, который ещё именовался Сы (?) Цзинь. Во время административной реформы (в 658 г.) на месте владения был образован округ Мулу (Бичурин, 1950. С. 312; Малявкин, 1989. С. 77; Александрова, 2008. С. 158).

Эпитет «Сяо» возник, вероятно, по причине того, что в древности данный удел в административном аспекте являлся частью большого владения Нумиджкат (Навакмитан), но после распада Кангюя отделился от него, хотя продолжал быть в зависимости от первого ещё на протяжении нескольких веков. Кроме того, по археолого-топографическим материалам, территория удела, хотя и частично, входила в систему общебухарской оборонительной стены Канпирак (Кампирдивал). Владение локализуется к северо-востоку от Бухарского оазиса на землях обособленных друг от друга малых оазисов – Нуратинского, Канимехского, Карминийского, Карнабского – и на промежуточных степных участках. Центром владения был город Харганкат (Харг-ан-кат). По сведениям Йакута ал-Хамави, это селение (город) располагалось в 1 фарсахе от Карминийи (Кармины) за рекой Согда (Камалиддинов, 1993. С. 64). Селение с таким названием ещё недавно существовало в 13 км к северу от посёлка Кармана (Кармина) и в 6 км к северу – северо-востоку от городища Кармина. Локализуется на месте расположенного здесь полуразрушенного городища Кузимонтепа. По археологическим данным, нижние слои Кузимонтепа датируются IV–III вв. до н.э., а верхние – XI–XII вв. (Адылов, 1987. С. 12).

Владение Си Ань (Малявкин, 1989. С. 199) Э. Шаванн отождествлял с древним городом Вардана в северной части Бухарского оазиса (на землях Шафирканского района) (Chavannes, 1903. P. 134, not. 2). Правда, современные китайские историки предпочитают иную локализацию – в районе Фараба (Малявкин, 1989. С. 199). Однако точка зрения Э. Шаванна выглядит предпочтительней – по созвучию Си Ань – Вардана (Вард-ан-а), в то время как район Фараба обозначался в раннесредневековых китайских хрониках под другими названиями. Из персидских и арабских письменных источников известно, что Вардана была резиденцией могущественных удельных правителей Западного Согда – Варданхудатов. Один из представителей этой династии во времена арабских завоеваний даже сумел на короткое время стать верховным правителем всей Бухары и оказал упорное сопротивление Кутайбе б. Муслиму (ан-Наршахий, 1991. 93, 98, 110 бб.; История ат-Табари. С. 121; Адылов, Мирзаахмедов, 2001. С. 150-157). С точки зрения историко-географической ситуа-

ции старым китайским авторам следовало бы правильнее называть владение Вардана (Обавия) Северным Ань, а не Западным. Очевидно, ими подразумевалось расположение этого удела относительно Восточного Ань.

Что касается действительно западного (точнее, юго-западного) относительно Да Ань владения Уди, то оно, безусловно, локализуется в районе Фараба. В хронике «Тан Шу», в путевых заметках Сюань Цзана («Дай Тан Си Юй Цзи» – «Записки о Западном крае, составленные в правление, династии Тан»), а также в более ранней летописи «Лян Шу» («История династии Лян» – 502–557 гг.) данный удел также известен под названиями Моуди, Фади и Байти[20] (Бичурин, 1950. С. 310; Малявкин, 1989. С. 262; Александрова, 2008. С. 159). Все эти китаизированные варианты созвучны названию Битик, а вовсе не Фараб. По сравнению с Фарабом (Куи-кала) Битик (Битык-кала) – всего лишь небольшая, хотя и мощная крепость площадью около 0,5 га. По археологическим данным, нижние слои крепости относятся к кушанскому времени (первые вв. н.э.) (Пилипко, 1987. С. 187). Стало быть, в Битике находилась загородная резиденция правителей Фараба, которая временами становилась основной, в частности в VI–VII вв. – по аналогии с Нумиджкатом и Навакмитаном. В такой ситуации название резиденции распространялось и на весь удел.

Таким образом, все эти малые владения – Дун Ань (Харганкат –Кармина), Си Ань (Вардана), Уди (Битик – Фараб), а также Би (Байканд) – располагались на периферии основного владения Да Ань – Бухо (Нумиджкат – Навакмитан – Рамитан), т.е. за пределами общебухарской стены Кампирак. Согласно новейшим данным, стена была возведена ещё при эфталитах. Затем во времена Первого Тюркского и Западнотюркского каганатов она оказалась заброшенной и разрушилась, а при Аббасидах и Тахиридах – восстановлена или отстроена заново (Адылов, 1998. С. 18-21). Основное владение, располагавшееся в пределах стены, тоже не было в жёсткой степени унитарным и состояло из множества мелких полузависимых уделов. Только после арабского завоевания и ликвидации раннефеодальной раздробленности на месте прежних владений стали формироваться сельскохозяйственные районы – рустаки, число которых ко времени династии Саманидов достигало двадцати двух – пятнадцать внутренних (в пределах стены) и семь внешних (Бартольд, 1963. С. 163). При этом часть рустаков, как внешних, так и внутренних, сложилась в прежних границах уделов, а остальные оказались раздробленными на более мелкие территории.

Примечания

[1] Несохранившиеся арабский вариант книги был написан Мухаммадом ан-Наршахи в 943–944 гг. В 1128 г. Ахмад ал-Кубави не только отредактировал текст и перевёл его на фарси, но и дополнил многочисленными вставками, в том числе и отрывками из сочинений других средневековых авторов. В 1178–1179 гг. Мухаммад ибн Зуфар переработал уже персидский вариант и тоже немного его дополнил. Сообщение о названии Нумиджкат исходит не от ан -Наршахи, а непосредственно от ал-Кубави. В свою очередь последний, видимо, знал об этом из сочинений других ранних историков, однако их названия и имена остаются неизвестными.

[2] По-видимому, в Западном Согде ещё в середине III в. до н.э. существовали все предпосылки и условия для того, чтобы впоследствии именно на данной территории, а не в каком-то другом регионе, возник и существовал в течение нескольких веков (с естественными перманентными искажениями относительно прототипа) монетный чекан подражающий тетрадрахмам Евтидема. Анализ подлинных монет Евтидема I, относящихся к разным периодам его царствования (с весьма реалистичными портретами басилевса в юности, зрело-

сти, старости), позволяет разложить их в хронологическом диапазоне, растянутом примерно на 50 лет (Мусакаева, 2006. С. 224). А до этого было принято считать, что он взошёл на трон в 20-х годах III в. до н.э. и царствовал до начала II в. до н.э. Другой греко-бактрийский басилевс с тем же именем – Евтидем II – правил в 70-е годы II в. до н.э. В научной литературе уже давно высказано предположение, что ещё до восшествия на престол Бактрии Евтидем I являлся сатрапом Согда (В. Массон, 1952. С. 167-169; В. Массон, 1955. С. 42-43). Таким образом, вполне возможно, что дата его воцарения примерно такая же, как и у Арсака I в Парфии или Диодота I в Бактрии. Когда в середине III в. до н.э. эти две страны отделились от Селевкидского царства, полностью изолированный от сирийской метрополии Согд тоже де-факто стал независимым. Политическим актом–демонстрацией, закрепляющим провозглашение Греко-Согдийского царства, стал выпуск серебряных монет (тетрадрахм) от имени бывшего сатрапа и новоиспечённого басилевса Евтидема I в его предполагаемой резиденции – Нумиджкате. Для этого им был основан здесь монетный двор – один из первых (если не самый первый) на всём пространстве древнего Согда. Сырьё для монет, скорее всего, поступало из серебряных рудников в Нуратинских горах. Однако царствование Евтидема I в Согде не было продолжительным и ему, в конце концов, пришлось отступить на юг под натиском местного земледельческого населения и северных кочевников. Тем не менее, в Бактрии Евтидему I сопутствовала удача. После этого он, соответственно, переместил сюда свой монетный чекан. Данное мнение о существовании двух монетных дворов Евтидема I – в Западном Согде и в Бактрах – разделяют и другие исследователи (Мусакаева, 2006. С. 25). Приняв за основу предположение о Нумиджкате как о первоначальной резиденции Евтидема I и о заложенном им здесь раннем монетном дворе, можно легко объяснить, почему именно в Западном Согде сложился данный подражательный чекан.

[3] На том же юго-западном ареале, хотя и намного ближе к центру, находился ещё один крупнейший город региона – Байканд (городище Пайкенд). Однако по археологическим данным он сложился как город только на рубеже древности и раннего средневековья (вторая половина IV–V вв. н.э.), хотя самые ранние крепостные стены цитадели и датируются IV-Ш вв. до н.э. (Мухамеджанов, Адылов, Мирзаахмедов, Семёнов, 1988. С. 38, 102; МБАЭ, 2000. С. 23).

[4] В.А. Шишкин ошибся, отождествляя Руд-и Самджан с нынешним протоком Рамитанруд (Шишкин, 1963. С. 23).

[5] Во всяком случае, автору об этом ничего не известно, так же как и о публикациях на данную тему.

[6] Согласно сведениям того же историка, кроме Фараба принц основал также крупные селения региона, такие как Мамастин, Сакматин, Самтин и построил шахристан Бухары (см. там же). Но даже подъёмные археологические материалы с поверхности соответствующих объектов и результаты раскопок в старогородской части Бухары указывают на гораздо более ранние даты.

[7] На городище Варахша и окрестных памятниках тоже обнаружено много монет Гиркода данного типа, однако локализация двора, по их выпуску на данном месте маловероятна. В отличие от районов Фараба, Байканда и городища Кум-Совтан, Варахшинский массив не был изолирован от основной части региона степными пространствами и являлся неотъемлемой частью древнего Бухарского оазиса. Большое количество находок - результат многолетних археологических исследований. Варахша и Байканд – пока наиболее изученные в этом аспекте древние города Западного Согда. Первый из них сложился в качестве урбанизированного пункта ещё в IV в. до н.э., причём, как один из крупнейших для тех времён. Тогда он назывался Дахфандун. По уточнённым данным, древний город и большая часть его сельской округи пустеют в III в. н.э. и возрождаются только во второй половине IV в., когда начинают поступать в обращение монеты совершенно новых типов (Адылов, 2002. С. 77; Адылов, Мирзаахмедов, 2008. С. 66-68). Так, что обживание древнего города (на пер-

вом этапе его существования) прекратилось задолго до того, как пресеклась во времени линия монет Гиркода. В то же время многочисленные находки этих монет могут свидетельствовать о тесных торговых отношениях Дахфандуна с городом и владением, откуда они происходили. Несмотря на прекращение выпуска, монеты Гиркода могли находиться в обращении вплоть до рубежа IV–V вв., особенно если это были образцы из более-менее полноценного серебра. Об этом свидетельствуют их находки на поселениях Кызылкырско-Сеталакской группы, которые датируются второй половиной IV–V вв. То же самое, относится и к монетам по типу тетрадрахм Евтидема I. На городище Пайкенд монет Гиркода пока не отмечено, если не считать одной находки на шахристане II. В тесте кирпича из завала в башне 2 обнаружена монета с изображением лучника или Гиркода (по определению Е.В. Зеймаля) (Мухамеджанов, Адылов, Мирзаахмедов, Семенов, 1988. С. 100). Отсутствие находок, видимо, объясняется тем, что во времена существования чекана Байканд был всего лишь небольшой пограничной крепостью, так что в отличие от Дахфандуна здесь отсутствовали объективные условия для их накопления в больших количествах. В то же время нельзя не признать, что соответствующие культурные слои на цитадели ещё недостаточно затронуты раскопками и поэтому, возможно, находки ещё впереди.

[8] Время возникновения клада, датируется по самым поздним образцам – монетам-медалям Агафокла – в промежутке между 180 и 165 гг. до н.э. (Курбанов, Ниязова, 1989. С. 4).

[9] На пути из Бухары в Джикам локализуются ещё два исторических пункта расселения. Первое из них – крупное селение Нукан или Анкана вблизи юго-западных окраин средневекового города. Оно упоминается в трудах Мухаммада ат-Табари (начало X в.) и ал-Мукаддаси; последний называет его «селением, подобным городу» (История ат-Табари. С. 100; Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. С. 194). Древнему селению соответствует городище Ходжа-Алохиддин-тепа на юго-западной окраине современного города, вблизи кирпичного завода. Непосредственно возле селения древняя торговая магистраль из Бухары разветвлялась на два генеральных направления: Нахшабско-Тохаристанское (на юг – в сторону Джикама) и Хорасанское (на восток – юго-восток – в сторону Байканда). Южнее Нукана на месте городища Ходжа-Арабшо-тепа (селение Узбеккент) локализуется древнее селение Разманах. По сведениям ас-Сам'ани, это селение располагалось в 1-м фарсахе от Бухары (Бартольд, 1963. С. 180). К югу от указанного пункта на старых картах отмечено селение Зарманак.

[10] Как показывают археолого-топографические исследования в низовьях Зарафшана, местные города времён древности и раннего средневековья не выделялись большими размерами на фоне аналогичных пунктов других регионов. Даже самые крупные из них (за исключением Бухары) по своей территории в пределах крепостных стен едва ли сопоставимы со сравнительно небольшими городами Центрального Согда, Кёша и Нахшаба. Скорее всего, это было связано с местной экологией тех времён, которая на порядок отличалась от нынешней. Поэтому кажущиеся небольшими размеры Наумитантепа не должны смущать.

[11] Тамги издавна представляли собой знаки собственности определённого клана на движимое или недвижимое имущество. Вместе с тем тамги, помещённые на монеты, символизировали правящие династии, основанные ими государства, и были связаны с территорией их правления и происхождением (Яценко, 2001. С. 22-23). Возможно, первоначально бухарская тамга и была родовым или династийным знаком предводителей одного из племён хионитского круга, обосновавшихся на территории региона. Однако со временем – на рубеже древности и раннего средневековья – тамга стала неким символом Западного Согда, как территориального образования и политического субъекта. Иными словами, бухарская тамга – прежде всего, символ местной государственности. Это можно обосновать хотя бы на примере бухарских медных литых монет с отверстием в центре, которые чеканились в третьей четверти VII в. Образцом для них послужили раннетанские монеты с иероглифической легендой «кай юань тун бао». Начало их выпуска восходит к 658 г. или чуть более ранней дате, т.е. в то время, когда на территории Согда, который оказался под властью Ки-

тая, как и все другие регионы Западнотюркского каганата, была проведена административная реформа. На месте основного бухарского владения возник округ Ань (Аньси) с центром (по-прежнему) в городе Алань (Аланьми), который соответствует Рамитану (городище Курган-и Рамитан) (Малявкин, 1989. С. 77, 242, 343). Скорее всего, именно с Рамитаном, как центром, и был связан выпуск бухарских монет с вышеотмеченной китайской легендой на аверсе. В Байканде тоже выпускались монеты по образцу китайских, но с согдийскими легендами. И на всех этих монетах присутствует бухарская тамга. Однако хорошо известно, что, начиная с принца Шер-и-Кишвара, верховными правителями Западного Согда были тюркские аристократы, которые по своему происхождению не имели никакого отношения к местной знати более ранних времен. А что касается Байканда, то он, вероятно, уже с первой половины VII в. представлял собой «город купцов» – вольный город, купеческую республику (Беленицкий и др., 1973. С. 150)**.**

[12] Согласно С.К. Кабанову, владение Нашеболо соответствует Нахшабу, а город Боло – городищу Ер-курган (Кабанов, 1997. С. 125).

[13] Уже давно установлено, что китаизированная форма Аньси, обозначавшая Парфию, является иероглифической транскрипцией названия династии Аршакидов (Малявкин, 1989. С. 198). Ранее считалось, что наименование владения Ань произошло от сокращения названия Аньси (Малявкин, 1989. С. 78), однако в действительности между ними нет связи. Первоначально древние китайские авторы чётко отличали Аньси от Ги (Цзи). Однако более поздние историографы имели смутное представление о положении на этом географическом ареале. Они считали, что старое государство Аньси продолжает существовать в том или ином виде. А поскольку оба китаизированных названия весьма созвучны, да к тому же территории Парфии и Западного Согда располагались по соседству, в раннесредневековых хрониках возникла путаница, связанная с переносом наименования одного региона на другой.

[14] Судя по всему, именно по берегу этого протока когда-то пролегал торговый путь из Бухары в Джикам и далее в Нахшаб и Тохаристан. В настоящее время арык Наумитан едва достигает южной окраины Бухарского оазиса, однако по топографическим картам его сухое русло продолжается далее на юг в сторону городища Кум-Совтан и теряется в песках. Вполне возможно, что изначально данный проток всё-таки достигал хвостового протока Кашкадарьи. Из этого следует, что древний город на месте Кум-Совтана подобно Фарабу, Байканду и многим другим пунктам на территории региона возник в очень благоприятных географических условиях – на излучине, возле места слияния двух водных артерий.

[15] В действительности название Бумискат имеет отношение не к Бухаре, а к совсем другому городу (селению). В письменных источниках он чаще всего отмечается под названиями Бамиджкат или Бумиджкат, однако встречаются и такие варианты, как Намиджкат, Нумиджкат, Нумушкат и т.п. По сведениям Иакута ал-Хамави, этот пункт располагался в 4-х фарсахах от Бухары по пути в Тававис, в половине фарсаха от дороги (Камалиддинов, 1993. С. 65). Древнему пункту соответствует городище на окраине селения Кумушкент к востоку от райцентра Вабкент. До арабского завоевания город был центром малого владения; жители этого пункта заключали мир с Кутайбой ибн Муслимом отдельно от центральной власти в Бухаре (История ат-Табари. С. 119). В дальнейшем город стал центром одноимённого сельскохозяйственного района – рустака. Этот рустак упоминается в сочинении ал-Истахри под названием Бума (?) (Бартольд, 1963. С. 163). Такие пары названий, как Бамиджкат – Намиджкат или Бумиджкат –Нумиджкат не только очень созвучны, но имеют почти идентичное начертание на арабском или фарси; отличие только в начальной литере, которая в зависимости от места расположения диакритической точки может читаться как ب«ба» или ن «нун». Все остальные варианты названий тоже морфологически (с точки зрения норм лингвистики) взаимосвязаны. Именно по указанным причинам в письменных источниках могла возникнуть путаница с наименованиями двух разных городов

[16] Видимо, более верными написанием и переводом являются Бадийа-и Хурдак – «Маленькая степь».

[17] В китайских письменных источниках термин Бухо впервые отмечен монахом-паломником Сюан Цзянем, который в начале 630-х годов путешествовал по Западному краю (Александрова, 2008. С. 159). Это же название, но в согдийской передаче *ρwγ'τ* зафиксировано на известном серебряном блюде из деревни Кипчики. Сосуд был изготовлен в Константинополе около 550 г., а затем попал в сокровищницу бухарского правителя, о чём и свидетельствует надпись бухарским письмом. По палеографическим данным надпись сделана не позднее конца VI – начала VII вв. (Банк, 1965. С. 228, табл.77; Лившиц, Луконин, 1964. С. 165-167).

[18] Более подробно этимология наименования Бухара, а также история его возникновения будет изложена в отдельной публикации, которая готовится к печати.

[19] В переводах соответствующего раздела танской хроники, опубликованных Н.Я. Бичуриным и А.Г. Малявкиным, имеются существенные расхождения. Так, согласно Н.Я. Бичурину, владение Хэхань вместе с резиденцией располагалось по южную сторону реки, тогда как по А.Г. Малявкину – по северной. Возможно, расхождения заключены в разных вариантах хроники –«Цзю (Старая) Тан шу» и «Синь (Новая) Тан шу», которыми пользовались соответственно первый и второй авторы. Скорее всего, более верной является локализация города Хэхань на северном берегу, на месте Харганката (городище Кузимонтепа). Если же резиденция находилась на южном берегу, то ей, безусловно, соответствует городище Старой Кармины, хотя её название менее созвучно китаизированному варианту. Не следует также забывать, что в отличие от Кармины Харганкат находился фактически в стороне от магистральной средневековой трассы Самарканд – Бухара. Поэтому, со временем резиденция правителя вполне могла переместиться из Харганката в Карману.

[20] В хронике «Лян Шу» упоминается правитель удела Байти по имени (в иероглифической транскрипции) Шицзин, который носил фамилию Чжи и был потомком одной из ветвей народа сюнну (хунну). А фамилия Чжи, как предполагается, происходит от сокращения этнонима «юе-чжи» (Малявкин, 1989. С. 262). Под «одной из ветвей народа сюнну» в данном случае, по-видимому, следует подразумевать хионитов. Но в то же время не следует полностью исключать и сакское (юечжийское) происхождение этого правителя.

Использованная литература

Адылов Ш.Т. Становление и развитие городской культуры Бухарского Согда по материалам стратиграфических исследований (IV в. до н.э. – VIII в.) // Автореф. дисс. канд. ист. наук. Самарканд, 1987.

Адылов Ш.Т. Административно-территориальное устройство Западного Согда в Раннем Средневековье (Письменные источники, историческая топография, топонимика) // ОНУ. Ташкент, 1998, № 6.

Адылов Ш.Т. Оросительно-дренажная система г. Бухары в древности и средневековье // ИМКУ. Вып. 30. Самарканд, 1999.

Адылов Ш.Т. Западные окраины Бухарского оазиса на ранних стадиях обживания (VI в. до н.э. – III в.) // ИМКУ. Вып. 33. Ташкент, 2006.

Адылов Ш.Т. Исторические озёра Бухары и впадавшие в них протоки // Древняя и средневековая культура Бухарского оазиса. Самарканд – Рим, 2006.

Адылов Ш.Т. К исторической топографии средневековых торговых путей из Бухары в Нахшаб, Кеш и Тохаристан // Роль города Карши в истории мировой цивилизации. Ташкент – Карши, 2006а.

Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К. Из истории древнего города Вардана и владения Обавия // ИМКУ. Вып. 32. Ташкент, 2001.

Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К. Новые сведения по истории обживания Варахшинского массива // ИМКУ. Вып. 36. Ташкент, 2008.

Александрова Н.В. Путь и текст (Китайские паломники в Индии). М., 2008.
Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975.
Ахраров И. Археологическое изучение Бухары // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973.
Ахраров И., Усманова З.И. Новые данные к истории Бухары // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.
Банк А.В. Византийское искусство в собраниях СССР. Л.–М., 1965.
Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия / Соч. М., 1963. Т. 1.
Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985.
Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. М.–Л., 1950. Т. II.
Бопераччи О. Подражания монетам Евтидема I и дата независимости Согдианы // Культура Древнего и Средневекового Самарканда и исторические связи Согда. Ташкент, 1990.
Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Душанбе, 1989. Кн. 1.
Гумилёв Л.Н. Древние тюрки. М., 1967.
Зеймаль Е.В. Политическая история Трансоксианы по нумизматическим данным // Культура Востока. Древность, раннее средневековье. Л., 1978.
Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983.
История Самарканда. Ташкент, 1969. Т. I.
История ат-Табари. Ташкент, 1987.
История Узбекистана в источниках. Ташкент, 1984.
Кабанов С.К. Нахшаб на рубеже Древности и Средневековья. (III– VII вв.) Ташкент, 1977.
Камалиддинов Ш.С. «Китаб ал-Ансаб» Абу Са»да Абдалкарима ибн Мухаммада ас-Сам'ани как источник по истории и истории культуры Средней Азии. Ташкент, 1993.
Камалиддинов Ш.С. Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX – нач. XIII вв. Ташкент, 1996.
Курбанов Г.Н., Ниязова М.И. Каталог греко-бактрийских монет из фондов Бухарского музея. Бухара, 1989.
Лившиц Е.А., Луконин В.Г. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах // ВДИ. М., 1964, № 3.
Луконин В.Г. Кушано-сасанидские монеты // ЭВ. Вып. XVIII. М., 1967.
Лурье П.Б. О согдийских остраках из раскопок Пайкенда 2006 г. // МБАЭ. Вып. VIII. СПб., 2007.
Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск, 1989.
Массон В.М. Редкая среднеазиатская монета из собрания Гос. Эрмитажа // ВДИ. М., 1953, № 3. (4, 5).
Массон В.М. Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным // ВДИ. М., 1955. № 12 (52).
Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана. М., 1964. Т. I.
Массон М.Е. Из прошлого Бухары // Пионер Востока. Ташкент, 1940. №
Массон М.Е. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и Мавераннахр // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1966. Т. XIII.
МБАЭ. Материалы Бухарской Археологической Экспедиции. Вып. 1. СПб., 2000.
Мусакаева А.А. Монеты Гиркода // Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда. Ташкент, 1990.
Мусакаева А.А. Монеты Гиркода // ИМКУ. Вып. 34. Самарканд, 2004.

Мусакаева А.А. Древнебухарский чекан Согдианы // Древняя и средневековая культура Бухарского оазиса. Самарканд – Рим, 2006.

Мухамеджанов А.Р. История орошения Бухарского оазиса. Ташкент, 1978.

Мухамеджанов А.Р. Стратиграфический раскоп на цитадели Бухары // ИМКУ. Вып. 18. Ташкент, 1983.

Мухамеджанов А.Р., Мирзаахмедов Д.К., Адылов Ш.Т. Керамика нижних слоев Бухары // ИМКУ. Вып. 17. Ташкент, 1982.

Мухамеджанов А.Р., Мирзаахмедов Д.К., Адылов Ш.Т. К изучению исторической топографии и фортификации Бухары // ИМКУ. Вып. 20. Ташкент, 1986.

Мухамеджанов А.Р., Мирзаахмедов Д.К., Адылов Ш.Т., Семёнов Г.Л. Городище Пайкенд. К проблеме изучения средневекового города. Ташкент, 1988.

Наймарк А.И. О начале чеканки медной монеты в Бухарском Согде // Нумизматика Центральной Азии. Вып. I. Ташкент, 1995.

Некрасова Е.Г. К истории сложения стен Арка Бухары // Из истории культурного наследия Бухары. Ташкент, 1990.

Некрасова Е.Г. Нижние культурные слои Бухары // ОНУ. Ташкент, 1998, № 4-5.

Пилипко В.Н. *Из работ Амударьинского отряда //* АО 1968. М., 1969.

Пилипко В.Н. Типология поселений кушанского времени в долине Средней Амударьи // СА. М., 1987. № 3.

Смирнова О.И. Очерки из истории Согда. М., 1970.

Сулейманов Р.Х. Результаты предварительного изучения городища Рамитан // ИМКУ. Вып. 19. Ташкент, 1984.

Ходжаев А. Наиболее ранние сведения китайских источников о Шахрисабзе // Роль города Карши в истории мировой цивилизации. Ташкент – Карши, 2006.

Шишкин В.А. Варахша. М., 1963.

Юстин Юниан. Эпитома сочинения Помпея Трога «История Филиппа» / Извлечения в кн. «История Узбекистана в источниках». Ташкент, 1984.

Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.

Муҳаммаджонов А.Р. Бухоро шаҳрининг қадимги номлари хасида // Города Центральной Азии на Великом шёлковом пути. Самарканд, 1994.

Абу Бакр Мухаммед ибн Жаъфар ан-Наршахий. Бухоро тарихи // Мерос. Тошкент, 1991.

Chavannes E. Documents sur Tou-kiue (Turks) Occidentaux. Spb., 1903.

Markwart J. Wehrot und Arang. Leiden, 1938.

Sims-Williams N, Grenet F. The Sogdian Inscptions of Kultobe // SHYGYS. Алматы, 2006. № 1.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ИСТОРИИ ГОРОДА РИШТАН

© 2011. Г.П. Иванов
Ферганский областной краеведческий музей

Осенью 2010 года на территории современного города Риштан Ферганской области проводилась археологическая разведка с целью обнаружить древние слои города и, по возможности, установить дату его зарождения. Риштан упоминается в списке городов Ферганы в работах арабских географов X века. В настоящее время это крупный ремесленный центр, где сохраняется традиция производства расписной глазурованной керамики.

В 1998-99 годах нами уже производились разведочные раскопки на северной окраине современного Риштана в махалле Чинигарон, рядом с кладбищем Сохиби Хидоя. Первое обследование кладбища вокруг мавзолея относится ко времени работ археологического надзора на трассе Большого Ферганского Канала (БФК) в 1939 году. Тогда же был снят схематический план части городища Риштан. Работы 2010 года производились силами добровольцев, продолжались всего два непродолжительных сезона и носили разведочный характер. Основной целью исследований являлось выяснение возможности дальнейших раскопок в районе мавзолея Сохиби Хидоя и на территории современного Риштана в целом. Кроме визуального обследования нами было заложено два небольших шурфа 3х4 м. Один в 20 м к северу от кладбища кишлака Зодиан (это кладбище расположено не в кишлаке Зодиан, а на северной окраине Риштана, сразу после махалли Чинигарон) и второй на территории саман-базара в южной части города.

Материалы шурфа в районе кладбища Сохиби Хидоя, кроме того, случайная находка уникальных бронзовых кувшинов XII века в Риштане показали, что действительно здесь имеются культурные горизонты, которые могут оказаться слоями средневекового города Риштан. Раскопки древнего Риштана целесообразны, поскольку до сих пор никто не занимался поисками археологических фактов могущих прояснить историю возникновения и развития города бывшего в X веке одним из крупнейших в долине. Известно, что во время строительства Большого Ферганского канала в районе кишлака Зодиан прослеживались мощные археологические слои содержавшие материалы первых веков нашей эры (Жуков, 1951. С. 66). Не исключено, что первоначально город располагался ниже по течению арыков подающих в него воду. Со временем люди строили новые дома выше по течению для того, чтобы пользоваться более чистой водой и к IX веку территория города могла передвинуться до современной махали Чинигарон. В настоящее время мы имеем материалы подтверждающие, что люди жили на этом месте как минимум с VII века, но это данные только одного небольшого шурфа. В дальнейшем необходимо произвести пробные раскопки на территории от БФК до кладбища Сохиби Хидоя. Если мате-

риалы раскопок подтвердят правильность предположения о постепенном перемещении города к югу, можно будет приступить к работам по установлению даты зарождения Риштана. При этом, если находки на трассе БФК действительно окажутся слоями раннего Риштана, можно будет говорить о двух тысячах лет истории города.

В процессе работ 2010 года сторожем кладбища Сохиби Хидоя нам была передана керамическая крышка от хума с изображением креста, полученная во время рытья могилы. Мы обследовали место находки и было установлено, что крышка происходит из слоя X-XII вв. Так как на этом участке древнего города нет более ранних и более поздних слоев. Это и является основой датировки, поскольку типологически подобные крышки производились на большом промежутке времени и установить их дату только по форме не представляется возможным.

Крышка выполнена на гончарном круге в виде прогнутого вниз диска с специально оформленным желобком с наружной (нижней) стороны для более плотного контакта с верхней частью тарного сосуда. Цвет черепка красновато-терракотовый, но поверхность крышки сверху почти белая. В глину изделия были добавлены для прочности кварцевый песок и небольшое количество толченых обломков керамики. Диаметр крышки 27 см, что указывает на то, что она предназначалась для сосудов с небольшим устьем. Верхняя часть декоративно оформлена. По краю крышки, всего в 5 мм от него, прочерчены две тонкие неглубокие (ширина и глубина их не превышает одного мм) линии по кругу. Другие две бороздки (ширина и глубина их около 2-3 мм) обрамляют невысокий куполообразный выступ в центре. Диаметр круга, ограниченного бороздками, 65 мм. В центре этого круга находится оттиск креста. По форме это крест кросслет или его еще называют Тевтонский крест. Четыре маленьких крестика на его лучах символизируют четыре евангелия. Сложность в том, что наш крест вписан в круг и его можно трактовать как косой. Тогда, согласно энциклопедии знаков и символов Джона Фоли, он должен называться - крест святого Юлиана. Размеры креста 43х40 мм. Длина поперечных перекладин малых крестов 8 мм. Ширина всех перекладин 3 мм. Несколько отличаются верхние концы малых крестов, они немного уже и один слегка заострен. Глубина вдавления штампа около 2 мм. Кроме постоянной глубины вдавления (несмотря на то, что орнамент выпол-

нен по выпуклой поверхности и штамп пришлось раскачивать для достижения одинаковой глубины по всей площади) о применении штампа говорит тот факт, что не видно следов нестыковки ни на одном месте пересечения перекладин.

Нижняя часть крышки, ниже валика для прочной установки на сосуд, сильно повреждена рытвинами и выбоинами. Так выглядит керамика долгое время находившаяся в химически активной среде. Исходя из этого, можно предположить, что наша находка использовалась как крышка для сосуда с вином. Ее небольшой диаметр говорит о том же. Тарные сосуды для сыпучих продуктов или воды обычно имели значительно большие устья.

Что касается креста, то мы склонны считать его изображение на данной крышке не простым орнаментом, хотя такое возможно на мусульманской средневековой керамике Средней Азии, но христианским символом, специально оттиснутым на крышке с церковным вином. Риштан в X-XII вв. был одним из крупных городов Ферганы и христианская община в нем вполне могла быть. Тем более, что о присутствии христиан в долине в то время говорит найденный нами на городище Кува нательный крест (Раимкулов, Иванов, 2000. С. 160).

Использованная литература

Жуков В.Д. Отчет о работе второго отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского Канала // Труды института истории и археологии. Т. IV. 1951.

Раимкулов А., Иванов Г.П. Нательный крест с городища Кува // ИМКУ. Вып. 31. Ташкент, 2000.

http://staff3.chat.ru/kresti.htm

ҒАРБИЙ УСТРУШОНАДА ЗАРДЎШТИЙ ҚАВМЛАР ИЗЛАРИ

© 2011. М.Ҳ. Пардаев, Ж.И. Ғофуров
ЎзР ФА Археология институти

Ўзбекистон Республикаси Фанлар Академияси Я. Ғуломов номидаги Археология институти Жиззах экспедицияси ўтган йилнинг октябрь ойи сўнгида Ғаллаорол тумани Муллабулоқ қишлоқ фуқаролар йиғинига қарашли Тепа–Мулкуш қишлоғи ҳудудида режадан ташқари, тезкор қидирув-қазув тадқиқотларини ўтказди. Бунинг сабаби, бизга етказилган хабарга кўра, Тепа-Мулкуш қишлоғининг шимолий қисмидаги Саодат Давурбоевага қарашли фермер хўжалиги боғидан, тасодифан, сопол остадонлар мажмуаси топилган.

Аввало, ушбу маълумотларнинг ҳақиқийлигини аниқлаш мақсадида фермер хўжалиги раҳбари С. Давурбоева билан учрашдик. Саодат опанинг айтишича, 2007 йил ёз ойлари мазкур нокзор боғни суғориш учун ишчиларга ҳар бир дарахтнинг тагини ҳандақ қилиб чуқурлаш ҳақида топшириқ берган. Ушбу юмушни бажарган ишчилардан бири Ғафур Сувоновнинг тасдиқлашича, тахминан 70-80 сантиметр чуқурликдан устма-уст тахлаб қўйилган, қутичага ўхшаш, асосан бир хил ўлчам ва шаклдаги сопол идишлар чиқа бошлаган. Сопол идишларнинг учтаси синдириб олинган. Уларнинг ичида одамнинг бош чаноғи, бошқа аъзолари суяклари тахлаб қўйилган экан. Қишлоқ оқсоқолларининг маслаҳати билан одам суяклари Муллабулоқ қабристонига, сопол синиқлари эса аввалги жойига кўмиб ташланган. Бу “ғалати топилма” ҳақида ҳеч қаерга хабар берилмаган.

Маҳалла оқсоқолларининг эслашларига қараганда, аввал ушбу топилмалар қайд этилган жой ўрнида узунлиги тахминан 15 м, эни 9-10 м, баландлиги 1,5 м.лар чамаси кичик тепалик мавжуд бўлган. Ўтган асрнинг 80 йилларида бу ердаги пахтазор ўрнида боғ барпо этиш ишлари бошланган ва тепалик техникалар ёрдамида текисланиб, боғ майдонига қўшиб юборилган.

1-расм. Шурфнинг умумий кўриниши

Шундай қилиб, етарли даражада оғзаки маълумотларга эга бўлгач, тасодифий топилмалар “муаллифлари”

2-расм. Кулранг лойдан ясалган остадон

кўрсатган жойда кичик ҳажмли қазув–қидирув ишлари бошланди. Уч кун давом этган қазув ишлари натижасида 1,6 м чуқурликдан кўп миқдорда сопол синиқлари, уларнинг орасидан деярли уқаланиб кетган одам суяклари топилди. Сопол синиқларидаги кунгуралар, махсус "қолип-муҳр" да чекичлаб туширилган безаклар, геометрик нақшлар ва бошқа хусусиятларга кўра, бу идишлар зардуштий қавмларга тегишли остадонлар эканлиги маълум бўлди. Топилмаларнинг ҳаммаси қайдномадан ўтказилиб, Археология институтининг реставрация ва консервация бўлимига топширилди. Натижада, Тепа-Мулкуш қишлоғидаги ўн дона остадон мажмуаси тарих илми учун ғоят катта топилма эканлиги аён бўлди. Бу Жиззах вилояти ҳудудидан топилган дастлабки, кўп сонли "классик" усулдаги остадонлар мажмуаси бўлиб, шу пайтгача воҳамиздан фақат 2 дона тасодифан топилган остадонлар маълум эди.

Уструшонада шу пайтгача, яъни Ғаллаоролдан топилган мазкур остадонлар мажмуасига қадар мумтоз остадонлар ниҳоятда кам топилган. Аввалари қайд этилган остадонлар ҳам ўзига хослиги билан ажралиб турган. Хусусан, оддий лойдан ясалиб, офтобда қуритилиб, дарҳол фойдаланишга сафарбар қилинган Куркат остадонлари, Зомин тумани Қизилсой мавзесидан топилган «ўтовсимон» остадон бу тарихий ўлкадан шу пайтгача топилган кам сонли намуналар эди (Грицина, 2000. С. 190-193).

Уструшонада ҳам исломга қадар бўлган даврда зардуштийликка кенг амал қилинган. Ўлим ҳодисаси билан боғлиқ маросим ва урф-одатларда остадонлар ўрнини сопол идишлар, хусусан, турли ўлчамдаги хум ва хумчалар бажарган. Жиззах шаҳридаги Қалиятепа шаҳар ёдгорлиги атрофидан, Комилбоботепа қалъаси маданий қатламларидан, Зомин воҳасидаги Қўштепа ёдгорлиги, Бирлашган қишлоғидан кўплаб хум остадонлар қайд этилган (Грицина, 1999. С. 223-225; Пардаев, 2001. 141 с.; Пардаев, 2002. 148-149 с.).

Тепа-Мулкуш остадонлари маҳаллий соз тупроқ лойидан қўлда тайёрланган, хумдонда пиширилган, ички ва сирт томонлари қуюқ, қизғиш рангли ангоб -бўёқ билан бўялган. Уларнинг аксарияти овалсимон шаклда ясалган, узунлиги 45-52 см, эни 17-21 см, баландлиги 15-18 см атрофида бўлиб, уларнинг орасида иккита майда "болалар остадони" ҳам мавжуд. Остадон-

3-расм. Қайиқсимон остадон

4-расм. Хоч шакли туширилган остадон

лар усти қисмининг олд тарафи шаҳар,қалъа қўрғонининг мудофаа иншоотлари тасвирини берувчи кунгирадор девор шаклида ясалган, унинг ички томонида идиш қопқоғи зич жойлашиши учун махсус йўлакчасимон айлана мослама, кунгурадор деворнинг тагига эса юқорида таъкидланган турли безак ва нақшлар туширилган.

Остадонларнинг "функцияси" эса қуйидагича бўлган. Маълумки, дастлабки дунёвий дин зардуштийликка мил. эрадан аввалги VIII асрда Ўрта Осиё икки дарё оралиғи (Хоразм) да асос солинган. Бу дин пайғамбари Спитам Заратуштра бўлиб, диннинг асосий ғояси бўйича ҳаёт яхшилик билан ёмонлик, ёруғлик билан зулмат, ер усти билан ер ости дунёси ўртасидаги курашдан иборатдир. Ер усти дунёси яхшилик, тириклик ва эзгулик тимсоли бўлиб, у худо Ахурамазда тасаруфидадир. Ер ости дунёси эса ёмонлик, ўлим ва қабоҳат тимсоли бўлиб, у худо Ахриман тасарруфидадир. Ер усти ёруғ оламни табиатнинг тўрт унсури – олов, сув, ҳаво, ер ташкил этади ва улар муқаддаслаштирилган. Шу сабабли, ер – сувни, олов ва ҳавони ифлослантирмасдан, тоза ва озода сақлаш зардуштий қавмларининг энг масъулиятли вазифаси ҳисобланган. Шу нуқтаи назардан инсон вафот этгач, унинг жасади тўғридан-тўғри она заминга дафн этилмаган. Ерни макруҳ қилмасликнинг зарур чора – тадбирлари кўрилган. Ўргатилган итлар, қарға-қузғунлар ва ҳатто ўша давр "жарроҳлари" томонидан майитнинг суяклари этдан тозаланган, қуёшда қуритилган. Сопол идишларда (хум, хумча, остадон) сақланиб, махсус жойлар хусусан, хилхона-сағаналарга қўйилган.

Бизнинг фикримизча, остадонлар топилган жойдан, қишлоқ оқсоқоллари эслатган ва 1980 йилларда текисланиб

5-расм. Овалсимон, кўнгира нақшли остадонлар

кетган кичик тепа ўрнида зардуштий қавмларининг хилхона-сағанаси мавжуд бўлган. Бунга етарлича асос бор. Хусусан, остадонлар топилган ҳудуддан 350 м.лар чамаси жануб томонда Мулкуштепа номли илк ўрта аср қишлоқ макони ҳозиргача сақланиб қолган. Қолаверса, Тепа Мулкуш қишлоғида тахминан 1,5 км.лар шимоли-шарқда, Катта Ўзбек трактининг ёқасида, кейинчалик қабристонга айлантирилган яна бир илк ўрта асрларга оид (V-VIII аср) шаҳар харобалари сақланиб қолган. Бу эса ушбу манзилларда яшаган аҳолининг ислом дини тарқалгунга қадар зардуштийликка эътиқод қилганларидан, остадонлар ушбу аҳолининг диний, моддий-маънавий ҳаётини ойдинлаштирувчи муҳим топилма эканлигидан далолат беради.

Шундай қилиб, Ғарбий Уструшонадан топилган остадонлар мажмуаси ўзининг ясалиш техникаси, шакли, нақшлар ва безаклардаги «сюжет»лари ва албатта, қўлланилишига кўра, аввало «локал», маҳаллий хусусиятларни ўзида тўлиқ акс эттиради. Шунга қарамасдан, остадонлардаги баъзи хусусият ва кўринишлар Фарғона, Чоч, Суғд зардуштий қавмларида истеъмолда бўлган қутисимон, қайиқсимон остодонларга ўхшаб ҳам кетади (Матбобоев, 2009. С. 49-50, рис. 79; Минасянц, 2002. С. 168-172; Богомолов, 2006. С. 183-191). Қиёсий таҳлилларга кўра, Ғарбий Уструшона остадонлари мажмуасини милодий эранинг VII асри иккинчи ярми VIII аср бошлари билан даврлаш мумкин.

Кези келганда шуни таъкидлар эдикки, бу ҳудуддаги археология ёдгорликларининг сақланиши ачинарли ҳолатда. Хусусан, юқорида таъкидланган Мулкуштепа қалъа-қўрғони тепаликнинг ёнида яшовчи фуқаро Сайдулла Эрбўтаев томонидан бузиб ташланган. Бу фуқаро тарихий обиданинг шимолий мудофаа деворларини бутунлай қирқиб, ўз ерига қўшиб олган ва у ерда молхона қурган. Бу ҳам етмагандай, қадимий қалъа-қўрғоннинг шарқий ён бағрида ўз томорқасига олиб борадиган узунлиги 40 м.га яқин, эни 4 м атрофида йўл очган. Бунинг оқибатида ёдгорликнинг катта ҳажмдаги маданий қатламлари бульдозер билан суриб ташланган. Бундай очиқдан–очиқ қонунбузарликка ҳеч ким муносабат билдирмаган. Ваҳоланки, 2009 йил 13 октябрда Президентимиз томонидан "Археологик мерос объектларини муҳофаза қилиш ва улардан фойдаланиш тўғрисида" Қонун имзоланди ва кучга кирди.

2011 йилнинг 30-31 март кунлари ЎзР ФА Археология институтида бўлиб ўтган 2010 йил археология тадқиқотларига бағишланган ҳисобот сессиясида Тепа-Мулкуш остодонлари ўтган йилнинг оламшумул 3 та кашфиётидан бири сифатида тан олинди. Бу эса Жиззах воҳасининг қадим ва ўрта асрлар тарихи қўшни Суғд, Чоч ва Фарғона тарихи билан ҳамоҳанг кечганлиги, бу ўлкада ҳам кўхна даврлардан бошлаб шаҳар ҳаёти ва маданияти, қишлоқ манзиллари фаолияти шаклланган ва изчил суратда давом этгани ўз тасдиғини топаётганлигини кўрсатади.

Фойдаланилган адабиётлар

Богомолов Г.И. К изучению оссуарного обряда Чача // ИМКУ. Вып. 35. Ташкент, «Фан», 2006.
Грицина А.А. О погребениях в хумах в Зааминском тумане // ИМКУ. Вып. 30. Самарканд, 1999.
Грицина А.А. Уструшанские были. Ташкент, 2000.
Матбабаев Б.Х. К истории культуры Ферганы в эпоху раннего средневековья. Ташкент, 2009.
Минасянц Б.С. Новые находки оссуариев из Тойтепа // ИМКУ. Вып. 33. Ташкент, «Фан», 2002.
Пардаев М.Ҳ. Комилбоботепа қалъяаси // ЎММТ. 32-нашри. Тошкент, «Фан», 2001.
Пардаев М.Ҳ. Қадимги Жиззах воҳасида ўтроқ деҳқонлар ва кўчманчи чорвадорлар маданияти // ЎММТ. 33-нашри. Тошкент, «Фан», 2002.

ҚАШҚАДАРЁ ВОДИЙСИНИНГ СУВ МАНБАЛАРИ ҲАҚИДА

© 2011. С.С. Суюнов
ЎзР ФА археология институти

Қашқадарё водийси Зарафшон тоғ тизмасининг шимолий-ғарбий қисми ҳамда Ҳисор тоғ тизмасининг жанубий-ғарбий оралиғида жойлашган. Водийнинг бунёд бўлишида дарёлар, сойлар, мавсумий қор-ёмғир сувлари муҳим роль ўйнаган. Кенг водий бўйлаб шимолий–шарқдан, жанубий–ғарбга томон Қашқадарё оқиб ўтади. Қашқадарё водийси Ҳисор тоғ тизмасининг жанубий–ғарбий қисмидан бошланиб, абсолют баландлиги 4145 м.га тенг (Ўзб. МЭ, 2005. 62 б.).

Қашқадарё водийсининг асосий қисми текисликдан иборат бўлиб шимол томондан, шарқдан, жанубий-шарқдан, ғарб, жанубий–ғарбга томон пасайиб кенгайиб боради. Маймоқтоғ, Косонтоғ, Аловиддинтоғ, ва Қўнғиртоғлар ҳам шу водийда жойлашган. Бу водийда ёғингарчилик ернинг жойлашиш баландлигига қараб ортиб боради. Тоғ ён бағирларида 450–500 мм ёмғир ёқса, текислик қисмида 150-200 мм.га етади. Ёғингарчиликнинг кўп қисми баҳор, куз ва қиш фаслига тўғри келади. Водийсининг асосий сув манбаи Қашқадарёдир. Бу дарёнинг асосий гидравлик кўрсаткичи қуйидагича (1-жадвал).

Шаҳрисабз ҳамда Қарши воҳаларининг асосий сув манбаи ҳисобланган Қашқадарё Тожикистоннинг Суғд вилоятидаги Ҳисор тоғ тизмасининг ғарбий тармоғи бўлган Обихунда тоғларининг жанубий ён бағридан, Зарафшон тоғ тизмаси ғарбий тармоғининг ён бағридан бошланади. Юқори қисмида баланд бўлиб пастга чуқур водий орқали оқади. Қашқадарёнинг ўнг ирмоғи Ўртабулоқсойнинг (Фароб қишлоғи ёнида) қўшилишигача у Шингасой деб аталади. Шингасойда сув манбаи йиғилиб кенг ҳудуд бўйлаб оқа бошлайди.

Дарё водийси кўп жойларда тор, кўп жойларда кенг бўлиб кўриниши V ҳарфига ўхшаб кетади. Қашқадарёнинг баъзи жойлари кенг бўлиб секин, баъзи жойлари эса қисқароқ бўлиб тез оқади. Кўп жойларида водийнинг ён бағирлари тик, уларнинг баландлиги 50 метрдан 120 метргача етади.

Қашқадарё ўзанига Ёрғоқ ирмоғи келиб қўшилгандан сўнг водий бир оз кенгаяди. Унинг энг кенгайган жойлари 120-150 м.гача етади. Шу жойдан бошлаб дарёда қайир

1-жадвал. Қашқадарё оқимининг йиллик хажми (м^3/сек).

Вегетациядан олдинги даврда		Экинларни суғориш даврида	
Ойларнинг номи	Хажми м/^{3} сек	Ойларнинг номи	Хажми м^3/ сек
Октябрь	15,62	Апрель	63,19
Ноябрь	14,87	Май	77,80
Декабрь	14,36	Июнь	83,26
Январь	14,30	Июль	61,15
Февраль	17,30	Август	30,23
Март	31,88	Сентябрь	18,73

пайдо бўлади. Қайирнинг кенглиги Дуғоба қишлоғи ёнида юз метргача боради. Ҳазрати Башир қишлоғидан бошлаб дарё сувининг бир қисми йирик суғориш тармоқларига яна бир қисми унча катта бўлмаган суғориш шаҳобчаларига бўлиниб кетади.

Дуғоба қишлоғидан ўтгандан сўнг дарё кенг водий бўйлаб оқади. Оқсув ирмоғининг қуйилиш жойига қадар дарё водийсининг кенглиги 200-250 м.га, ундан қуйида эса кенглик 800 м.дан - 1500 м.гача етади. Ўзан худди шундай кенглик билан тўлалигича Чироқчи қишлоғига етиб боради. Чироқчи қишлоғига кираверишда водий яна кичиклаша боради, сувнинг тезлиги эса ошади.

Қашқадарё ўзанига чап соҳилдан бир қанча сувга бой бўлган кичик дарёлар келиб қўшилади. Жиндарё биринчи навбатда келиб қўшиладиган дарёлар жумласидандир. Бу кичик дарё сувлари келиб қўшилгандан кейин Қашқадарё сув манбалари бир неча баробар кўпайиб тез оқа бошлайди. Ҳозирги Чироқчи туманидан йигирма километр юқоридан, шарқдан, Қашқадарёга катта сув манбаига эга бўлган Оқсувдарё келиб қўшилади. Ушбу сув манбаига пастроқдан, Хўжапарсон қишлоғи яқинидан Танҳоздарё сувлари келиб қўшилади.

Йирик сув оқимига эга бўлган Яккабоғдарё, (Қизилдарё сув манбаи қўшилишидан ҳосил бўлган) Қашқадарёга етмасдан, у тоғ этакларидан кейин икки суғориш тармоғига бўлиниб кетади. Бу икки йирик суғориш тармоқларидан бири Қизилсув номи билан аталган бўлиб, шимолий-ғарб томон, иккинчиси Қорабоғ номи билан аталган бўлиб ғарбга томон оқиб, аввал Танҳоздарё сув манбаига сўнгра Қашқадарёга қўшилиб кетади. Шу жойдан Қашқадарё йирик суғориш тармоғи ҳосил бўлади.

Чимқўрғон қишлоғи атрофида дарё водийсининг кенглиги 150 м.га камаяди. Оқсув ирмоғининг қуйилиш жойидан ўтгач дарё ўзани анча кенгаяди. Бу катта ирмоқнинг дарёга келиб қўшиладиган жойидан пастроқда янги ўзан ҳосил қилиб бир қанча кичик суғориш тармоқларига ажралиб кетади. Қашқадарё ўзанига Ғузордарё келиб қўшилган жойдан Қарши воҳаси бошланади ва дарёнинг мавжуд сувлари ушбу воҳанинг суғорилишига сафарбар бўлади.

Воҳанинг қуйи қисмида Қашқадарё ўз номини ўзгартириб, Маймоноқдарё номини олади. Ушбу ўзан Қарши чўли ҳудудларида сув етмай қолганлигидан қуриб қолади (Шульц, Машрабов, 1969. 129-б.).

Ҳисор тоғ тизмаларидан бош олган кичкина Лангардарё-Яккабоғдарё ҳамда Ғузордарёлар оралиғида жойлашган. Бу дарё мўъжазгина бўлиб, тоғ этакларидан чиққанидан сўнг, бу кичик дарё сувлари Қашқадарёга етиб бормасдан деҳқончилик воҳаларини суғоришга сарфланади.

Ғузордарё, Қашқадарёнинг қуйи сув манбаи бўлиб Каттаўрадарё ҳамда Кичик ўрадарёнинг қўшилишидан хосил бўлади, қуйи оқимида ушбу ўзан Қорасувдарё деб ҳам аталади (Шульц, 1965. С. 458).

Юқорида қайд қилинган Жиндарё, Оқсувдарё, Танҳоздарё, Яккабоғдарё, Ғузордарё ва Лангар кичик дарёлари Қашқадарёниинг юқори қисмида жойлашган бўлиб, улар тез оқадиган, нишаб, тик тоғ дарёларидир. Бу дарёлар тоғлардан ажралиб, текисликка чиққач кўпгина суғориш тармоқлари орқали деҳқончилик воҳаларига узатилади.

Биз ўрганаётган Қашқадарёнинг ўнг қирғоғида баландликдан оқиб тушадиган йирик тармоқлар йўқ. Унча баланд бўлмаган Қоратепа тоғ тизмасидан катта-кичик йигирмага яқин сойлар келиб дарёга қўшилади. Қоратепа тоғ тизмаси унча баланд бўлмаганлиги боис мавжуд сойлардан оқиб келадиган сув миқдори жуда кам. Юқоридан келиб тушадиган йигирмага яқин катта-кичик сойлар тўртта ҳавзага бирлашган. Қалқамсой, Шўробсой, Макридсой, Оёқчисой шулар жумласидандир. Баҳор мавсумида сел сувлари

кўп бўлган вақтларда мавжуд сойларнинг сувлари Қашқадарёгача етиб келади. Воҳада ёғингарчилик кам бўлган даврларда сой сувлари Қашқадарёга етмай тугаб қолади.

Бу дарёларнинг сув йиғилиш майдонларининг ўртача баландлиги тўғрисида қисқача маълумот берамиз:

Яккабоғдарёнинг сув йиғиш майдонининг ўртача баландлиги - 2702 м.га тенг.

Оқсувдарёнинг сув йиғиш майдонининг ўртача баландлиги - 2444 м.га тенг.

Танҳоздарёнинг сув йиғиш майдонининг ўртача баландлиги - 2170 м.га тенг.

Бу дарёларнинг сув йиғиш майдонларида олтмишга яқин катта-кичик музликлардан ҳосил бўлади. Дарёлар сув йиғиш майдонларининг энг баланд чўққилари 4000 м.дан ортади.

Оқсув, Яккабоғдарё ва Танҳоздарёларнинг сув йиғиш майдонлари баландда жойлашганлиги учун бу дарёлар қор-муз сувларидан тўйинадиган дарёлар типига киради. Шунинг учун ҳам бу дарёлар Қашқадарё ҳавзасининг энг серсув дарёлари ҳисобланади.

Қашқадарёда максимал ўртача ойлик сув сарфи июль ойига тўғри келади. Июль ойида ўртача оқим модели 83,26 $м^3$/секундга етади. Минимал сув сарфи эса январь ойига тўғри келади. Январ ойида оқим модели 14,30 $м^3$/секундга етади. Қашқадарёнинг асосий сув манбалари ҳисобланган Оқсув дарёсининг ўртача ўн йиллик сув сарфи 13,8 $м^3$/сек, Яккабоғ дарёсида ўртача ўн йиллик сув сарфи 8,08 $м^3$ секундга ва Танҳоздарёда эса секундига 4,30 $м^3$ га етади.

Қашқадарёнинг биринчи чап ирмоғи бўлган Жиндарёнинг сув йиғиш майдони юқорида кўрсатиб ўтилган дарёларга нисбатан анча паст. Қашқадарё сув йиғиш майдонининг ўртача баландлиги 1823 м, Жиндарёники эса 1573 м.га тенг. Шунинг учун ҳам Қашқадарё қор сувлари билан, Жиндарё эса қор-ёмғир сувлари билан тўйинадиган дарёлар жумласига киради. Жиндарёда максимал сув сарфи апрел ойига, минимал сув сарфи ноябрь ойларига тўғри келади. Жиндарё қор-ёмғир сувлари билан тўйинганлиги учун апрел ойида ёмғир миқдори кўп бўлиб турса дарёда сув миқдори тез-тез ўзгариб туради.

Таъкидлаш жоизки Оқсув, Яккабоғ, Танҳоздарёларига нисбатан Қашқадарё ҳамда Жиндарёда октябрь, февраль ойларида анча кўп сув оқади. Бунга биринчидан, Қашқадарё ва Жиндарё ўзанларига ер ости сувларининг кўпроқ чиқиши сабаб бўлса, иккинчидан унча баланд бўлмаган дарёларнинг сув йиғиш майдонида октябрь, феврал ойларида ёмғирлар кўп ёғиши ва ёққан қорларнинг эриб туриши сабаб бўлган.

Қашқадарёнинг (Варганза қишлоғи ёнида) тоғдан чиқиш жойида ўртача йиллик сув сарфи 5,46 $м^3$/секундга, Жиндарёнинг сув сарфи (Паландара қишлоғи ёнида) 1,50 $м^3$/секундга тенг бўлади.

Қашқадарёнинг унча баланд бўлмаган тоғлардан чиқиш жойидан Қарши воҳасигача бўлган қисмида унинг ўзанидан ҳам серсув бўлган ирмоқлар - Оқсувдарё, Яккабоғдарё ва Танҳоздарё сув манбалари келиб қўшилади. Тўлиб оқадиган Қашқадарёнинг йиллик сув оқим миқдорининг 80 фоизини шу ирмоқлар ташкил қилганлиги учун ҳам Қашқадарёнинг ўрта оқими доимий бўлиб оқади.

Қашқадарёнинг яна энг муҳим ирмоқларидан бири Ғузордарёдир. Бу дарёнинг сув йиғиш майдони унча баланд эмас. Ўртача сув йиғиш майдонининг баландлиги 1530 метрга тенг. Қашқадарё ҳавзасидаги бошқа дарёларнинг сув йиғиш майдонига нисбатан Ғузордарёнинг сув йиғиш майдони анча ноқулай жойлашган. Ғузордарё асосан мавсумий қор ва ёмғир сувлари билан тўйинади, шунинг учун ҳам унда максимал сув сарфи апрель ойида, минимал сув сарфи эса сентябрь ойида кузатилади.

Мавсумий қорларнинг эриши билан бир вақтда Ғузордарё ҳавзасида кўпинча шиддатли жалалар ҳам ёғади, натижада дарё сувларининг кўп қисми Қашқадарёга қуйилади. Ўша даврларда максимал сув сарфи секундига 80-90 м кубга етади (Шульц, Машрапов, 1969. 132 б.).

Қашқадарёнинг шарқий томонидаги Лангардарёда ўртача йиллик сув сарфи секундига 1 куб м.га етади.

Демак, Қашқадарё ҳавзасида ўртача ҳисобда секундига 50 м^3 ёки 1 575 млн/м^3 сув оқими ҳосил бўлади. Қашқадарё ҳавзасидаги сув тахчиллик муаммосини яхшилаш мақсадида қадимдан Зарафшон дарёсидан Эскиангор канали орқали воҳага сув олиб келинган. Ҳозир ҳам Зарафшон дарёси орқали Эскиангор каналига ёз мавсумида секундига саккиз кубга яқин сув олинади.

Қашқадарё воҳасининг суғорма деҳқончилиги, суғориладиган экин майдонларини сув билан таъминлаш кўпроқ дарё оқимининг режимига боғлиқ бўлган шунинг учун ҳам қолган сув манбаларига алоҳида тўхталиб ўтамиз.

Оқсувдарё. Бу йирик сунъий суғориш тармоғи Қашқадарё сув манбаининг энг йириги ҳисобланади. Бу дарё йил давомида воҳасининг 22 минг гектарга яқин ёр майдонини суғориш қувватига эга. Ўртача йиллик сув оқими - 12 м^3/сек. Суғориш даврида - 23 м^3/ секундга етади.Энг кам сув оқими даври январь ойига тўғри келади, секундига 1 м^3 сув оқади. Оқсувдарёдан суғориш тармоқларига сув сарфи март ойидан бошланади. Энг кўп оқадиган сув сарфи июнь-июль ойларига тўғри келади, секундига 12-15 м^3 га етади. Бу йирик дарё тоғ орасидан чиққандан кейин учта суғориш тармоғига бўлинади. Оқсувдарёнинг ўнг суғориш тармоғи асосан Китоб воҳасини ҳамда икки чап суғориш тармоғи Мўминобод ва Чоршанба кичик воҳаларини сув билан таъминлаб, улардан ортган қисми Шаҳрисабз воҳасини ҳам суғоради. Бу йирик учта сунъий суғориш тармоқларининг ҳар бирини узунлиги 10-12 километрга тенг.

Танҳоздарё. Бу йирик сунъий суғориш тармоғи бир неча суғориш шаҳобчаларига бўлиниб кетади. Дарёнинг ўртача йиллик сув сарфи 4,5-4,8 м^3/сек га тенг. Суғориш даврида сув оқими 8 м^3/ секундга етади. Дарё сунъий суғориш тармоқларининг энг каттаси Чангқирғоқ суғориш тармоғи бўлиб унинг узунлиги 10 км.га яқин. Бу суғориш тармоғининг ўртача йиллик сув сарфи 6-6,5 м^3 сек га тенг. Суғориш даврида, секундига 10-12 м^3 га боради. Қолган иккита кичик суғориш тармоқлари ҳам воҳа ер майдонларини суғоришга сарф бўлади.

Яккабоғдарё. Ҳисор тоғ тизмасидан бош олган Қизилдарё сув манбаининг келиб қўшилишидан ҳосил бўлган Яккабоғдарё, Яккабоғ воҳасининг асосий сув манбаи ҳисобланади. Яккабоғдарё ҳозирги Яккабоғ туманининг шимоли-ғарбий қисмидан учта йирик суғориш тармоғига бўлиниб кетади.

Бу йирик суғориш тармоқларига алохида тўхталиб ўтамиз, чунки уларнинг сув манбаи мавжуд ер майдонларини суғоришга суньий суғориш тармоқлари орқали сарф бўлади.

Биринчи суғориш тармоғи; Бу йирик суғориш тармоғининг ўртача йиллик сув сарфи секундига 3м^3 га тенг. Суғориш даврида секундига 5-6 м^3 га боради ва Яккабоғ туманининг жанубий қисмидаги деҳқончилик майдонларини тўлиқ сув билан таъминлайди.

Иккинчи суғориш тармоғи; Бу йирик суғориш тармоғининг ўртача йиллик сув сарфи секундига 5 м^3 га тенг. Суғориш даврида секундига 8-10 м^3 га боради. Бу тармоқ орқали Яккабоғ туманининг ғарбий қисмидаги деҳқончилик майдонларини сув билан таъминланади.

Учинчи суғориш тармоғи; Бу йирик суғориш тармоғининг ўртача йиллик сув сарфи юқори бўлиб секундига 10-11 м^3 га етади. Суғориш даврида сув сарфи секундига 20-22 м^3 га боради. Бу йирик суғориш тармоғи орқали, Яккабоғ туманининг шимолий ва шимолий-шарқий қисмидаги деҳқончилик майдонлари тўлиқ сув билан таъминланади.

Ғузордарё. Бу дарё асосан қор,ёмғир ва булоқ сувларидан тўйинади. Ғузор туманининг асосий сув манбаи бўлиб, туман марказининг ғарбий қисмидан учта суғориш тармоғига бўлинади. Дарёнинг йиллик сув оқими 5,7 м^3/ сек. Баҳор ойларида секундига 650-750 м^3/сек га етади. Энг кам сув оқими январь-февраль ойларида бўлиб секундига 1,5м^3 га етади.

Қашқадарёнинг йиллик оқимининг ўзгариб боришига ирригация катта таъсир кўрсатади. Сув манбанинг асосий қисми Шаҳрисабз ва Қарши воҳаларининг суғориш тармоқлари орқали сарфланиб, энг қуйи оқими қарши чўлига етганида тугайди.

Эскиангор сунъий суғориш канали. Бу сунъий суғориш канали Зарафшон дарёсининг сув манбаидан, аниқроғи Дарғом каналидан бунёд қилинган бўлиб Қашқадарёга келиб қўшилади. Эски Ангор Қашқадарё воҳаси қуйи қисмининг асосий сув манбаларидан бири ҳисобланади. Эскиангор сунъий суғориш каналининг ўртача йиллик сув сарфи секундига 8 м^3/ га тенг. Суғориш даврида секундига 40-45 м^3 га боради. Эски Ангор сунъий суғориш каналининг энг кўп сув оқими июнь- июль ойларига тўғри келади, Бу даврда секундига 45 м^3 га етади. Энг кам сув оқими декабрь- январь ойларига тўғри келади. Бу даврда секундига 2-3 м^3 га етади (2-жадвал).

Бу сув манбаи орқали Қашқадарё воҳасига кўп миқдорда тупроқ унумдорлигини ошириш учун зарур бўлган минерал моддалардан иборат оқизинди жинслар ҳам оқиб келади. Қарши воҳасидаги суғорма деҳқончилик учун яроқли бўлган аллювиал текисликлар биргина Қашқадарёдан эмас, балки Зарафшон дарёсидан оқиб келадиган лойқалар орқали ҳосил бўлади. Суғориш даврида тупроққа келиб қўшиладиган лойқаларнинг кимёвий таркиби қуйидагилардан иборат. Кремний оксиди, темир оксиди, алюминий оксиди, фосфор оксиди, магний оксиди, натрий оксиди, калий оксиди ва оҳак шулар жумласидандир. Бу элементлар Зарафшон дарёси орқали Қарши воҳасининг деҳқончилик майдонларига аралашиб кетади. Воҳанинг Зарафшон дарёси суви билан

2-жадвал. Дарёларнинг техник иқтисодий кўрсаткичи

№	Дарёларнинг номи	Ишлаш қобилияти (м^3/сек хисобида)	Суғориладиган майдонлар (га хисобида)
1	Оқсув дарё (ўнг қирғоқ)	15,0	4840
2	Қашқадарё	0,15	0,160
3	Жиндарё	0.70	880
4	Яккабоғдарё	21.4	20420
5	Танҳоздарё	6,80	6900
6	Лангардарё	2,10	1750
7	Каттаўрадарё	2,0	1620
8	Кичикўрадарё	2,0	1620
9	Зарафшон	6,0	6770
10	Қалқонсойдарё	1,10	700
11	Қайирма	10,50	7800
12	Оқсувдарё чап қирғоқ	18,0	15740
13	Оқсув булоғи	0,20	210
14	Қорабулоқ	2,40	2300
15	Кичик булоқ	1,60	970
16	Қашқадарё	28,0	31000

суғорилган ер майдонларининг унумдорлиги Қашқадарёникига нисбатан юқори эканлиги кузатилади.

Шундай қилиб, Қашкадарё ва Зарафшон дарёлари Шаҳрисабз ва Қарши воҳаларини сув билан таъминлабгина қолмай, балки кимёвий ўғитлар билан ҳам етарли миқдорда озиқлантиради. Бу лойқалар Қашқадарё воҳасининг аллювиал текислигини бунёд бўлишида муҳим роль ўйнаган. Водийнинг текис, унумдор экин майдонлари агроирригация қатлами мавжуд дарёларнинг лойқалари туфайли вужудга келган.

Фойдаланилган адабиётлар

Гулямов Я.Г. Исследование исторический гидрографии низовьев Кашкадарьи и Зарафшана // ИМКУ. Вып. 6. Ташкент, 1965.

Кабанов С.К. Археологические наблюдения на строительстве Иски–Ангарского канала // ИМКУ. Вып. 1. Ташкент, 1959.

Ирригация Узбекистана. Т. II. Ташкент, 1979.

Муҳаммаджонов А.Р. Қуйи Зарафшон водийсининг суғорилиш тарихи. Тошкент, 1972.

Равшанов П. Қашқадарё тарихи. Тошкент, 1995.

Сулеймонов Р.Х. Древний Нахшаб. Ташкент, 2000.

Ўзбекистон Миллий Энциклопедияси. 10-том. Тошкент, 2005.

Шульц В.Л., Машрабов Р. Ўрта Осиё гидрографияси. Ташкент, 1969.

Шульц В. Л. Реки Средней Азии. Ташкент, 1965.

Янгибоев М. Қашқадарё вилояти географияси. Қарши, 1993.

КОМПЛЕКС МАТЕРИАЛОВ РУБЕЖА РАННЕГО И РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ИЗ БУХАРСКОГО ОАЗИСА

© 2011. Дж.К. Мирзаахмедов, М.Н. Султанова
Институт археологии АН РУз.

Археологические работы последних десятилетий, как на ранее исследованных, так и отдельных новых памятниках оазиса год от года дополняют и расширяют наши представления о древней и средневековой истории региона.

К таковым можно отнести находку комплекса бытовой посуды из верхних горизонтов городища Варданзе. Материалы были выявлены из мусорной ямы располагавшейся в 0,75 м. от уровня дневной поверхности, классифицируясь по формам и характеру назначения на столовую и хозяйственно-кухонную посуду.

Столовая посуда вся станковая. Представлена, в подавляющем большинстве, фрагментами кружек с высокими бортиками (от 4,4-до 5,4см), в придонной части с менее или достаточно хорошо выделенным расширяющимся изгибом стенок при переходе к усечено – коническому тулову (рис.1:1,2). Ручки петлевидные, верхней частью крепятся к бортику, а нижней к тулову сосуда. Черепки розовых, ангобы, в большинстве случаев, бежевых оттенков. Выявлено пять экземпляров кружек во фрагментах с диаметрами венчиков 14-14,5см. Они аналогичны образцам из синхронных комплексов по Афрасиабу и датируются второй половиной VIIIв. (Ахунбабаев, Соколовская. 1996, рис.1:3, стр. 102). По Бухаре они фиксируются в материалах Пайкендской аптеки с ещё большей конкретизацией датировок конца VIII в (Мухамеджанов, Семёнов. 1986, рис.3, с. 218-219).

К следующей форме столовой посуды можно отнести небольшой фрагмент венчика кувшина ойноховидного профиля с характерным примятым, зауживающимися сливом (рис.1:3), датируемый исследователями VII-VIII вв.

Хозяйственно-кухонная посуда представлена археологически целым двуручным кувшиновидной формы сосудом (рис.2). Изготовлен вручную из огнеупорной глины с примесью дресвы и шамота (д.в. - 16см., д.д. - 9,6см., высота - 27,5см.).

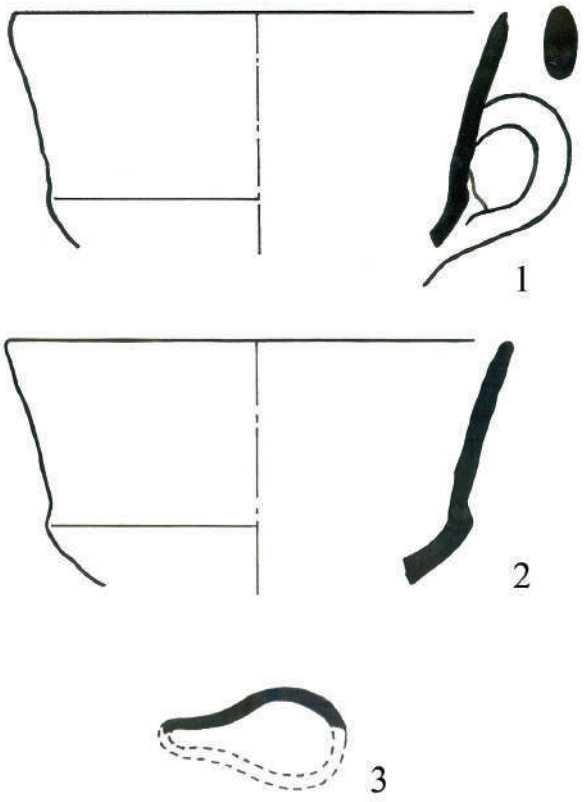

Рис. 1. Образцы столовой посуды

Венчик с клювовидным выступом, заострённый с обеих концов, донце плоское неровное, со следами подсыпки песка по основанию. Стенки тулова шероховатые, яйцевидной формы, покрыты сероватым ангобом, закопчены. Небольшие петельчатые ручки, как и на кружках, рассчитаны на продевание указательного пальца. Имеет аналогии по комплексам Каунчи-3.

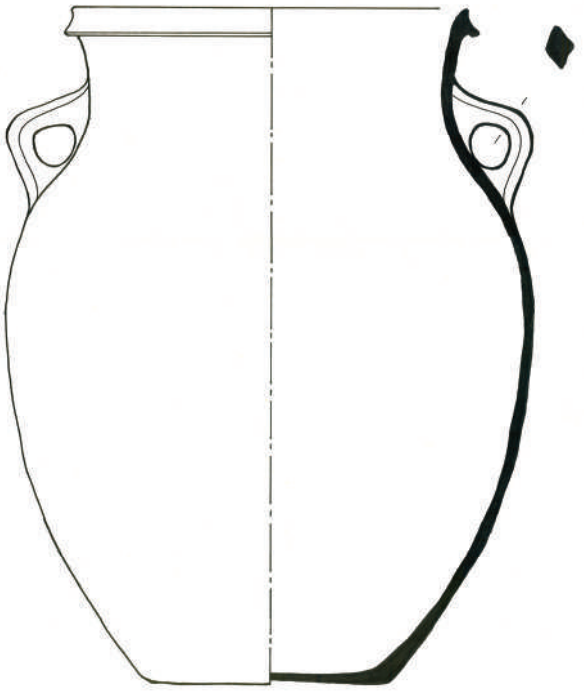

Рис. 2. Лепной, огнеупорный кувшиновидный сосуд

Следующие две находки представляют основания от сосудов, видимо, горшковидных форм, с небрежно выполненными небольшими отверстиями по днищу (рис.3:1,2). По назначению, скорее всего, носили характер цедилок при приготовлении кисло-молочных продуктов. Выполнены на станке, стенки шероховатые, с неровными, грубыми срезами ножом по основанию. Покрыты ангобом светло-желтоватых тонов. Диаметры донец 6-6,5см.

Небольшой сосуд горшковидной формы (рис.3:3). Изготовлен на станке, ангоб отсутствует, черепок розового цвета. Венчик подтреугольный, тулово шаровидных очертаний (д.в. - 8,5 см., д.д. - 5,8 см, высота-11,3 см.). Днище со следами среза и обработки ножом.

Фрагмент воронки (рис.3:5). Сохранившаяся высота - 9 см, тесто черепка розовое, покрыт желтоватым ангобом. Диаметр отверстия по основанию - 0,8 см. Фрагмент от крышки хума, с толстыми стенками и большой ручкой (рис.3:6).

Фрагмент небольшого лепного сосудика, округлых очертаний, форма не реконструируется (рис.3:4). Черепок розового цвета, по верху тулова отмечены следы потёков красного ангоба (д.д. - 5,5 см, сохранившаяся высота - 5,4 см., д.т. - 6,3 см).

К следующей находке в комплексе можно отнести искусственно закруглённый небольшой фрагмент стенки кувшиновидного сосуда с отверстием в центре, возможно, использовавшегося как грузило для ткацкого станка. Интерес вызывает то, что рядом с центральным отверстием располагается маленькая выемка, как это мы наблюдаем на крупных жерновах, предназначавшаяся для их вращения. Возможно, мы здесь имеем дело с детской игрушкой имитирующей жернов для растирания зерна, так как подобные находки уже были отмечены нами и по другим средневековым комплексам из Бухары (рис.3:7).

Особое значение комплексу придаёт следующая интересная группа изделий состоящих из образцов столовых форм редко встречаемых в исследуемую эпоху. К таковым можно отнести археологически целое небольшое поливное блюдо и фрагменты от днищ трёх стеклянных сосудов.

Блюдо имело кольцевое донце, полусферические стенки и отогнутый наружу небольшой бортик (рис. 4:1). Тесто черепка плотное, желтого цвета, белая, с матовым оттенком гладкая непрозрачная глазурь покрывает как внутреннюю, так и внешнюю поверхность посуды, включая поддон. Орнаментация отсутствует, д.в. – 24 см, д.д. -10 см,

высота – 7,4 см. При ещё недостаточно совершенных, грубовато исполнённых образцах неглазурованной керамики комплекса, с включением лепных форм, полном отсутствии даже фрагментов поливных изделий, появление оригинального глазурованного блюда с нехарактерным для местных изделий плотным жёлтым черепком и непрозрачной матовой поливой, безусловно свидетельствует о её привозном характере. По результатам работ на Афрасиабе Г.В. Шишкина относит их к наиболее ранним импортным образцам из Саммары, выполнявшихся в подражании под белый китайский фарфор или образцы первых подобных блюд изготовлявшихся здесь же в подражание Ближневосточным формам (Шишкина. 1979, с.40-41. табл. XXI, фиг.3,5).

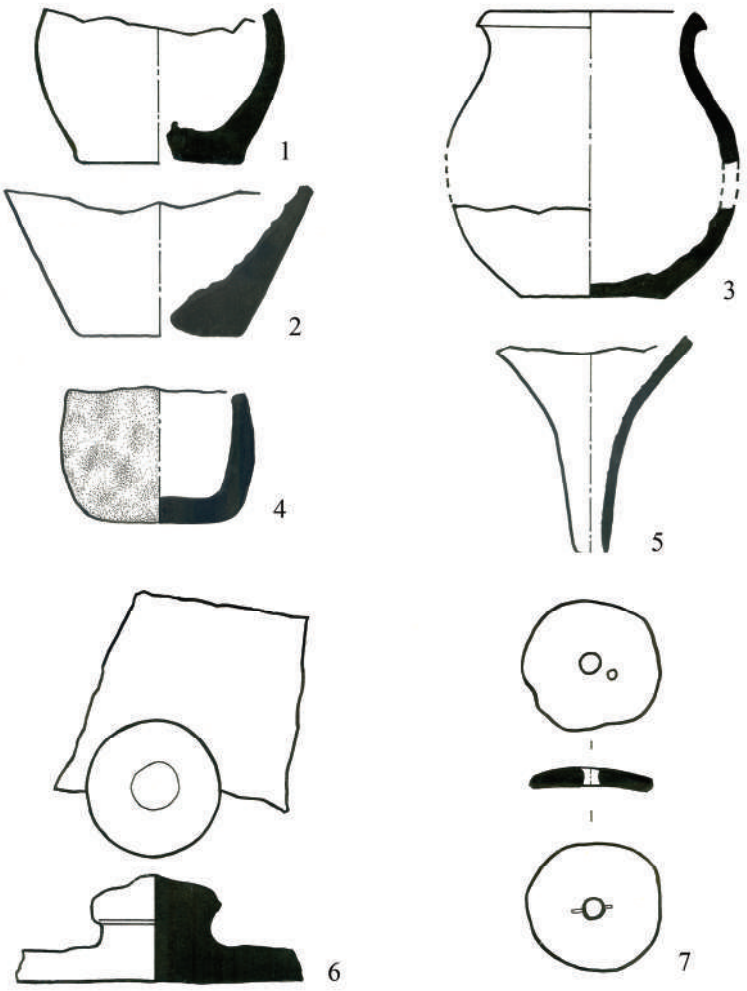

Рис. 3. Лепные и станковые фрагменты хозяйственно -кухонной керамики

Среди изделий из стекла наиболее чётко определяется фрагмент массивного донца колоколовидной рюмки на неустойчивой ножке. По классификации Г.В. Шишкиной по стеклу Афрасиаба – это наиболее ранние типы подобных сосудов датируемых второй половиной - конца VIII в. (Шишкина. 1986. с.19). Стекло зелёного оттенка, донце – дисковидно – вогнутое, покрыто иризацией (д.д. – 2,8 см, сохранившаяся высота 2,9 см.).

Следующий фрагмент выделенного сплошного поддона, с отходящими от основания толстыми стенками, возможно, представляет форму высоких бокаловидных стаканов или кружки. Стекло прозрачное, синеватого цвета (д.д. – 4,6 см, сохранившаяся высота – 1,4 см.).

К наиболее близким по форме могут быть отнесены фрагменты донец из Пенджикента датируемые первой половиной - серединой VIII в. (Распопова. 2010. табл. XVI. Каталог №48, 196).

Последний образец основания стакановидного сосуда или кружки выполнен из прозрачного светлого стекла, слегка жёлтоватого оттенка. Диаметр донца достигает – 6,5 см, сохранившиеся высота 2,1 см. Наиболее близко к ней по форме стоит стеклянная кружка из ранних закрытых комплексов по Афрасиабу (Шишкина. 1986. рис. 1:15). Интересно, что из этого же комплекса происходит аналогичная нашей колоколовидная рюмка и комплекс в целом датируется концом VIII – началом IX в.

Таким образом, интересные материалы из верхних культурных горизонтов цитадели Кургана Варданзе указывают на его повторное обживание после разрушений связанных со взятием города в начале VIII в. войсками Кутейбы.

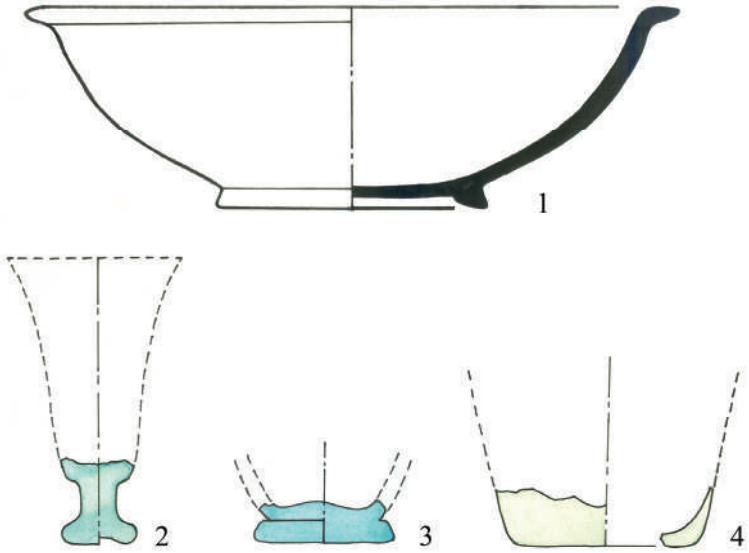

Рис. 4. Ранние типы поливной керамики и стекла импортного и местного производства

Оригинальность самого комплекса заключается в наличии форм станкового и лепного характера представляющих не совсем качественный периферийный характер исполнения. Их датировка хорошо определяется на основе специфических форм столовых кружек с высокими бортиками – второй половиной VIII в. Ещё большей конкретизации хронологии находок способствует образец поливного блюда имеющего отношение к импорту из Самарры, а также три фрагмента донца стеклянных сосудов, на основе параллелей по Самаркандскому Согду, уверенно датируемых второй половиной – концом VIII в. В целом же, как сами грубо исполнявшиеся формы керамики, так и впервые засвидетельствованная в Бухарском оазисе поливная посуда и стеклянные изделия, свидетельствуют об эпохе переходной от раннего к развитому средневековью, на грани коренных, революционизирующих преобразований в экономике и культуре, с массовым внедрением в быт населения поливной керамики и стекла.

Использованная литература

Ахунбабаев Х.Г., Соколовская Л.Ф. Керамические комплексы Афрасиаба конца VII–VIII вв // ИМКУ. Вып.27. Самарканд.1996.

Бердимурадов А.Э., Самибаев М.К. Результаты раскопок храма на Джартепа II // ИМКУ. Вып.26. Ташкент. 1992.

Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII – начало XIII в.). Ташкент. 1979.

Шишкина Г.В. Ремесленная продукция средневекового Согда. Ташкент. 1986.

Распопова В.И. Стеклянные сосуды из Пенджикента (находки 1950-1999 г.). Санкт-Петербург. 2010.

Мухамеджанов А.Р., Семёнов Г.Л. Химическая лабаратория в Пайкенде (Работы на «центральном» раскопе в Пайкенде в 1982-1983гг.) // ИМКУ. Вып.20. Ташкент. 1986.

КЕШ-ШАҲРИСАБЗ ҲУДУДИДА ШАҲАРСОЗЛИК МАДАНИЯТИНИНГ ШАКЛЛАНИШИ ХУСУСИДА

© 2011. А.А. Раимкулов, Г.Х. Сиддиқова
ЎзР ФА Археология институти, Тошкент архитектура қурилиш институти

Шаҳрисабз шаҳрида Амир Темур ва унинг авлодлари томонидан бунёд этилган тенгсиз меъморий обидаларга, қолаверса шаҳар тарихига қизиқиш 1870 йилларда подшо Россияси томонидан Туркистон генерал-губарнаторлиги ташкил этилгандан кейин бошланган. Шаҳрисабзга дастлаб ташриф буюрган табиатшунос А.Л. Кун (1870 йил), Туркистон ҳаваскор археологлар тўгараги аъзолари В.Н. Литвинов (1895-1910 йиллар), И.А. Кастанье (1916 йил) суратқаш Г.Е. Кривцов, топограф Н.Ф. Ситняковский, ёзувчи В.В. Крестовский бу шаҳарда ўзлари кўрган меъморий обидалар тўғрисида умумий маълумотлар қолдиришган холос.

Кеш тарихига илмий тарзда ёндашишга биринчи бўлиб машҳур шарқшунос олим В.В. Бартольд киришган (Бартольд, том I. С. 188; С. 191-196; том II, ч. 2. С. 423-454).

1925 йилда Шаҳрисабзга шарқшунос В.В. Бартольд, археолог-шарқшунос В.Л. Вяткин, тарихчи-санъатшунос Б.Н. Денике, немис санъатшуноси Э. Кон-Винерлар ташриф буюришган. 1926 йилда бу шаҳарга А.Ю. Якубовский илмий сафарга келган ва олим томонидан биринчи марта унинг тарихий топографияси тадқиқ қилинган (Якубовский, 1940. С. 16-19).

1927 йилда Шаҳрисабзнинг тарихий-меъморий ёдгорликлари архитектор Б.Н. Засипкин томонидан ўрганилган (Засыпкин, 1928. С. 252-67). 1930 йилларда Шаҳрисабзнинг ёдгорликлари Я.Ғ. Ғуломов, Т.М. Мирғиёзов, С.К. Кабановлар томонидан тадқиқ этилган. 1940 йилда архитекторлар В.Л. Воронина ва Г.Н. Гачановлар шаҳардаги оддий аҳолининг XIX асрга оид турар-жойлари ва масжидларини тадқиқ этиш ва уларнинг планларини олиш ишлари билан шуғулландилар.

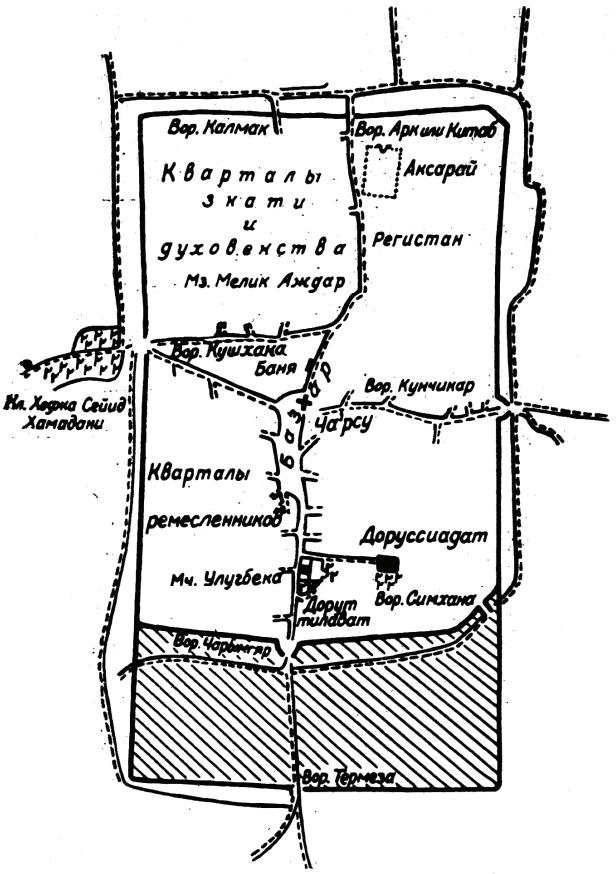
1942 йилда М.Е. Массон ва Г.А. Пугаченковаларнинг Шаҳрисабз ҳудудида олиб борган тадқиқотлари туфайли шаҳар тарихини том маънода илмий жиҳатдан ўрганиш бошланди (Массон, Пугаченкова, 1953; Массон, 1977). М.Е. Массон ва Г.А. Пугаченковалар шаҳарнинг тарихий топографиясини ўрта асрлар ёзма манбалари маълумотлари билан солиштириб, ёзма манбаларда тилга олинган Кеш шаҳри ҳозирги Китоб шаҳри ўрнидаги Қаландартепа ўрнида бўлганлигини исботладилар. Кейинги йиллардаги археологик қазишмалар бу илмий фикрларни тасдиқлашга хизмат қилди (Массон, Пугаченкова, 1953. С. 17-85).

1946-1948 йилларда С.К. Кабанов Қашқадарёнинг юқори оқими ҳудудида археологик кузатиш ва қазишма ишлари олиб борди (Кабанов, 1955. С. 77-114).

1948 йилда этнограф олима О.А. Сухарева Шаҳрисабзнинг шаҳар маҳаллалари ва гузарлари жойлашуви, шаҳарнинг тарихий топографияси шаҳар аҳолисининг этник қатламлари устида тадқиқотлар олиб борди (Сухарева, 1958. С. 128-139).

Шаҳрисабз шаҳрини махсус археологик тадқиқотлар воситасида ўрганиш, асосан 1963 йилдан, М.Е. Массон томонидан Кеш археологик топографик экспедицияси

ташкил этилгандан кейин бошланди. Бу экспедиция аъзолари С.Б. Лунина, З.И. Усманова, Н.И. Крашенинникова, Г.Я. Дресвянская, А.С. Сагдуллаев, Н.П. Столярова, О.Н. Лушпенко томонидан Қашқадарё воҳасининг юқори қисмида жойлашган қадимги, антик, илк ўрта асрлар ва ўрта асрларга оид археологик ёдгорликларни комплекс тадқиқ этиш ишлари давом эттирилди (Усманова, 1990. С. 11; Лунина, 1990. С. 7-9). Бу экспедиция томонидан 1965-66 йилларда Қарши воҳасида ҳам кенг қамровли археологик тадқиқотлар ва кузатув ишлари амалга оширилди (Массон, 1973).

Шаҳрисабзнинг схематик плани (Тузувчилар: М.Е. Массон ва З.И. Усманова)

1982 йилда Тошктент Давлат университети (ҳозирги Ўзбекистон Миллий университети) Ўрта Осиё археологияси кафедраси профессор-ўқитувчилари, Қашқадарё археологик – топографик экспедицияси (КАТЭ) аъзолари Шаҳрисабз шаҳрининг бир нечта жойида археологик қазишмалар олиб бордилар. Мана шу археологик тадқиқотлар даврида ушбу сатрлар муаллифига Оқсарой бош пештоқининг шимолий томонида сақланиб қолган Шаҳрисабзнинг шимолий мудофаа деворларида қазишмалар олиб бориш вазифаси юклатилди. Бу ерда мудофаа девори 10 м узунликда сақланиб қолган ва тадқиқотлар деворнинг шарқий қисмида уни кўндалангига кесиш эвазига солинган кесма усулида олиб борилди. Бу ерда девор қолдиқларининг баландлиги 7,5 м.ни, қалинлиги эса маданий қатламларнинг оқмалари билан бирга 12 м.ни ташкил этади. Кесма тоза ер қатламигача қазиб тушилди. Деворнинг юқори қисмида 2 м баландликда гувалакдан қилинган таъмир девор мавжуд. Мудофаа деворининг ядросини қалинлиги 9-20 см бўлган қатламли пахсадан урилган девор ташкил этади ва бу девор XIX ярусгача давом этган. Деворнинг остида қалинлиги 120-130 см бўлган қаттиқ, пойдевор ҳолатига келтириш учун махсус шиббаланган тупроқ қатлами мавжуд. Пойдеворнинг остида эса оч малла рангли, қалинлиги ўртача 1 м бўлган маданий қатлам мавжуд бўлиб унинг таркибидан X-XII асрларга оид кулолчилик идишларининг парчалари топилди. Бу маданий қатламнинг остида эса тоза ер қатлами мавжуд. Деворнинг эни унинг қуйи қисмида 7 метрни ташкил этади. Биз томонимиздан олиб борилган ушбу тадқиқотларнинг натижалари, кейинроқ экспедиция раҳбарлари томонидан чоп этилган (Дресвянская, Лунина, Султанов, Усманова, 1993. С. 19).

1996 йилда Амир Темур таваллудининг 660 йиллиги муносабати билан ЎзР ФА Археология институти ходимлари Шаҳрисабз шаҳрининг марказий майдонида археологик қазишма ишлари олиб бордилар (Раимкулов А.А., Сулейманов Р.Х. и

др., 1996). Қазишма майдонининг ҳажми 40х20 м.ни ташкил этади. Қазишма майдонида турли ўлчамларга эга бўлган пишиқ ғиштлардан бунёд этилган пойдеворлар қолдиқлари топилди. Ушбу пойдеворларнинг умумий жойлашуви бу ердан кўча ўтганлиги тўғрисида маълумот беради. Унинг узунлиги 30 метрдан ортиқроқ. Унинг атрофида, кўчанинг икки тарафида уй-жойлар қолдиқлари мавжуд.

Очилган меъморий қолдиқларнинг жануб томонида ер сатҳидан 2 м чуқурликда шарқдан ғарбга қараб оққан ва шимолий-ғарбга қараб оҳиста бурилган қадимий ариқ қолдиқлари топилди. Ариқнинг сақланиб қолган узунлиги 10 м.дан ортиқроқ, кенглиги эса 55 см. Ариқнинг икки ён деворлари 39,5-31х20-17х7-4 см, 21-23х21-23х4 см ўлчамлардаги пишиқ ғиштлардан терилган. Ариқнинг ичидан ҳам маълум миқдорда сопол идишларнинг парчалари топилди ва улар воситасида ушбу ариқ XIII аср билан даврланиб, ундан чиғатойлар ва темурийлар даврида шаҳарни сув билан таъминлашда кенг фойдаланилган.

Шуни ҳам назарда тутиш керакки, ариқнинг йўналиши кейинги асрларда Кеш-Шаҳрисабзни кесиб ўтган Хўжа Муродбахш ариғининг йўналишига мос келади (Массон, Пугаченкова, 1953. С. 33, рис. 1). Бу уйғунлик XIII асрда қазилган ариқ ҳам, кейинчалик қазилган Хўжа Муродбахш ариғи ҳам шаҳарнинг ер сатҳи ҳисобга олинган ҳолда бунёд этилганлигини кўрсатади.

Орадан ўн йил ўтиб 2006 йилда бу ҳудудда археологик тадқиқотлар яна йўлга қўйилди ва Оқсарой пештоқининг сақланиб қолган қисмидан тахминан 50 м шарқ томондаги майдонда кенг миқёсда археологик қазишма ишлари олиб борилди.

2006 йилда қазилган шурфнинг қуйи қатламларидан XI-XII асрларга оид 60-70 см қалинликдаги маданий қатлам ва унинг ичидан кулоллик идишларининг топилиши Кеш-Шаҳрисабз тарихига оид бир қатор муаммоларнинг ойдинлаштирилишига хизмат қилиши мумкин.

2006 йилги қазишмалар даврида, яъни 1996 йил қазишма ўтказилган жойдан 200-250 м шимол томонда айнан мана шу даврга оид маданий қатламларнинг учраши бу ерда қорахонийлар даврида кенг майдонни эгаллаган йирик аҳоли пункти мавжуд бўлганлигини кўрсатади. Бу аҳоли пункти ўрта асрларда ҳозирги Шаҳрисабз ўрнида қад ростлаган Кеш шаҳрининг харобаларими, ёки кейинчалик Кеш шаҳрининг барпо этилишига асос бўлган йирик қишлоқ қолдиқларими, ҳозир мана шу тўғрида, ҳамда Кеш шаҳрининг шаклланиши ва даврий ривожланиши тарихи тўғрисида қисқача фикр юритсак.

Ҳозирги Китоб шаҳридан ғарбда, Зарафшон тизмасидан оқиб келувчи Шўробсой бўйида Подаётоқтепа, Узунқир ва Сангиртепа номли йирик археологик ёдгорликлар мажмуаси мавжуд. Бу ёдгорликларда салкам ўттиз йилдан бери археологик қазишма ишлари олиб борилади (Лушпенко, 1988. С. 22-30; 1990. С. 24-29; 1997. С. 155). Олиб борилган узоқ йиллик археологик тадқиқотлар натижасида, бу ёдгорликлар Шўробсой бўйида эрамиздан аввалги VIII-VII асрларда шаклланган қадимий шаҳарнинг бизнинг кунларгача етиб келган харобалари эканлиги, қадимий Кешнинг шаҳар сифатидаги тарихи айнан мана шу ҳудуддан бошланганлиги маълум бўлди.

Эрамиздан аввалги III-II асрларда шаҳар таназзулга учрайди ва у ҳозирги Китоб шаҳри ҳудудидаги Қаландартепа ёдгорлиги ўрнида қайта қад ростлайди. Қаландартепада шаҳарларга хос бўлган, антик даврга оид маҳобатли биноларнинг қолдиқлари топилган. Қашқадарёнинг юқори қисми – Кеш воҳасининг асосий маркази бўлган бу шаҳар бу ерда IX-X асрларгача фаолият кўрсатганлиги аниқ,

лекин у ҳозирги Шаҳрисабз ўрнига айнан қайси асрда кўчганлиги масаласи ҳозиргача тамоман аниқлангани йўқ. Айрим олимлар Шаҳрисабз ўрнидаги шаҳар - Кеш XI-XII асрлардан бошлаб фаолият кўрсатган деган фикр билдирсалар, бошқа олимлар бу ерда шаҳар XIV – асрда пайдо бўлган деган фикрни олдинга сурадилар.

X асрда Кешга ташриф буюрган араб сайёҳи Ибн Хавқалнинг шаҳарга берган таърифича, «Кеш «куҳандиз», «ҳисна» ва «рабод» дан ташкил топган. Ундан ташқари яна бир шаҳар «мадина» рабод билан туташиб кетган. Ички шаҳар куҳандиз билан биргаликда харобага айланиб кетган. Аҳоли ташқи шаҳарда яшайди. «Дар ал Имара», яъни ҳукумат уйи шаҳар ташқарисида, рабод эса ал Мусалла деган жойда, зиндон ва жомъе масжиди харобага айланган ички шаҳарда, бозорлар эса рабодда жойлашган. Шаҳарнинг барча иморатлари лойдан ва ёғочдан қурилган. Ички шаҳар деворларида қуйидагича номланган тўртта дарвоза бор. «Баб ал Ҳадид» - Темир дарвоза, «Баб Убайдуллоҳ» - Убайдуллоҳ дарвозаси, «Баб ал Қассарин» - Тозаловчилар дарвозаси, «Баб ал Мадина ад Доҳила» - Ички шаҳар дарвозаси. Ташқи шаҳар деворларида иккита дарвоза, «Баб ал Мадина ад Доҳила» - Ички шаҳар дарвозаси ва «Баб Баркнон» - Баркнон дарвозаси. Баркнон Кешга яқин масофада жойлашган қишлоқлардан бирининг номи.

Кешнинг шаҳар деворлари яқинидан иккита дарё оқиб ўтган. Улардан бири «Наҳр ал Қассарин» - Тозаловчилар дарёси номи билан аталадиган бу дарё Сийам тоғларидан оқиб келади ва Кешнинг жанубий дарвозаси яқинидан оқиб ўтади. Иккинчи дарё «Наҳр Асруд» номи билан аталади ва у Кашкруд рустоқи томондан оқиб келади. Бу дарё шаҳарнинг шимолий дарвозаси яқинидан оқиб ўтади.

Кешга ташриф буюрган бошқа бир араб сайёҳи ал Муқаддасийнинг маълумотига кўра, шаҳар «куҳандиз», «мадина», «ички рабод» ва унга туташган ташқи рабоддан ташкил топган. Куҳандиз ички шаҳарда бўлиб хароба аҳволга келиб қолган, жомъе масжиди ҳам ички шаҳарда жойлашган ва у Самарқанд жомъе масжидидан кейин Суғддаги энг чиройли масжиддир (Камалиддинов, 1996. С. 18).

Ўрта асрлар сайёҳларининг бу маълумоларини Шаҳрисабз ва Китоб шаҳарлари топографиясига тадбиқ этиб бу таърифлар ҳозирги Китоб шаҳрининг географик жойлашувига тамоман мос тушишини англашимиз мумкин. «Наҳр ал Қассарин» - "Тозаловчилар дарёси" номи билан аталадиган дарё бу ҳозирги Оқсув дарёси бўлиб шаҳарнинг жанубий дарвозаси яқинидан, иккинчи дарё «Наҳр Асруд» - Қашқадарё эса шаҳарнинг шимолий дарвозаси яқинидан оқиб ўтган.

Араб сайёҳлари томонидан таърифланган ҳозирги Китоб шаҳри ўрнидаги Кеш шаҳрининг инқирозга учраши, унинг мадинаси ва аркининг бузилганлиги билан бошланган бўлса, бу жараён сомонийлар давридан бошланганлигини илғаш мумкин. М.Е. Массон Кешнинг инқирозга учраши сабабларини кўпроқ Муқанна қўзғолони билан боғлайди. Чунки бу қўзғолоннинг энг қайноқ нуқтаси мана шу шаҳар эди ва ушбу халқ ҳаракатининг бостирилиши жараёнида бу шаҳар вайрон этилган ва кейинчалик яна тикланган. Сомонийлар даврида ислом дини давлатнинг расмий динига айлангандан кейин ҳам Кеш шаҳри ва унинг атрофларидаги қишлоқлар аҳолисининг маълум қисми Муқаннанинг издошлари сифатида унинг динини очиқчасига давом эттирганлар. М.Е. Массоннинг фикрича, ислом дини ҳомийси бўлган сомонийлар учун бу «исёнчилар шаҳри» кутилмаганда катта муаммо туғдириши мумкин бўлган ва шунинг учун ҳукмрон сулола подшолари кешни иқтисодий ҳамда сиёсий жиҳатдан инқирозга учрашидан манфаатдор бўлганлар. Мана шу ҳолат унинг инқирозига сабаб бўлган (Массон, 1977. С. 27-29).

Ҳозирги кунда археология ва тарихшунослик фанларидаги жиддий муаммолардан бири – Кеш шаҳрининг ҳозирги Шаҳрисабз шаҳри жойлашган ҳудудга қайси даврда кўчганлиги масаласидир. Шунинг учун шаҳарлар тарихи билан шуғулланган барча олимлар бу масалага жиддий қараганлар ва ўз муносабатларини билдирганлар. М.Е. Массон ва Г.А. Пугаченковаларнинг фикрларига кўра, Шаҳрисабз ўрнидаги қишлоқ (шаҳар - Р.А.) бу ерда XIII асрдан кейин пайдо бўлган (Массон, Пугаченкова, 1953. С. 21). Бошқа бир олимнинг фикрича, Шаҳрисабзнинг мудофаа деворлари Амир Темур томонидан бунёд этилган (Смирнова, 1969. С. 47). Ҳофизи Обрўнинг берган маълумотига кўра Амир Темур шаҳар деворларини қуришга киришганда бу ерда эски мудофаа деворларининг қолиқлари ҳали мавжуд бўлган (Бартольд, 1963, том 8. С. 21). М.Е. Массон ва Г.А. Пугаченковалар мана шу маълумотлар асосида шаҳар деворлари қурилиши Амир Темурнинг буйруғига асосан 1378/79 йилларда олиб бажарилган деган фикрни илгари сурадилар (Массон, Пугаченкова, 1953. С. 30-32). Бу фикрни деворларни археологик жиҳатдан тадқиқ этган бошқа мутахассислар гуруҳи ҳам қувватлайдилар (Дресвянская, Лунина, Султанов, Усманова, 1993. С. 26-27). Ш.С. Камолиддиновнинг фикрича, шаҳар деворлари XI-XII асрларда Қорахонийлар даврида қурилган бўлиши мумкин. Кеш (Китоб) дарвозаларидан бири Боб Баркнон деб аталган ва бу дарвоза шаҳарнинг жанубий-ғарбий қисмида бўлиб ундан Насаф ва Термизга қараб савдо йўли чиққан. Мана шу йўл устида шаҳарга яқин масофада Баркнон жойлашган. Шаҳар дарвозаси қишлоқ номи билан аталиши (Насафдаги Ғубдин дарвозаси ҳам Ғўбдин қишлоғи шарафига аталганлигини эслаш кифоя – Р.А.) бу қишлоқнинг жуда йирик бўлганлигидан далолат беради. Ш.С. Камолиддиновнинг фикрига кўра, Баркнон ҳозирги Шаҳрисабз ўрнидаги йирик қишлоқ бўлиб у дастлаб Кеш (Китоб) нинг «йўлдош шаҳарчаси» бўлган ва кейинчалик, Шаҳрисабз Кеши мана шу қишлоқ асосида шаклланган (Камалиддинов, 1996. С. 12-23). Йирик савдо йўли устида жойлашган бу қишлоқ аста секинлик билан йирик савдо ва ҳунармандчилик марказига айлана бошлаган, XI-XII асрларда унда жомъе масжиди қурилган. Ҳозирги Кўк гумбаз масжиди пойдеворлари тагидан топилган пишиқ ғиштдан қурилган маҳобатли меъморий иншоот қолдиқлари (Усманова, Сагдуллаев, 1981. С. 3-13).

Мана шу даврда Мовароуннаҳрнинг йирик шаҳарларида намозгоҳлар қуриш ҳам расм бўлган. Бир қатор диний байрамларда бутун шаҳар халқининг бир вақтда намоз ўқиши учун шаҳар ичидаги жомъе масжидлари торлик қилганлиги, учун бундай иншоотларга эҳтиёж туғилган. Кеш-Шаҳрисабз ҳам йирик шаҳарга айланганлиги учун бу ерда ҳам намозгоҳ бунёд этилган. М.Е. Массон ва Г.А. Пугаченковаларнинг фикрларича, Кеш-Шаҳрисабз намозгоҳи XIX асрда фаолият кўрсатган намозгоҳ ўрнида, Китоб дарвозасидан (Оқсаройнинг рўпарасида) ярим километр шимолда, бу ерда жойлашган Баландтепа атрофида бўлган. 1980 йилларда Баландтепада зардуштийлик ибодатхонасининг қолдиқлари топилган, лекин бу ерда ўрта асрлар қатламлари йўқ (Усманова, Бахшицян, 1988).

Ушбу шаҳарда узоқ йиллар мобайнида археологик қазишмалар олиб борган З.И. Усманованинг фикрига кўра, Шаҳрисабз шаҳрига мўғуллар ҳукмронлиги даврида асос солинган (Усманова, 1983. С. 208-215). Шунинг учун, Шаҳрисабз шаҳри ҳудудида З.И. Усманова томонидан қўлга киритилган натижаларни батафсилроқ таҳлил қилиш лозим. Тадқиқотчининг маълумотларига кўра, Кеш-Шаҳрисабзнинг мудофаа деворлари X-XII асрларга оид археологик материалларга эга бўлган

маданий қатламлар устига бунёд этилган. Бу даврга оид маданий қатламлар шаҳарнинг шарқ томондаги Қалмоқ дарвозаси атрофидаги шаҳар деворлари тагидан, ғарб томондаги Кушхона дарвозаси яқинидаги миноралар оралиғидан солинган кесмалардан, ҳозирги Кўк гумбаз масжиди жойлашган ҳудудлардан ва бошқа кўплаб ўринлардан топилган. «Шундай қилиб Шаҳрисабзнинг ғарбий, шимолий ва шарқий мудофаа деворларидаги кесмалар, тозалашлар деярли бир хил манзарани кўрсатадилар. Дастлабки девор горизонтал, қалинлиги 7-15 см бўлган қатламли пахсадан қурилган ва у X-XII асрларга оид археологик материалларга эга бўлган маданий қатламлар устига турибди. Бу деворда кейинги даврларга оид материаллар учрамайди ва қатламли пахса девор остида ҳам қадимийроқ бирор иншоотнинг қолдиқлари йўқ ва қатламли пахса деворни 1378/79 йилларда Темур томонидан қурилган девор деб ҳисоблаш мумкин» (Усманова, 1983. С. 213) (рус тилида чоп этилган мақоладан таржима бизники – Р.А.). З.И. Усмановнинг бундай хулосага келишига Шаҳрисабз деворлари орасидан 1361/62 йилларда Хайр Пўлат томонидан Янги Саройда зарб этилган танга (пул)нинг топилиши асос бўлган. Шаҳрисабз мудофаа деворларидаги лентали пахса ичидан X-XIII асрларга оид археологик материаллар учраган (Усманова, 1977. С. 106).

Бу ўринда Ҳофизи Абрўнинг Амир Темур шаҳар деворларини қуришга (яъни таъмирлашга – Р.А.) киришганда бу ерда эски мудофаа деворларининг қолдиқлари мавжуд бўлганлиги тўғрисидаги маълумотини яна бир марта эслаш жуда ҳам муҳим (Бартольд, 1973, т. 8. С. 92). М.Е. Массоннинг фикрича, Амир Темур томонидан Шаҳрисабз ҳисорининг деворлари қурилаётганда Самарқанддаги каби эски шаҳар деворлари қолдиқларидан фойдаланилган бўлиши мумкин (Массон, 1977. С. 12). 1361/62 йилларда зарб қилинган танга Шаҳрисабзнинг мўғуллар даврида бузилган девори таъмирланиши даврида ҳам тушиб қолган бўлиши мумкинлигини тахмин қилган ҳолда, яна бир янги фикрни илгари суришга имкон яратади. Бизнинг фикримизча, Амир Темур даврида Кеш-Шаҳрисабз деворларини таъмирлашда Хоразмшоҳлар даври мудофаа деворлари қурилиши усули-қатламли пахсадан фойдаланилганлиги ҳам эҳтимолдан холи эмас. Бу ўринда шуни ҳам таъкидлаш лозимки, Амир Темур даврида Самарқанд ва бошқа шаҳарларда қурилган мудофаа деворларининг бирортасида ҳам қатламли пахса ишлатилмаган, демоқчимизки, қатламли пахса Амир Темур ва темурийлар даври учун умуман хос эмас.

Бизнинг фикримизча, Кеш-Шаҳрисабзнинг кенгайиб шаҳарга айлана бошлаши жараёни X асрдан, яъни сомонийлар даврининг охирларидан, асосан қорахонийлар давридан бошланганлиги ҳақиқатга яқин. Шаҳрисабз шаҳридаги Мирзо Улуғбек томонидан бунёд этилган Кўк гумбаз масжиди атрофларида, унинг ичида олиб борилган археологик тадқиқотлар натижасида, ушбу масжид тахминан XII асрда пишиқ ғиштлардан бунёд этилган ва кейинчалик бузилиб кетган маҳобатли бир иморатнинг харобалари устига қурилганлиги аниқланди (Дресвянская, Лунина, Султанов, Усманова, ч. II, 1993. С. 44-45). XII асрда пишиқ ғиштлардан бунёд этилган бу маҳобатли иморат қорахонийлар ёки XIII аср бошларида хоразмшоҳлар томонидан бунёд этилган ва мўғуллар ҳукмронлиги даврида вайронага айланган масжиднинг харобалари бўлиши ҳам мумкин. Пишиқ ғиштлардан қурилган маҳобатли масжид албатта жомъе масжиди бўлиши мантиқан ҳақиқатга яқин ва бундай катта масжидлар албатта йирик қишлоқларда ёки марказий шаҳарларда фаолият кўрсатадилар.

Бу ўринда, шу пайтгача тадқиқотчилар назаридан четда қолаётган ғоятда муҳим жиҳатга – Кеш–Шаҳрисабз шаҳри мудофаа деворларининг қурилиш услубига эътибор қаратиш лозим. Шаҳар деворларида ҳозир ҳам кўзга яққол ташланиб турадиган ҳолат - уларнинг қатлам-қатлам лентали пахсадан бунёд этилганлигидир. Амир Темур даврида мана шундай лентали пахсадан шаҳар мудофаа деворлари қуриш усулидан фойдаланилмаган. Кеш–Шаҳрисабздаги мудофаа деворларидаги лентали пахса қатламларининг қалинлиги 7-15 см.ни ташкил этади. Лентали пахсадан бунёд этилган деворлар Самарқанднинг қадимий ўрни бўлмиш Афросиёбда қазиб ўрганилган бўлиб, лентали пахсадан шаҳристоннинг қўш мудофаа деворлари таъмирланади, қўш деворнинг жанубида учинчи қўшимча девор урилади. Деворнинг шарқий ташқи юзаси бўйлаб йирик кесилган қамиш ва лентали пахса қаватма-қават ётқизилиб таъмир девори қопланади. Қазишмалар муаллифининг фикрига кўра, бу деворлар ва таъмир деворлар XIII асрнинг бошларида, яъни хоразмшоҳлар даврида бунёд этилган (Пачос, 1965. С. 27-29).

Ундан ташқари Афросиёбда шаҳристоннинг жануб томондаги учинчи девори, арк деворларига қурилган бурж-миноралларнинг айримлари айнан мана шу пахсадан бунёд этилган ва уларнинг қурилиши XIII асрнинг бошларига, Хоразмшоҳ Муҳаммад даврига тўғри келади (Буряков, Ташходжаев, 1975. С. 9). 1977-1979 йилларда олиб борилган археологик қазишмалар натижасида олинган маълумотларга кўра, Самарқанд (Афросиёб) аркининг ташқи мудофаа деворлари XII аср охири XIII аср бошларида, яъни Хоразмшоҳлар ҳукмронлиги даврида тубдан таъмирланган ва унинг бутун периметри бўйлаб 6 м қалинликда лентали пахсадан мудофаа девори урилган (VIII-девор). Пахса қатламларининг қалинлиги мудофаа деворининг ҳамма жойида 15 см.ни ташкил этади (Иневаткина, 1983. С. 76 -90). Бундай қатъий тартибда қурилиш бошқа марказий шаҳарлардаги таъмирлаш ишларида кўзга ташланмайди ва бу ҳолат Самарқанддаги қурилишлар махсус режа асосида олиб борилганлиги ва қатъий назорат қилинганлигидан далолат беради.

Хоразмшоҳлар сулоласи даврида Самарқанд шаҳристонининг эски деворлари қайта тикланган (Массон, 1973. С. 39), шаҳарнинг жоме масжиди ҳам тамоман қайта қурилган ва унинг узунлиги 137 м.га етган. Масжид шу даражада тубдан таъмирланганки, замондошлари бу ерда янги масжид қурилди, - деб гапириб юрганлар (Буряков, Ташходжаев, 1975. С. 12).

Мана шундай лентали пахса деворлар воситасида Насафнинг қадимий ўрни бўлмиш Шуллуктепа аркининг мудофаа деворлари ҳам бунёд этилган бўлиб, пахса қатламларининг қалинлиги 10-25 см.ни ташкил этади. Қазишмалар муаллифи Б.Д. Кочневнинг маълумотига кўра бу деворлар аркнинг мудофаа деворлари бўлиб қалинлиги 1,75 м ва уларнинг таркибидан XI-XII асрларга оид кулоллик идишларининг парчалари топилган (қазишмалар ҳисоботлари ЎзР ФА Археология институти архивида сақланади – Р.А.). Шу ҳолатга эътиборни жалб этиш лозимки, деворларда XI-XII асрларга оид кулолчилик идишларининг парчалари мавжудлиги бу деворлар XII асрдан кейин бунёд этилганлигини кўрсатади. Бу ҳолат эса ўз-ўзидан бу деворлар хоразмшоҳлар даврига оид эканлигини кўрсатади. Хоразмшоҳларни Мовароуннаҳрнинг марказий ҳудудларида давом этган қисқа вақт ҳукмронлиги ҳам уларга Самарқанд, Насаф ва Кеш шаҳарларида катта-катта қурилишларни ниҳоясига етказишларига имкон берган.

Хоразмшоҳлар сулоласи даврида Бухорода ҳам катта қурилишлар бўлган. Тамғочхоннинг буйруғи билан Бухоро шаҳри эски деворининг ташқарисидан девор урдилар (ҳижрий 560 - милодий 1164-1165 йй.), у ҳам вайрон бўлди. Олти юз тўртинчи йили (1207-1208 йй.) Хоразмшоҳ Муҳаммад ибн Султон Такаш Бухорони олди ва яна сиртдан девор уришга буюрди; иккала деворни янгиладилар. Олти юз ўн олтинчи йили (1219-1220 йй.) татар лашкари келиб Бухорони олди ва у деворлар яна вайрон бўлди“ (Наршаҳий, 1991. 113-б.). Бу маълумотлар Наршахийнинг асарига кейинги асрлардаги таҳрирлар даврида киритилган бўлса керак.

Хоразмшоҳлар сулоласи даврида бир қатор марказий шаҳарлар қурилишидаги имкониятнинг асосий сабаби албатта биринчидан, давлатнинг иқтисодий қудрати бўлса, иккинчидан, айнан улар даврида кенг расм бўлган ўзига хос қурилиш усули – юпқа, қатламли пахсадан фойдаланишдир. Қатламли пахса, айниқса Кеш-Шаҳрисабз мудофаа деворлари қурилишида унинг 7-15 см қалинликдаги қатламидан фойдаланиш бу деворларни узоғи билан бир-икки йилда тўлиқ қуриб битиришга имкон беради. Чунки ерга ёзилган бу қалинликдаги пахса қатлами бу ҳудуддаги жазирама иссиқ ҳавода бир ёки икки кунда қурийди. Бир гуруҳ пахсакашлар деворнинг иккинчи қатламини ётқизганлар. Улардан 50-60 м чамаси орқадаги пахсакашлар гуруҳи пахсанинг учинчи қатламини, ундан яна 50-60 м орқадаги бошқа бир гуруҳ эса тўртинчи қатламни ётқизиб келаверганлар. Мана шу тариқа Кеш-Шаҳрисабз мудофаа деворлари қурилиши шаҳарнинг барча ўринларида бир пайтда олиб борилган ва қисқа муддатларда қуриб битирилган. Бизнинг фикримизча, пахса қатламлари текис цилиндр шаклида йўнилган махсус ёғоч-каток воситасида шиббаланиб текис ёйилган.

Бу усулда Хоразмшоҳлар даврида бунёд этилган ёки таъмирланган деворлар фақатгина Самарқанд, Бухоро, Насаф ва Кеш каби йирик шаҳарларидагина учраши, бундай пахса деворлар бу даврга оид қишлоқларда деярли қайд этилмаганлиги бу сулола даврида асосий эътибор, албатта, шаҳарларга, уларнинг мудофаа тизимларини мустаҳкамлашга қаратилганлиги ҳам фикримизни қувватлашга хизмат қилади.

Қорахонийлар даври қатламлари билан доимо бирга сомонийлар даври пишиқ ғиштларининг учраши Шаҳрисабз шаҳри ҳудудида Сомонийлар сулоласи давридан бошлаб катта майдонни эгаллаган йирик қишлоқ шакллана бошлаганлигидан далолат беради, чунки Шаҳрисабзнинг мудофаа деворларида сомонийлар даври ғиштлари учрамайди. Лекин Сомонийлар даври қишлоғининг мудофаа деворлари бу ҳудудда учрамаган, чунки бу қишлоқ мудофаа девори билан ўралмаган бўлиши ҳам мумкин.

Ушбу маълумотлар асосида хулоса чиқарадиган бўлсак, XI-XII асрларда Китоб шаҳри ўрнидаги қадимий Кешнинг инқирозга юз тута бошлаши жараёнида ҳозирги Шаҳрисабз шаҳри ўрнида сомонийлар (IX-X асрлар), ва қорахонийлар (XI-XII асрлар) давридан бошлаб йирик Баркнон қишлоғи тез суръатлар билан ривожлана бошлаган, Хоразмшоҳлар даврига келиб эса унинг атрофи маҳобатли мудофаа деворлари билан ўралган, мана шу даврда Кўк гумбаз жойлашган ҳудудда масжид бунёд этилган ва у энди тўлақонли марказий шаҳар мақомига эга бўлган. Мўғуллар ҳукмронлиги йилларида қаровсиз қолиб харобага айлана бошлаган, Ҳофизи Абрў тилга олган шаҳар деворлари Амир Темур даврига келиб бутунлай қайтадан тикланган.

Фойдаланилган адабиётлар

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. Т. I. М., 1963.

Бартольд В.В. Хафиз-и-Абру и его сочинения // Соч. Т.8. М., 1973.

Буряков Ю.Ф., Ташходжаев Ш.С. Историческая топография Самарканда XI - нач. XIII вв. // Афрасиаб. Вып. IV. Ташкент, 1975.

Дресвянская Г.Я., Лунина С.Б., Султанов Х.С., Усманова З.И. Шахрисябз. Ч. I, II. Ташкент, 1993.

Иневаткина О.Н. Цитадель Афрасиаба (Работы 1977-1979 гг.) // ИМКУ. Вып. 18. Ташкент, 1983

Кабанов С.К. Археологические разведки в верхней части долины Кашка-Дарьи // Труды Института истории и археологии. Вып. 7. Ташкент, 1955.

Камалиддинов Ш.С. Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX - начала XIII вв. Ташкент, 1996.

Лушпенко О.Н. Изучение поселений раннежелезного века в Шуробсайском оазисе. История и культура южных районов Средней Азии в древности и средневековье // Сб. науч. трудов ТашГУ. Ташкент, 1988.

Лушпенко О.Н. К истории изучения поселений раннежелезного века долины Кашкадарьи // Древняя и средневековая археология юга Средней Азии (К проблеме истории культуры). Ташкент, 1990.

Лушпенко О.Н. Культура раннежелезного века Южного Согда (По материалам памятников Китаба-Яккабага) // Дисс... канд. ист. наук. Ташкент, 1997.

Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Шахрисябз при Тимуре и Улугбеке // Труды Среднеазиатского Государственного университета. Вып. XLIX. Археология Средней Азии. Ташкент, 1953.

Массон М.Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен (Из работ Кешской археолого-топографической экспедиции ТашГУ (1965-1966 гг.). Ташкент, 1973.

Массон М.Е. Работы Кешской археолого-топографической экспедиции (КАТЭ) по изучении восточной половины Кешской области Уз ССР 1966 г. Археология Средней Азии // Сб. науч. трудов ТашГУ. №533. Ташкент, 1977.

Пачос М.К. Из раскопок на Афрасиабе // Из истории культуры народов Узбекистана. Ташкент, 1965.

Раимкулов А.А., Сулейманов Р.Х. и др. Отчет Шахрисабзского отряда о работах по археологическому надзору на комплексах Ак-Сарай и Дорус-Сиадат // Архив Института археологии АН РУз, 1996.

Раимкулов А.А., Султонова Д.Н. Города и селения монгольского и тимуридского времени в долине Кашкадарьи (Археологическое изучение, интерпретация, локализация) // Материалы международной конференции «Цивилизации скотоводов и земледельцев Центральной Азии». Самарканд-Бишкек, 2005.

Ртвеладзе Э.В., Сагдуллаев А.С. Памятники минувших веков. Ташкент, 1986.

Султонов Х.С. К истории формирования архитектурных ансамблей Шахрисабза XIV–XV вв. // Автореф…. дисс. канд.ист. наук. Самарканд, 1990.

Смирнова О.И. К хронологии среднеазиатских династов VII-VIII вв. // Страны и народы Востока. Вып. 2. М., 1961.

Сухарева О.А. К истории городов Бухарского ханства. Шахрисябз. Ташкент, 1958.

Усманова З.И. Историческая топография Шахрисабза в свете новых данных // Археология Средней Азии. Сб. науч. трудов ТашГУ. №533. Ташкент, 1977.

Усманова З.И. Археологическое изучение Шахрисябза // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. (Материалы Всесоюзного совещания 13-15 мая 1981 г.). Алма -Ата, 1983.

Усманова З.И., Сагдуллаев А.С. К изучению памятников Яккабагского района // Сб. науч. трудов ТашГУ. №582. Ташкент, 1981.

СОҲИБҚИРОН АМИР ТЕМУР ДАВРИДА ШАҲАРСОЗЛИК МАДАНИЯТИ

© 2011. А.А. Анарбаев, З.А. Қараева
ЎзР ФА Археология институти, СамАҚ институти

Бизга маълумки, мўғуллар истилоси Мовароуннаҳр шаҳарсозлик маданиятига катта салбий таъсир кўрсатган. Ёзма манбаларнинг берган маълумотларига қараганда, шаҳарларнинг аксарият кўпчилиги истилодан жуда катта зарар кўради. Ундаги кундалик ҳаёт издан чиқади, ишлаб чиқариш ва савдо-сотиқ инқирозга учрайди (Бартольд, 1963. С. 480-503; Ибн ал-Асир, 2006. С. 346-65). Маданий ҳаёт эса умуман тўхтайди, шаҳарларнинг инфратузилмаси ўзининг аввалги ҳолатини йўқотади. Шаҳар атрофидаги боғлар мўғул аскарларининг отлари боқиладиган яйловларга айлантирилади. Хуллас, араб сайёҳлари мафтун бўлиб мақтаган шаҳарлар вайронага айланади. Кейинчалик, XIII асрнинг ўрталарида баъзи-бир қурилишлар қилиниб, ишлаб чиқариш ва савдо-сотиқ йўлга қўйилган бўлса ҳам, лекин шаҳарлар ўзларининг аввалги ҳолатини тиклай олмайди.

Соҳибқирон Амир Темур тузган марказлашган буюк давлат даврига келиб шаҳарлар ўзининг янги ривожланиш ва тараққиёт босқичига ўтади. Янги шаҳарлар қурилади, йирик пойтахт шаҳарлар эса янада кенгаяди ва ривожланади. Шаҳар қурилишида маҳаллий анъана билан бирга инновацион янгиликлар кенг жорий қилинади. Натижада, бутун Марказий Осиё миқиёсида кенг кўламда интеграция даври бошланади. Бу эса ҳамма соҳада янгиликлар, ихтиролар қилиниб, ўз даврининг мўъжизаларини яратилишига олиб келади. Буни биз қуйида икки шаҳар, яъни Самарқанд ва Шаҳрисабз мисолида кўриб чиқишга ҳаракат қиламиз.

Самарқанд - ўзининг кўп минг йиллик тарихи билан жаҳон цивилизациясида муҳим аҳамият касб этади. Шаҳарнинг тарихий топографиясини шаклланишида у жойлашган рельефнинг ўрни катта. Мўғуллар босқини арафасида шаҳар ҳудуди ҳозирги Афросиёб ёдгорлиги ва унинг жанубида жойлашган ерларни ҳам эгаллагани маълум бўлиб, майдони 400 га атрофида бўлганлиги аниқланган (Большаков, 1973. С. 224). Шаҳарнинг шаҳристон қисми (Афросиёб) мўғуллар босқини даврида бутунлай вайрон қилинади. Жумладан, уни сув билан таъминлайдиган махсус қурилма - "акведук" бузиб ташланади. Шаҳристондаги мўғуллар вайрон қилган биноларнинг қолган қисми ҳам нураб, аста-секин харобага айланади. Кейинчалик, бу жой халқ орасида Афросиёб, деб атала бошлайди. Амир Темур ва темурийлар давридаги Самарқанд, асосан, ҳозирги шаҳар маркази худудида жойлашган.

Соҳибқирон Амир Темур пойтахт шаҳар Самарқанднинг инфратузилмасини қайтадан яратилишига катта эътибор бериб, уни обод ва кўркам шаҳарга айланишида шахсан ўзи бош-қош бўлади. Унинг топшириғи билан шаҳарнинг йўл коммуникация тизими махсус режа асосида қайтадан қурилади. Қурилиш давомида йўлларнинг тўғри, равон ва кенг бўлишига алоҳида эътибор берилган. Ҳар бир янги қурилган ёки реконструкция қилинган йўлнинг икки томонида ариқлар қазилиб, уларнинг қирғоғи бўйлаб ҳар-хил дарахтлар экилган. Кўчалар сатҳи тошпарчин би-

лан қопланган. Ушбу қурилишларни ўз кўзи билан кўрган Испания қироли элчиси Клавихонинг ҳикоя қилишича, шаҳарни қайта қуриш ва ободонлаштириш ишларининг бошида ҳукмдорнинг ўзи турар эди. Айниқса, шаҳарнинг марказидан ўтказилган янги кўчанинг қурилиши ҳақидаги маълумотлар диққатга сазовордир. Соҳибқироннинг тузган режаси бўйича қурилган ушбу кўча, шаҳарнинг бир чеккасидан бошланиб, унинг маркази орқали иккинчи чеккасига чиқиши керак бўлган. Кўча жуда кенг бўлиб, унинг икки чеккаси бўйлаб савдо расталари жойлашган, усти эса, асосан, берк бўлган. Ёз ойларидаги ҳароратни юмшатиш учун кўчанинг маълум жойларида ҳовузлар ва фавворалар қурилган (Клавихо, 1990. С. 134-135).

Ўтган XX асрнинг 80-90 йилларида олиб борилган археологик тадқиқотлар шаҳар қурилиши ва унинг ҳаёти ҳақида ёзма манбаларга қўшимча, янги, қизиқарли материаллар берди. Жумладан, 34 гектарли шаҳарнинг аркида жойлашган саройларга боғлиқ қурилмалар тўғрисида янги маълумотлар олинди. Аниқроқ қилиб айтганда, мумтоз, шарқона сарой комплексига кирган ҳаммом қолдиқлари ва шаҳарнинг ер ости коммуникациясига тегишли қурилмалар қолдиқлари қазиб, очилди ва ўрганилди. Ҳаммом қолдиқларига қараб шуни айтиш мумкинки, у мумтоз, шарқона услубда қурилган бўлиб, у пол ости ва девор орасида жойлашган иситгич каналларига эга. Хоналарнинг ичи ва у ерда топилган саккиз қиррали ҳовуз жуда ҳашаматли қилиб рангли, безакли сопол плиталар билан қопланган. Шу билан бирга қиш ва ёғингарчилик кўп бўлган ойларда қалъа ичида тўпланган ортиқча сувларни ташқарига чиқариб ташлаш учун мўлжалланган катта диаметрли қувурлар тизими – тазар ҳам очилган. Лекин, манбаларда тилга олинган Кўксарой ва Бўстонсаройлар вақтлар ўтиши билан бутунлай бузилиб кетган, яъни бизгача сақланиб қолмаган. Бу давр шаҳар инфратузилмасида монументал биноларнинг ўрни катта бўлган.

Амир Темур даврида жуда кўп осмонўпар бинолар қурилади. Лекин, улардан оз қисми бизгача етиб келган, холос. Бу даврда қурилган биноларнинг аксарияти, ўзининг катталиги ва пештоқ қисмининг маҳобатлилиги билан ажралиб туради. Таъкидлаш жоизки, биноларнинг пештоқ қисмини алоҳида ажралиб туришига эътибор бериш қорахонийлар давридан бошланган бўлиб, XIV асрнинг охирги чорагида у бинонинг асосий эътиборли қисмига айланади. Шунинг учун, ташқаридан қараганда, асосан, бинонинг пештоқ қисми кўзга ташланган. Бу ҳолатни Амир Темур ва темурийлар даврида қурилган иморатларнинг ҳаммасида кўришимиз мумкин. Чунки биноларнинг маҳобатли кўринишида пештоқ қисмини роли катта. Буни соҳибқироннинг ўзи ҳам яхши билган ва қурилаётган иморатларнинг пештоқини баланд ва салобатли бўлишини қурувчилардан қаттиқ талаб қилган. Шунинг учун, унинг даврида қурилган биноларнинг баъзиларини пештоқлари ёқмаганда, уни бузиб, қайтадан қурдирган.

Амир Темур қурдирган биноларнинг энг катталаридан бири жомъе масжиди ҳисобланиб, у жуда тезлик билан 5 йил ичида қурилган. Олд Осиёга қилган узоқ ҳарбий юришдан қайтгач, соҳибқирон биринчи навбатда масжидни кўриш истагида бино олдига боради. Шунда унга бинонинг пештоқи ёқмайда ва уни зудлик билан бузиб, қайтадан тиклашни буюради (Ибн Арабшоҳ, 2008. С. 218-219; Клавихо, 1990. С. 135). Умуман олганда, масжид қурилишида Ўрта Осиё усталари билан бирга Эрон, Ҳинд ва Олд Осиёдан келган ҳунармандлар ҳам қатнашган. 500 одам Зарафшон тоғларида тошларни кесиб, жўнатиш учун тайёр ҳолига келтиришган. Тайёр бўлган тошлар махсус араваларга юкланиб, Ҳиндистондан келтирилган 95 та

фил ёрдамида Самарқандга жўнатилган (Якубовский, 1933. С. 43-44). Қўли гул сангтарош усталар ушбу тошлардан устунлар ва безак сифатида ишлатиладиган ҳар -хил плиталар тайёрлаб, масжид қурилишида ишлатганлар. Минглаб одамлар қурилиш майдонида ишлаган. Айниқса, рангли-безакли, сирли мозаика плиталарни тайёрлаш ва уларни ўрнатиш иши диққатга сазовор бўлган (Пугаченкова, Ремпель, 1958. С. 118). Бунда энг моҳир, устаси фаранг ҳунармандлар ишлаган. Масжид қурилишида, асосан, тўқ кўк, осмони кўк, феруза, оқ, сариқ ранглар ва уларнинг тўқ, оч кўринишлари керакли жойда, мутаносибликни бузмаган ҳолда ишлатилган. Бундай ранг-баранг мозаика санъати жомъе масжиди қурилмасдан анча аввал Шоҳи -Зинда комплексидаги Ширинбек-оқа мақбарасида ҳам қўлланилган. Лекин, бу ерда мозаика санъати ўзига хос бўлиб, жуда кенг кўламда қўлланилган.

Жомъе масжидининг катталигини, бизгача етиб келган, унинг вайроналарига қараб ҳам билса бўлади. Уни кўргани кирган ҳар бир сайёҳ, ҳозирги кунда ҳам, бир олам таассуротлар билан чиқади. Унинг режаси тўғри тўртбурчакли бўлиб, шарқдан ғарбга томон чўзилган. Ўртадаги ҳовлисининг майдони 78х64 метрга тенгдир. Шунинг ўзи ҳам ушбу бино Шарқдаги энг йирик иншоотлардан бири эканлигидан гувоҳлик беради. Масжиднинг тўртбурчагида чор минораси бўлган. Агар масжиднинг режасига эътибор берилса, у тўрт йирик монументал бинодан иборат эканлигини кўриш мумкин: биринчи икки асосий бино, бу озроқ шимолий-шарққа қараган осмонўпар пештоқ ва бироз жанубий-ғарбга қараган, меҳроб жойлашган гумбазли бино; қолган икки кичикроқ бино масжиднинг икки ён деворининг ўрта қисмида жойлашган. Буларнинг ҳаммаси айвонлар галереяси билан боғланган. Йилнинг қиш, ёғингарчилик кўп бўлган баҳор ва куз ойларининг баъзи-бир кунлари масжиднинг ушбу усти ёпиқ қисмида номоз ўқилган.

Шаҳар архитектураси ва унинг инфратузилмасида Шоҳи-Зинда комплексининг ўзига хос ўрни бўлган. Бу ерда Амир Темур даврида қурилган иншоотлардан икки Туман оқа ва Ширинбек оқа мақбаралари сақланиб қолган.

Биринчи мақбара 1371 йилда қурилган бўлиб, бу ерда соҳибқироннинг хотини Туман оқа дафн қилинган. Мақбара - келиб чиқиши Эроннинг Табриз шаҳридан бўлган усталар (Шамсиддин ва Зайниддин) томонидан қурилган бўлса ҳам, лекин унинг қурилишида маҳаллий Самарқанд архитектура ва қурилиш маданиятига асосланганини яққол кўриш мумкин. Бинонинг пештоқ ва ички қисмини пардозида усталар Хуросон ҳамда Самарқанд ҳунармандлари мактабларида қўлга киритган ютуқлардан моҳирона фойдаланганлар.

Ширинбек-оқа мақбараси 1385 йилда қурилган бўлиб, бу ерда Амир Темурнинг синглиси дафн қилинган. Ушбу ҳашаматли бино Шоҳи-Зинда комплексининг ўнг томонида, Туман-оқа мақбарасини қаршисида жойлашган (Якубовский, 1933. С. 12; Немцева, Шваб, 1979. С. 41-42). Самарқандда биринчи бўлиб, ушбу мақбаранинг пештоқида мозаика санъатининг бор жозибали имкониятлари кўрсатилган. Бу ерда оқ, кўк, сариқ ранглар ва уларнинг оч ва тўқ кўринишлари шундай моҳирлик билан қўлланилганки, уни таърифлашда ҳар қандай тадқиқотчи ожизлик қилади. Орадан 600 йилдан зиёд вақт ўтган бўлса ҳам унда ишлатилган ранглар ўз кўринишини йўқотмаган. Мақбаранинг пештоқ томондан кўриниши ва унда ишлатилган мозаика композицияси ҳали ҳам кишини лол қолдиради. Бу ерда биз Хуросон ва Хоразм ҳунармандчилик мактабида эришилган ютуқлардан моҳирона фойдаланиб яратилган Самарқанд мактаби усталарининг янги бетакрор ишларини кўрамиз.

Соҳибқирон ўзининг ҳукмронлиги даврида кўплаб монументал бинолар ва иншоотлар қурдирган. Лекин, улардан жуда кам қисми бизгача етиб келган. Унинг шахсан кўрсатмаси билан шаҳар атрофида 12-та ҳар-хил боғлар қурилган (Алимов, 1984. С. 10-11). Бу боғларни қуришда жой, рельеф ва шамоллар йўналишига катта эътибор берилган. Амир Темур узоқ юришлардан қайтганда, асосан, шу боғларда тўхтарди. Бунда йилнинг фаслларига қараб, қайси боғда тўхташи аниқланар эди. Чунки, йилнинг фасллари ва ойларида боғларнинг ҳолати ва у ердаги иқлим оз бўлсада бир-биридан фарқ қиларди. Айниқса, ёзнинг жазирама иссиқ кунларида тоғ-водий шамолларининг доимий эсадиган йўлларида жойлашган боғлардан фойдаланилар эди.

Амир Темурнинг кўрсатмаси билан қурилган бинолардан яна бири – бу Гўри Амир, яъни Темур ва темурийлар мақбарасидир. Мақбаранинг ўзига хослиги, ундаги маҳобатли пештоқнинг йўқлиги ҳисобланади (Якубовский, 1933. С. 55-56). Лекин асосий саккизбурчакли бино, бошқа иморатлардан фарқли ўлароқ, баланд барабан устига ўрнатилган қиррали, феруза рангли гумбазга эга. Шимол томонда асосий бинонинг икки бурчагида икки минора бўлган. Бинонинг ташқи девори (гумбаздан ташқари) оддий услубдаги рангли ғиштлар билан қопланган. Ички қисми эса хилма-хил мармар ва рангли безаклар билан безатилган.

Умуман олганда, Амир Темур Самарқандда ишлаб чиқариш ва савдо-сотиқни ҳар томонлама ривожланишига раҳнамолик қилади. Ҳар бир қурилаётган бино ёки иншоотга сиёсий тус бериб, уни дунёда тенги йўқ бўлишига интилади. У доимо Самарқандга алоҳида эътибор бериб, уни дунёнинг пойтахтига айлантиришга ҳаракат қилган. Ибн Арабшоҳнинг ёзишича, Амир Темур Самарқанд атрофида бир неча қишлоқлар қуриб, уларга Миср, Дамашқ, Бағдод, Султония, Шероз, деган номларни берган. Маълумки, юқоридаги шаҳарлар Шарқдаги энг йирик шаҳарлар ҳисобланган. Айниқса, Миср, Дамашқ ва Бағдод каби шаҳарлар тарихдаги буюк давлатларнинг пойтахтлари бўлган.

Соҳибқироннинг режаси бўйича юқорида тилга олинган шаҳарлар, Самарқандга нисбатан, оддий қишлоққа айланиб қолиши керак эди. Бу ўз навбатида Амир Темур сиёсатидаги асосий стратегик режадан келиб чиққан бўлиб, у ўзи тузган давлатни дунёда энг буюк давлатга айлантиришга, Самарқандни эса унинг пойтахти бўлиб қолишига ҳаракат қилди.

Самарқанддан кейин Соҳибқироннинг доимо эътиборида бўлган иккинчи шаҳар – бу унинг ёшлиги ўтган Шаҳрисабз эди. Шаҳар тоғ олди районида жойлашган бўлиб, географик нуқтаи-назардан табиати гўзал, қишлоқ хўжалиги учун қулай ўлка бўлган (Клавихо, 1990. С. 102). Унинг атрофида жуда кўп хилма-хил боғлар бўлган. Бу ердан Буюк Ипак йўлининг бир шаҳобчаси ўтганлиги учун шаҳар ва унинг атрофида кўплаб карвонсаройлар ва савдо расталари қурилади. Умуман олганда, Амир Темур Шаҳрисабз инфратузилмасини янгилаб, уни обод ва кўркам шаҳарга айлантиради. Шамс-ад-дин Кулол мозори олдига у ўзининг отасини ва яқинларини дафн этиб, бу ерда ажойиб мақбаралар ва масжид барпо этади. Айниқса, дунёга машхур, тенги йўқ Оқ саройни қурилиши Шаҳрисабз мавқеини янада оширади.

Оқ сарой, Клавихони ёзишича, Соҳибқирон қурдирган бинолар ичидаги энг маҳобатлиси бўлиб, у йигирма йилдан зиёд давр ичида қурилган. Испан элчиси берган ҳабарга караганда, бино ичидаги ҳовлининг кенглиги 300 қадам (тахминан 215 м атрофида) эди (Клавихо, 1990. С. 103). Биргина шу маълумотни ўзи, бино ўз

замонасининг буюк иншооти эканлигидан дарак беради. Саройга кириш пештоқи Самарқанддаги жомъе масжидининг пештоқидан анча баланд бўлган. Ҳовлининг юзи, унинг ўртасида жойлашган ҳовузни қирғоғи ва ичи мармар тошлар ҳамда ранг -баранг мозаика плиталари билан қопланган. Ҳовлининг тўрида, энг катта, асосий бинони жойлашган. Унга катта безакли эшик орқали кирилган. Эшикнинг тепасида, бинонинг пештоқига шер ва қуёшни тасвири туширилган бўлиб, унга ўзига хос колорит бағишлаган. Бинонинг ичида, биринчи эътиборли жой - бу шоҳнинг ҳашаматли қабулхонасидир. Иккинчи қаватда, асосан, Соҳибқирон ва унинг оиласи ҳамда яқинларининг ётоқхоналари жойлашган. Клавихонинг ёзишича, ушбу хоналар шунчалик юқори дид билан пардозланганки, уни тўлиқ таърифлаш жуда қийин (Клавихо, 1990. С. 103).

Шу билан бирга сарой комплексига бир неча павильонлар ва ҳовузлар кирган. Улар атрофида эса хилма-хил мевали ва соя берадиган дарахтлардан ташкил топган боғлар жойлашган. Ушбу жаннатмакон жойда, баъзи вақтларда Амир Темур иштирокида базмлар уюштирилган. Унда Соҳибқирон ўз яқинлари ва узоқ давлатлардан келган меҳмонлар билан ўтириб, суҳбат қурган ва дам олган.

Кейинги йилларда олиб борилган археологик тадқиқотлар, ёзма манбаларда келтирилган маълумотларни тўғрилигини тасдиқлабгина қолмай, балки, уларни маълум даражада бойитди. Жумладан, юқорида тилга олинган сарой ҳовлисидаги ҳовузнинг баъзи-бир қисмлари очилди. Ҳовузнинг қирғоқлари ва ичи ранг-баранг мозаика плиталари билан жуда моҳирона қопланган. Ўз вақтида, кўп йиллар сув ичида турганлигига ва 500 йилдан зиёд ер остида ётганлигига қарамай, ушбу мозаика плиталари ўз ранги ва сифатини аввалгидек сақлаган (1-расм). Сув билан боғлиқ

ер ости коммуникациясини юқори даражадаги инженерлик тажриба асосида амалга оширилганлигига гувоҳ бўламиз, яъни бу ерда ортиқча сувни сарой ташқарисига чиқариб ташлайдиган ер ости сувоқова - тазар тизими фаолият кўрсатган.

Хулоса қилиб айтганда, соҳибқирон Амир Темур асос солган буюк давлат даврида Ғарб билан Шарқ орасидаги ўзаро савдо-сотиқ ва маданий алоқалар юқори поғонага кўтарилади. Марказий Осиё, айниқса, Ўрта Осиё халқлари ҳаётида янги, ёруғ кунлар бошланади. Сиёсий барқарорлик жамият тараққиётини юқори чўққиларга кўтаради. Бу шаҳар қурилишида яққол намоён бўлади. Бу ҳолат айниқса, Самарқанд ва Шаҳрисабз шаҳарларининг янги инфратузилмасини яратилишида ўз аксини топади. Архтектура ва қурилиш ҳамда маҳаллий ҳунармандчилик инновацион янгиликлар билан доимо бойиб бориб, интеграцияга кенг йўл очилади. Натижада, ишлаб чиқариш ва қурилишда янги техника ва технологиялар яратилади. Ушбу янгиликлар Самарқанд ва Шаҳрисабз шаҳарларида қурилган бетакрор саройлар, масжидлар, мадрасалар, боғ-саройлар ва мақбараларда ўз аксини топган.

Фойдаланилган адабиётлар

Алимов Ў. Ўрта асрларда Мовароуннаҳрда боғчилик хўжалик тарихи. Тошкент, 1984.

Анарбаев А.А., Лебедева Т.И. Памятники цитадели Темура // ФДУ илмий ҳабарлари. № 1-2. Фарғона, 1996.

Анарбаев А.А. Архитектурные памятники Самарканда эпохи Темура и Темуридов и их состоянии в 1920-1990 гг. // Мирзо Улугбек и его вклад в развитие мировой науки. Ташкент-Самарканд, 2009.

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. Т. I. М., 1963.

Бартольд В.В. О погребении Тимура. Соч. Т. II, ч. 2. М., 1964.

Бабур З.М. «Бабурнаме». Ташкент, 1993.

Большаков О.Г. Город в конце VIII - начале XIII вв. // Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.

Ибн ал-Асир. Ал-Камил Фи-т-тарих. Ташкент, 2006.

Ибн Арабшох. История Темура. Ташкент, 2008.

Keren L. Tamerlan. Paris, 1989.

Рюи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Темура в Самарканд, 1403-1406 гг. Ташкент, 1990.

Массон М.Е. Соборная мечеть Тимура, известная под именем мечети Биби-ханым. Ташкент, 1926.

Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Шахрисябз при Тимуре и Улугбеке // Труды Среднеазиатского государственного университета. Археология Средней Азии. Ташкент, 1953.

Мўминов И. Амир Темурнинг Ўрта Осиё тарихида тутган ўрни ва роли. Тошкент, 1993.

Немцева Н.Б., Шваб Ю. Шах-и Зинда // Историко–архитектурный очерк. Ташкент, 1979.

Низомиддин Шомий. Зафарнома. Тошкент, 1996.

Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. Ташкент, 1958.

Шарафиддин Али Яздий. “Зафарнома”. Ташкент, 1997.

Якубовский А.Ю. Самарканд при Тимуре и Тимуридах. Л., 1933.

О НОВЫХ СПОСОБАХ МОНТИРОВКИ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ЖИВОПИСИ НА ЛЕССОВОЙ ОСНОВЕ

© 2011. М.А. Реутова
Институт археологии АН РУз

В Отделе химико-технологического исследования и консервации исторических памятников Института археологии АН РУз ведутся работы по реставрации и подготовке к экспонированию фрагментов монументальных росписей на лессовой основе. Завершающим этапом работы по реставрации живописи является монтирование фрагментов на новое основание для экспозиции в музейных выставочных залах.

Извлеченные из раскопов фрагменты раскрашенной лессовой штукатурки уже больше не связаны со стеной и являются самостоятельными объектами, сохранность которых обеспечивается новыми закрепляющими средствами и монтировкой на новое основание. Монтировка должна быть прочной и, по возможности, легкой, долговечной и безопасной для экспоната, иметь довольно прочное сцепление со штукатурным основанием. Кроме того, мы должны учитывать возможность безопасного отделения фрагмента росписи от основы в случае возникшей необходимости.

История монтирования росписей на новое основание прошла несколько этапов. Для этой цели использовались различные материалы. Их выбор в различное время определялся тем ассортиментом, который предоставляло нам химическое производство. Для живописи, открытой в процессе археологических раскопок и снятых со стен или же из завалов, в реставрационной практике применяют два типа монтировки: на жесткую основу с помощью промежуточного склеивающего состава; на жесткую основу, непосредственно связанную со штукатурным основанием. Вопрос о выборе методов монтировки встал перед нами в процессе подготовки к музеефикации росписей эпохи караханидов. Живопись была обнаружена на Афрасиабе в ходе раскопок на нижней площадке цитадели в павильоне дворца караханидского хана. Многолетние работы по расчистке красочного слоя фрагментов росписей (около 800 штук) позволили выявить и собрать отдельные сюжетные композиции, которые украшали стены павильона. Анализ сюжетных композиций показал, что центральной сценой живописи была тронная сцена, которая располагалась, скорее всего, на северной стене. Композиция была выстроена нами из 16 фрагментов. К тронной сцене, возможно, относятся еще 43 фрагмента. Но мы пока не нашли для них обоснованного места.

Благодаря проведенным реставрационным работам удалось частично реконструировать главную сцену. По сюжету она принадлежит к хорошо известному типу проявления верховной власти. Олицетворяет ее правитель, сидящий на троне. В композиции очень четко продемонстрирована иерархия положения каждого персонажа. Каждое действующее лицо сцены занимает свое положение, в зависимости от социального статуса (Карев, 2009. С. 25‑46). Для их передачи, древний художник использует классический набор изобразительных средств. Прежде всего, это размер

изображаемых персонажей. Согласно древним канонам изобразительного искусства главный персонаж изображается самым крупным по размерам, а все остальные - более маленькие. Такой изобразительный прием мы наблюдали еще в живописи Центральной Азии доисламского периода. Так на росписях Афрасиаба VII в. на южной стене главный персонаж (всадник на коне) изображен почти вдвое больше остальных персонажей. На северной стене изображена принцесса, сидящая в лодке. Этот персонаж также большего размера, чем ее служанки. Эта традиция продолжается и в исламском искусстве. А именно, в тронной сцене, в центре которой на троне сидит правитель. Его изображение большего размера, чем окружающих его сановников.

Верхняя сохранившаяся часть тронной сцены оформлена рамкой. Она проходит над головой правителя. Навершие его шапочки упирается в замысловато оформленную рамку. Она представляет сочетание полосы орнамента с красочными "бубликами" и еще одной полосы из сочетания голубого растительного и геометрического орнаментов.

После того, как все фрагменты были нами отреставрированы и собраны в композицию, начался их монтаж на единое основание. В нашей лаборатории в различное время существовало несколько способов монтировки росписей на новое основание. Одним из первых способов монтировки был метод с использованием воско-канифольной мастики. Жестким основанием в этом случае служит лист оцинкованного железа, с загнутыми бортиками, который с тыльной стороны шурупами крепился к решетке, сделанной из деревянных реек. Перед монтировкой живописи на лессовой основе ее тыльную сторону покрывали слоем разогретой воско-канифольной мастики и укладывали на металлический щит. Для лучшего сцепления мастики и основы на фрагменте равномерно располагался груз. Тыльная сторона одного смонтированного фрагмента представлена на рис. 1. При такой монтировке готовый к экспозиции фрагмент росписи получался очень тяжелым. Кроме того, монтировать росписи собранные в большие композиции в данном случае не представлялось возможным.

Рис. 1. Тыльная сторона старого монтажного щита из жести

Поэтому при монтировке росписей Афрасиаба был использован другой метод. Отреставрированная живопись собиралась на щитах из пенопласта. При таком способе монтировки из деревянных реек изготовлялись каркасы, соответствующие по размеру живо-

писной композиции. На этот каркас крепился плиточный пенопласт. Имеющиеся неровности заполнялись мастикой из лесса и 2,5%-ного раствора поливинилбутираля. Готовый щит обтягивался мешковиной, которая затем приклеивалась к его поверхности клеем БФ-6 и затем уже на мешковину приклеивались фрагменты росписей. Швы между росписями мастиковалась доделочной массой. Таким способом мы могли монтировать уже крупные композиции. Некоторые щиты были размером 3,5×2 м и более. С использованием такого метода монтировки была подготовлена к экспозиции в музее истории основания Самарканда всемирно известная живопись из дворца царя Вархумана (Афрасиаб, VII-VIII вв.).

Небольшие фрагменты росписей монтировались непосредственно на плиточный пенопласт. Наиболее удобным для этой цели является пенопласт марки ПХ-4, обладающий большой жесткостью. Исходя из размеров росписей, новое основание можно собрать из двух-трех плит (размеры одной плиты 70×70 см). На стыкующихся сторонах плит выпиливают углубления, соответствующие по размерам деревянным шпонкам. Шпонки помещают в углубления, соединяющие две плиты и приклеивают кашеобразной мастикой на основе клея ПВА и лесса. Швы между плитами заполняют доделочной массой такого же состава. На подготовленную плиту укладывают роспись и очерчивают контуры фрагмента. В границах этой разметки вынимают слой пенопласта на глубину около 1,5 см. Затем в углубление на склеивающую смесь укладывают фрагмент, накрывают слоем бумаги и оставляют сушиться под небольшим грузом. Такой способ монтировки был использован для некоторых фрагментов живописи Афрасиаба, Каратепа и Тавки.

В последнее время развивающиеся современные технологии предоставляют в арсенал реставраторов новые, более эффективные материалы, отвечающие самым строгим требованиям. Так французские специалисты уже с 90-х годов прошлого столетия стали использовать для монтировки фресковой живописи новую методику с применением плиточного ячеистого материала под названием "поликарбонат". В результате совместных работ с французскими коллегами эта методика была впервые использована и для монтировки живописи на лессовой основе. В частности, монтаж караханидских росписей Афрасиаба на единое основание проводился с реставратором из Франции Джеральдин Фрай. В качестве монтажной основы применяли листы "поликарбоната" (рис. 2). При монтаже тронной сцены из нескольких листов "поликарбоната" изготавливался большой щит необходимого размера. Прочность щита обеспечивалась за счет ребер жесткости из металлических реек, крестнакрест прикрепленных на тыльной стороне щита (рис. 3). Размеры щита 1,6×1,5 м. Фрагменты расположили на щите соответственно композиции, по линиям рисунка и рельефу краев фрагментов. Для приклеивания фрагментов использовали эпоксидную смолу.

Вторым крупным фрагментом, который полностью был смонтирован и уже готов для экспозиции, был фрагмент "Лучник". Как предполагает автор раскопа Ю.Карев, эта роспись располагалась на восточной стене павильона. В раскопе фрагмент лежал таким образом, что мысленно подняв его, можно было с достаточной точностью определить, что он находился в углу восточной стены. Это единственный большой фрагмент, который сохранился практически полностью. На фрагменте изображен персонаж, который был помещен в голубую рамку размером 3×1,5 м. Высота персонажа 1,2 м. В руках он держит стрелу с раздвоенным концом. Через правое плечо у него перекинут лук. Персонаж изображен стоя, с приподнятой левой

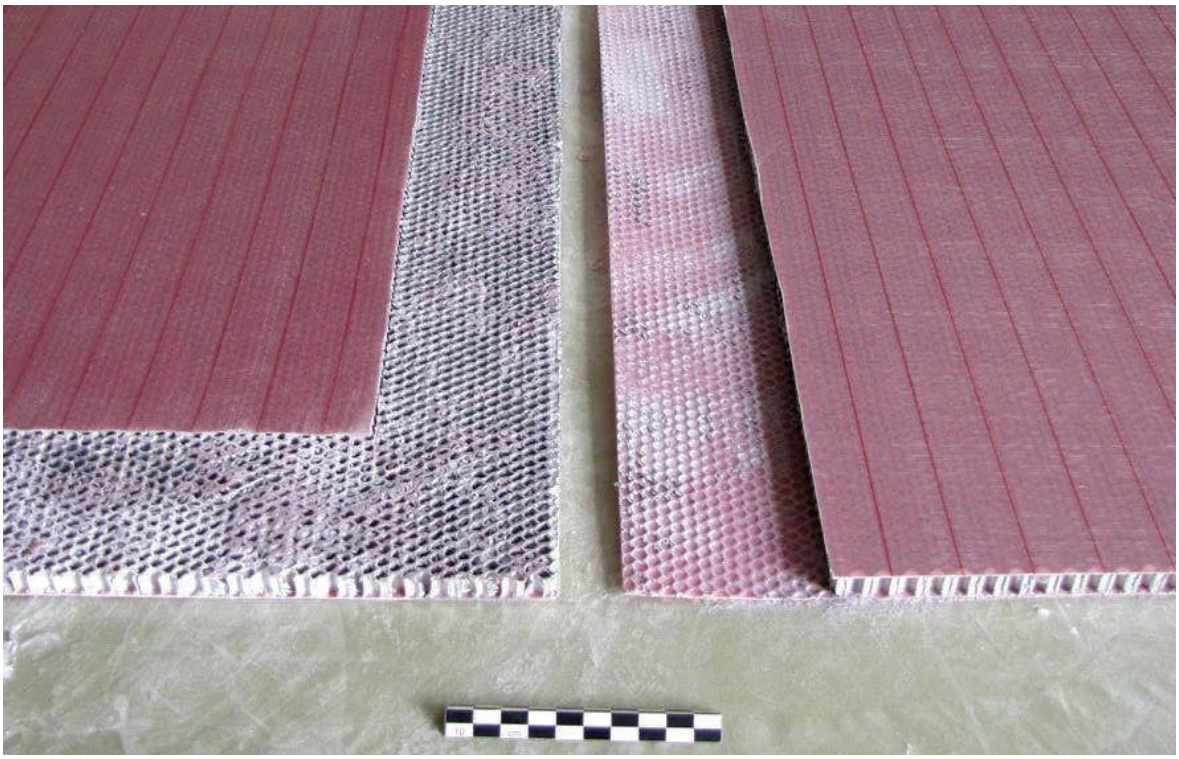

Рис. 2. Листы для монтажного щита

ногой. Как было сказано выше персонаж заключен в голубую рамку. По углам рамки, в сторону персонажа нарисован богатый растительный орнамент, который заканчивается стреловидным завершением. В середине верхнего края рамки также нарисовано украшение в виде замысловатого декоративного орнамента. Остальное поле внутри рамки чисто белого цвета.

Фрагмент был снят в поле пятью крупными фрагментами. Вся его лицевая сторона была покрыта слоем грязноватого ганча, около 3 мм толщиной. После расчистки красочного слоя мы увидели, что этот большой кусок росписи сохранился практически полностью. Однако большая часть лица персонажа утрачена. В раскопе не было обнаружено каких-либо мелких фрагментов от лица. Поэтому можно предположить, что лицо было уничтожено еще в древности, перед нанесением вторичной ганчевой обмазки.

Процесс монтирования этого фрагмента на единую основу включал в себя несколько этапов. Сначала были проведены расчеты размера щита. Нашей целью было восстановить истинные размеры полной рамки, поскольку нижняя ее часть была утрачена за исключением стреловидного навершия углового орнамента в нижнем левом крае. Рассчитав длину углового декоративного убранства от конца стрелки до внешнего угла рамки и ориентируясь на эти расчеты для нижней части рамки, мы определили ее истинные размеры. Для четкости композиции при экспонировании мы взяли запас со всех четырех сторон по 10 см. Таким образом, размеры щита получились 3,1×1,8 м. Стандартного размера плиты соединили в единый большой щит. Для придания ему жесткости с тыльной стороны крест накрест смонтировали металлические рейки. Края щита укрепили металлическими уголками. При окончании сборки щита к его тыльной стороне прикрепили петли для подвешивания щита на стену.

Затем, в соответствии с предварительными расчетами, мы расположили фрагменты росписи на щите, подогнали края кусков друг к другу и обрисовали контуры каждого из пяти фрагментов. После этого поднимали каждый из них, по контурам на щит наносили эпоксидный клей Araldite 2014 и приклеивали фрагмент на определенное для него место (рис. 4). На поверхность фрагментов положили пресс в виде щитов с грузом, который держали в течении суток. После приклейки фрагментов к щиту мастиковались швы между росписями и проводилась мастиковка оставшейся открытой поверхности щита. Для подборки цвета и состава масти-

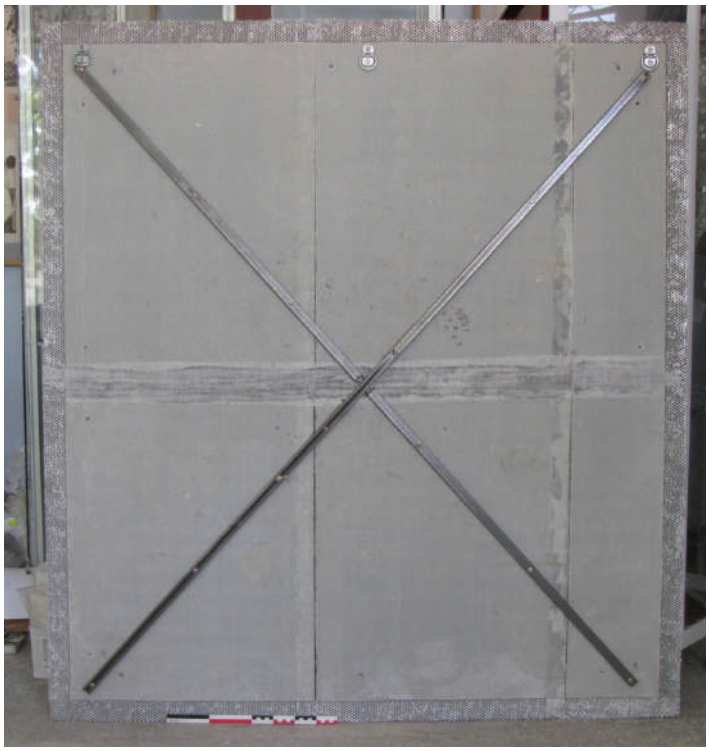

Рис. 3. Тыльная сторона монтажного щита

Рис. 4. Приклеивание фрагментов росписи к монтажному щиту

ковочной массы сначала делались пробные образцы. Из них выбирался оптимальный вариант с подходящим цветом и ровной, однородной поверхностью мастиковки. Для изготовления мастиковочной массы смешивали мел с лессом и в этот состав добавляли одну часть противоусадочного компонента. Приготовленную сухую смесь разводили 50% раствором Acril‑33 в воде до кашеобразного состояния и покрывали ею оставшуюся открытой поверхность щита. После просушки мастики для завершения отсутствующей части рамочной композиции раствором полимера были проведены линии.

Другим, новым способом монтирования росписей на лессовой основе является методика, разработанная специалистами Национального исследовательского Института культурных ценностей в Токио. Этот метод с использованием новых материалов и технологий применялся ими для монтирования на жесткое основание росписей из Калаи-Кахкаха (Консервация…, 2011. С. 127‑139). На тыльную сторону фрагмента, непосредственно на штукатурку, накладывается трехоснонаправленная ткань из вискозного волокна. Она приклеивается водноакриловой дисперсией Plextol B‑500. Затем формируется передняя часть основания из трехосноваправленной ткани из углеродного волокна (Carbon Fiber Triaxial Woven Fabric), которая приклеивается к тыльной стороне фрагмента с использованием эпоксидного клея. Отдельно изготавливается основание для монтируемого фрагмента росписи. Основанием для подготовленного фрагмента служит конструкция из трех составляющих слоев:

1. трехоснонаправленная углеродная ткань, промазанная эпоксидным клеем;
2. шпаклевка на основе фенольных микрошариков и эпоксидного клея;
3. лист пенистого пропилена.

В конечном итоге, фрагмент росписи и подготовленное основание приклеиваются друг к другу силиконовым клеем. Боковые стороны фрагмента мастикуются доделочной массой на основе сложнокомпонентного наполнителя и водного раствора Primal AC 2235.

Японские специалисты считают, что этот метод возможно не является самым лучшим, однако на сегодняшний день он представляет одну из наилучших альтернатив.

Таким образом, прогресс в области производства химических материалов позволяет совершенствовать методы монтировки настенных росписей, делая монтировку более эффективной и безопасной для фрагментов древней живописи.

Использованная литература

Карев Ю.В. Открытие караханидской настенной живописи в Самарканде // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 6. М., 2009.

Консервация настенной живописи Центральной Азии // Материалы семинара «Консервация настенной живописи Центральной Азии». Октябрь 2010. Душанбе, Токио, 2011.

ХАЛҚАРО ҲАМКОРЛИК

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

К ПАЛЕОДЕМОГРАФИИ НАСЕЛЕНИЯ СТАРОГО ТЕРМЕЗА В ЭПОХИ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

© 2011. С.И. Мустафакулов, Т.К. Ходжайов, А.В. Громов
Институт археологии АН РУз., Музей истории основания города Самарканда «Афрасиаб»; Институт этнологии и антропологии РАН; Музей Петра Великого (Кунсткамера) РАН

В истории и культуре народов Средней Азии особое место занимает Термез. Этот один из древнейших городов региона, отметивший в 2002 г. свое 2500-летие, благодаря географическому положению и нахождению на перекрестке торговых дорог, соединявших север с югом, восток с западом, играл важную роль в структуре многих держав древности и средневековья. За свою историю город не раз переживал взлеты и падения. Наибольшего расцвета в своем развитии Термез достиг в эпоху кушан и в предмонгольский период. При кушанах город стал крупнейшим политическим, экономическим, культурным и идеологическим центром северной Бактрии. В этот период площадь его достигала 350 га. Здесь осуществлялись крупномасштабные градостроительные работы, совершенствовались различные отрасли ремесла, развивалась торговля, шел бурный процесс культурной интеграции. На северо-западе города сложился самый крупный буддийский центр, известный в настоящее время как Каратепа. Археологические открытия, сделанные на территории городища Старого Термеза, в настоящее время известны не только в республике, они получили мировое признание. Вместе с тем руины Каратепа таят в себе еще много неизвестного и ждут своих открытий, которые позволят еще глубже понять пути распространения буддизма в Средней Азии, в том числе и в Термезе, роль и место Каратепа в распространении буддизма в Восточном Туркестане, в Китае, Корее и в Японии.

Материал и методика

В данной работе использованы материалы из раскопок разных лет, проводившихся на территории городища Старого Термеза. Все палеоантропологические материалы изучались в полевых или лабораторных условиях С.И. Мустафакуловым и Т.К. Ходжайовым, которыми и были сделаны половозрастные определения. В хронологическом плане материал представлен неравномерно. Имеется несколько серий, датирующихся в пределах I-VI вв. н.э. Затем наблюдается определенная лакуна и более поздний материал относится уже к IX-XV вв. н.э.

Основным методическим приемом, используемым в настоящей работе, является построение таблиц смертности (Ascadi, Nemeskeri, 1970; Weiss, 1973). Материал сгруппирован в пятилетние когорты и финальной когортой считается группа индивидов, умерших в возрасте 50 лет и старше. В случае если данные о возрасте индивидов были представлены в рамках шкалы Infantilis I – Senilis, они были пересчитаны в пятилетние когорты. Для всех исследованных групп данные выровнены с по-

мощью метода скользящей средней. Следует отметить, что применение метода скользящей средней привело к тому, что численность серий изменилась и даже стала дробной, что вполне допустимо, учитывая модельный характер палеодемографических исследований (Swedlung, Armelagos, 1976; Алексеева, Богатенков, Лебединская, 2003). Таблицы смертности рассчитывались отдельно для мужчин и женщин. Кроме того, определялись, средний возраст умерших в группе без учета детей и подростков (АА), процентное соотношение полов (PSR) и процент индивидов старше 50 лет (dx50+). Показатели АА и dx50+ вычислялись на основании данных таблиц смертности, рассчитанных без выравнивания методом скользящей средней, а для вычисления PSR использовались исходные данные. В тех случаях, когда величина dx50+ обсуждается в тексте, речь идет о вычислениях без применения метода скользящей средней. Демографические показатели, связанные с количеством детей не вычислялись из-за недостаточности данных по этой возрастной категории погребенных.

I. Погребальные комплексы эпохи античности

Старый Термез. Каратепа. Северный холм

Серия I–III вв. н.э., состоит из 47 индивидов, в том числе 23 мужчин, 20 женщин и 4 детей (Мустафакулов, Ходжайов, 1993).

В данной группе наблюдается небольшое преобладание мужчин (табл. 1). Пожилых мужчин также больше, чем женщин. Соответственно, средний возраст смерти у женщин на семь лет меньше мужского.

Значения вероятности смерти (qx) у мужчин и женщин довольно сильно различаются в большинстве возрастных когорт (табл. 2, рис. 1). В раннем возрасте вероят-

Таблица 1. Палеодемографические характеристики погребенных в античных и средневековых могильниках на территории Старого Термеза

Памятник	Объем выборки (N)			Процент индивидов данного пола (PSR)		Средний возраст смерти без учета детей (АА)		Процент индивидов старше 50 лет (dx50+)	
	Муж	Жен	Всего	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен
Старый Термез, Каратепа. Сев. холм	23.0	20.0	47.0	53.5	46.5	40.3	33.2	21.7	15.0
Старый Термез, Каратепа. Сев. холм V–VI вв. н.э.	33.0	25.0	72.0	56.9	43.1	38.4	28.3	18.2	0.0
Старый Термез, Каратепа. Западный холм, комплекс А	17.0	14.0	42.0	54.8	45.2	37.5	28.6	5.9	0.0
Старый Термез, Каратепа, Западный холм, комплекс Б	25.0	22.0	53.0	53.2	46.8	36.9	30.9	16.0	9.1
Старый Термез (IV – первая половина V вв, н,э,)	25.0	19.0	51.0	56.8	43.2	33.3	36.4	8.0	15.8
Ст. Термез, за стенами рабада (IX–XI вв.)	16.0	11.0	33.0	59.3	40.7	38.4	33.4	6.3	18.2
Ст. Термез. Ходжа Варрух (IX–XI вв.)	17.0	13.0	44.0	56.7	43.3	37.5	29.0	11.8	0.0
Ст. Термез. Ходжа Варрух (XII – нач. XIII вв..)	12.0	13.0	30.0	48.0	52.0	45.0	32.9	33.3	7.7
Ст. Термез. Ходжа Варрух (XIII–XV вв.)	28.0	24.0	71.0	53.8	46.2	37.0	33.3	3.6	8.3
Средние значения (невзвешенные)	21.78	17.89	49.22	54.78	45.22	38.26	31.78	13.87	8.23

Таблица 2. Показатели таблиц смертности мужчин и женщин, погребенных в могильнике Старый Термез, Каратепа, Северный холм

Возраст	Мужчины					Женщины				
	Dx	dx	lx	qx	Ex	Dx	dx	lx	qx	Ex
15 - 19	0.00	0.00	100.00	0.00	26.14	0.00	0.00	100.00	0.00	20.36
20 - 24	1.00	4.29	100.00	0.04	21.14	3.67	19.64	100.00	0.20	15.36
25 - 29	1.67	7.14	95.71	0.07	16.98	4.33	23.21	80.36	0.29	13.50
30 - 34	3.33	14.29	88.57	0.16	13.15	2.67	14.29	57.14	0.25	12.97
35 - 39	4.33	18.57	74.29	0.25	10.19	1.67	8.93	42.86	0.21	11.46
40 - 44	4.33	18.57	55.71	0.33	7.76	1.33	7.14	33.93	0.21	8.82
45 - 49	3.67	15.71	37.14	0.42	5.38	2.00	10.71	26.79	0.40	5.50
50 +	5.00	21.43	21.43	1.00	2.50	3.00	16.07	16.07	1.00	2.50
Всего:	23.33	100.0	—	—	—	18.67	100.0	—	—	—

Примечание: использован метод скользящей средней

ность смерти у женщин существенно выше, но после 35 лет, напротив, становится ниже, чем у мужчин. В данной ситуации прослеживается влияние репродуктивного периода на смертность женщин. Локальный пик величины qx у женщин приходятся на когорту 25-29 лет, после чего вероятность смерти снижается на протяжении четырех пятилетних когорт. По всей видимости, это свидетельствует о довольно раннем окончании активного репродуктивного периода у женщин.

Распределение величин процента дожития (lx) по разным возрастным интервалам типично для данного хронологического периода (табл. 2). Почти во всех возрастных когортах процент мужчин, доживших до определенного возраста выше, по сравнению с женщинами. 100% величина этого показателя в когорте 20-24 года объясняется отсутствием погребенных юношеского возраста обоего пола. Наибольшие различия между мужчинами и женщинами наблюдаются в среднем возрасте.

Значения ожидаемой продолжительности жизни (Ex) у мужчин и женщин в данной серии из Старого Термеза отражают уже отмеченные особенности популяции (рис. 2). Показатель Ex у мужчин больше женского в ранних когортах, но меньше в

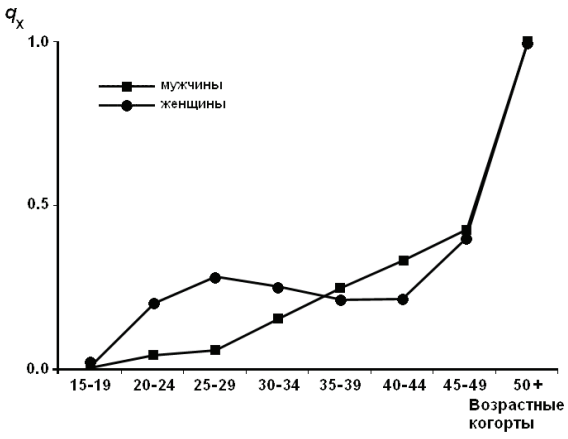

Рис. 1. Возрастная динамика вероятности смерти (qx) у мужчин и женщин в могильнике Старый Термез, Каратепа, Северный холм

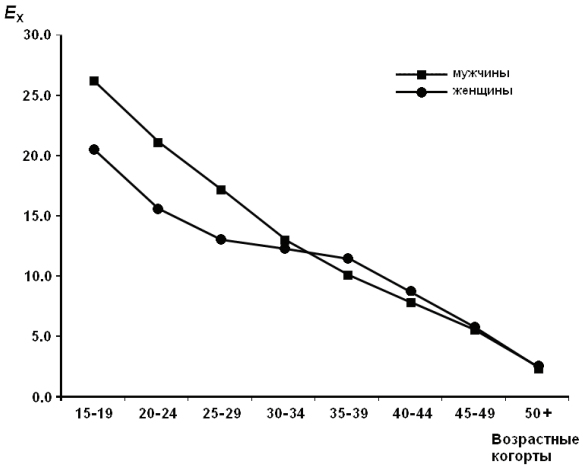

Рис. 2. Ожидаемая продолжительность жизни (Ex) по возрастным интервалам у мужчин и женщин в могильнике Старый Термез, Каратепа, Северный холм

старших когортах, начинающихся с 35-39 лет. Впрочем, после 40 лет величины Ex у обоих полов довольно близки.

Старый Термез. Каратепа. Северный холм. V–VI вв. н.э.

Серия из буддийского храма, относящаяся к концу V – началу VI вв. н.э. состоит из 72 индивидов, в том числе 33 мужчин, 25 женщин и 14 детей (Мустафакулов, Ходжайов, 1993).

В захоронениях с Северного холма Старого Термеза мужские погребения количественно преобладают над женскими (табл. 1). В категории пожилых людей женщины отсутствуют. Соответственно, средний возраст смерти у женщин очень низкий, разница с мужчинами составляет 10 лет.

Сравнение мужчин и женщин по показателям вероятности смерти (qx) в данной серии невозможно из-за полного отсутствия в погребениях пожилых женщин. Гендерные различия по проценту дожития (lx) настолько велики, что позволяют считать женскую выборку нерепрезентативной. Значения ожидаемой продолжительности жизни (Ex) у женщин в данной серии чрезвычайно малы и вряд ли соответствуют истинной структуре смертности населения Старого Термеза (табл. 3). Аналогичные показатели, полученные для мужчин, близки к величинам, характерным для других античных могильников Старого Термеза.

Старый Термез. Каратепа. Западный холм. Комплекс А

Материалы получены в 2001-2002 гг. из подземных помещений Западного холма Каратепа. Серия из погребального комплекса А, относящаяся к концу IV – началу VI вв. н.э., состоит из 42 индивидов, в том числе 17 мужчин, 14 женщин и 11 детей (Мустафакулов, Ходжайов, 2005).

В данной серии также отмечается преобладание мужских погребений над женскими (табл. 1). Кроме того, в ней полностью отсутствуют пожилые женщины и мало пожилых мужчин. Средний возраст смерти мужчин существенно выше, чем женщин. В целом, демографическая ситуация такая же, как и в предыдущей серии. В погребениях комплекса А женские захоронения принадлежат только молодым женщинам, среди мужских встречаются все возрастные когорты, за исключением когорты 15-19 лет (табл. 4). Это связано либо с малочисленностью выборки, либо со спецификой погребального комплекса. В целом сходство данной серии с выборкой из Северного холма очевидно.

Таблица 3. Показатели таблиц смертности мужчин и женщин, погребенных в могильнике Старый Термез, Северный холм, V–VI вв. н.э.

Возраст	Мужчины					Женщины				
	Dx	dx	lx	qx	Ex	Dx	Dx	lx	qx	Ex
15 - 19	0.00	0.00	100.00	0.00	24.84	3.00	12.86	100.00	0.129	14.29
20 - 24	2.67	8.33	100.00	0.08	19.84	5.00	21.43	87.14	0.246	11.02
25 - 29	3.33	10.42	91.67	0.11	16.42	5.00	21.43	65.71	0.326	8.80
30 - 34	4.00	12.50	81.25	0.15	13.21	4.33	18.57	44.29	0.419	6.85
35 - 39	5.33	16.67	68.75	0.24	10.15	3.33	14.29	25.71	0.556	5.00
40 - 44	5.67	17.71	52.08	0.34	7.60	2.33	10.00	11.43	0.875	3.12
45 - 49	5.00	15.63	34.38	0.45	5.23	0.33	1.43	1.43	1.000	2.50
50 +	6.00	18.75	18.75	1.00	2.50	0.00	0.00	—	—	—
Всего:	32.0	100.0	—	—	—	23.33	100.0	—	—	—

Примечание: использован метод скользящей средней.

Таблица 4. Показатели таблиц смертности мужчин и женщин, погребенных в могильнике Старый Термез, Западный холм, комплекс А

Возраст	Мужчины					Женщины				
	Dx	dx	lx	qx	Ex	Dx	dx	lx	Qx	Ex
15 - 19	0.00	0.00	100.00	0.00	22.61	1.00	7.50	100.00	0.08	14.25
20 - 24	1.33	8.51	100.00	0.09	17.61	2.67	20.00	92.50	0.22	10.20
25 - 29	1.67	10.64	91.49	0.12	14.01	3.67	27.50	72.50	0.38	7.33
30 - 34	3.00	19.15	80.85	0.24	10.53	3.33	25.00	45.00	0.56	5.28
35 - 39	3.00	19.15	61.70	0.31	8.02	2.00	15.00	20.00	0.75	3.75
40 - 44	3.67	23.40	42.55	0.55	5.50	0.67	5.00	5.00	1.00	2.50
45 - 49	2.00	12.77	19.15	0.67	4.17	0.00	0.00	—	—	—
50 +	1.00	6.38	6.38	1.00	2.50	0.00	0.00	—	—	—
Всего:	15.67	100.0	—	—	—	13.33	100.0	—	—	—

Примечание: использован метод скользящей средней.

Старый Термез. Каратепа. Западный холм. Комплекс Б

Серия из погребального комплекса Б Западного холма, относящаяся к концу IV – началу VI вв. н.э., состоит из 53 индивидов, в том числе 25 мужчин, 22 женщин и 6 детей (Мустафакулов, Ходжайов, 2005).

В данной серии также отмечается преобладание в погребениях мужчин, однако что касается пожилых людей, то женщин в этой категории не так мало, хотя все же почти вдвое меньше, чем мужчин (табл. 1). Соответственно, средний возраст смерти у мужчин на 6 лет выше, чем у женщин.

Кривые зависимости вероятности смерти (qx) от возраста у мужчин и женщин довольно близки в начальной части графика (рис. 3). В первых трех возрастных когортах отмечается тенденция относительно равномерного повышения величин qx в мужской и женской выборках, которая сменяется слабым понижением в течение одной когорты, и новым повышением. До 45-летнего возраста вероятность смерти женщин выше, а в более старших когортах, напротив, ниже мужской.

Процент дожития (lx) во всех возрастных когортах оказался более высоким в мужской выборке по сравнению с женской (табл. 5). Интересно, что максимальные различия приходятся на период от 30 до 44 лет. Учитывая, что у мужчин процент дожития также сильно уменьшается в ранних возрастных когортах, это обстоятельство трудно интерпретировать как свидетельство влияния репродуктивного периода.

Значения ожидаемой продолжительности жизни (Ex) у мужчин и женщин в данной серии из Старого Термеза отражают уже отмеченные особенности популяции (рис. 4). Показатель Ex у мужчин больше, чем у женщин до 40-летнего возраста. После достижения этого рубежа женщины имели шансы прожить немного дольше мужчин, но их численность к этому времени сильно уменьшалась и

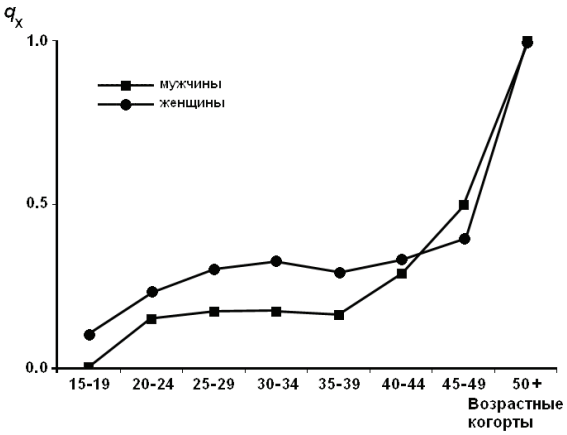

Рис. 3. Возрастная динамика вероятности смерти (qx) у мужчин и женщин в могильнике Старый Термез, Каратепа, Западный холм, комплекс Б

Таблица 5. Показатели таблиц смертности мужчин и женщин, погребенных в могильнике Старый Термез, Каратепа, Западный холм, комплекс Б

Возраст	Мужчины					Женщины				
	Dx	dx	lx	qx	Ex	Dx	dx	lx	Qx	Ex
15 - 19	0.00	0.00	100.00	0.00	22.92	2.00	9.52	100.00	0.10	17.10
20 - 24	3.67	15.28	100.00	0.15	17.92	4.33	20.63	90.48	0.23	13.64
25 - 29	3.67	15.28	84.72	0.18	15.70	4.33	20.63	69.84	0.30	11.93
30 - 34	3.00	12.50	69.44	0.18	13.60	3.33	15.87	49.21	0.32	10.89
35 - 39	2.33	9.72	56.94	0.17	11.04	2.00	9.52	33.33	0.29	9.88
40 - 44	3.33	13.89	47.22	0.29	7.79	1.67	7.94	23.81	0.33	7.83
45 - 49	4.00	16.67	33.33	0.50	5.00	1.33	6.35	15.87	0.40	5.50
50 +	4.00	16.67	16.67	1.00	2.50	2.00	9.52	9.52	1.00	2.50
Всего:	24.0	100.0	—	—	—	21.0	100.0	—	—	—

Примечание: использован метод скользящей средней.

составляла только третью часть от числа достигших 15 лет. Абсолютные значения этой величины в женской части популяции довольно низки. Мужская часть популяции демонстрирует более благополучную картину.

Старый Термез. Серия IV – первой половины V вв. н.э.

В серию объединены погребения из раскопок В.А. Козловского и Б.Я. Ставиского, относящиеся к IV – первой половине V вв. н.э. Она состоит из 51 индивида, в том числе 25 мужчин, 19 женщин и 7 детей (Ходжайов, 1980).

В данной серии из Старого Термеза, несмотря на преобладание в погребениях мужчин, среди останков пожилых людей женских практически вдвое больше (табл. 1). Соответственно, средний возраст смерти у женщин выше, чем у мужчин. Большое количество умерших молодых мужчин обуславливает очень низкий средний возраст смерти в мужской выборке.

Кривые зависимости вероятности смерти (qx) от возраста у мужчин и женщин в данной группе довольно близки (рис. 5). Однако, кроме самой ранней когорты у мужчин, величина qx всегда превышает женскую. Особенно заметна эта величина в среднем возрасте. Такая картина заставляет предположить участие населения, оставившего этот памятник в

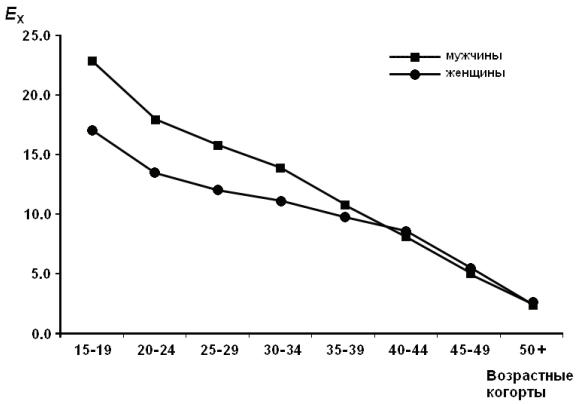

Рис. 4. Ожидаемая продолжительность жизни (Ex) по возрастным интервалам у мужчин и женщин в могильнике Старый Термез, Каратепа, Западный холм, комплекс Б

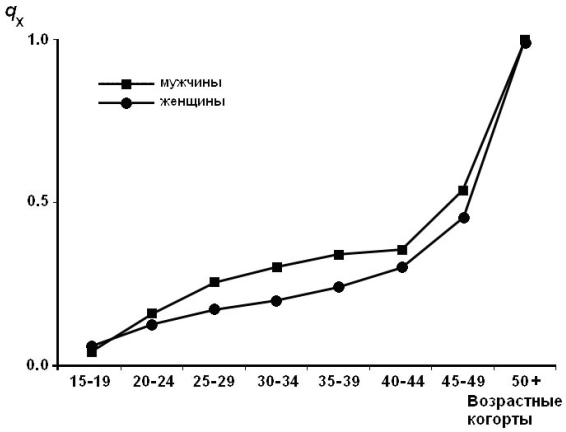

Рис. 5. Возрастная динамика вероятности смерти (qx) у мужчин и женщин в могильнике Старый Термез

Таблица 6. Показатели таблиц смертности мужчин и женщин, погребенных в могильнике Старый Термез (IV – первая половина V вв. н.э.)

Возраст	Мужчины					Женщины				
	Dx	dx	lx	qx	Ex	Dx	dx	lx	Qx	Ex
15 - 19	1.00	4.25	100.00	0.04	19.03	1.00	5.36	100.00	0.05	22.02
20 - 24	3.67	15.57	95.75	0.16	14.77	2.11	11.31	94.64	0.12	18.13
25 - 29	5.00	21.23	80.19	0.26	12.15	2.67	14.29	83.33	0.17	15.25
30 - 34	4.11	17.45	58.96	0.30	10.62	2.56	13.69	69.05	0.20	12.89
35 - 39	3.22	13.68	41.51	0.33	9.03	2.44	13.10	55.36	0.24	10.46
40 - 44	2.33	9.91	27.83	0.36	7.25	2.33	12.50	42.26	0.30	7.92
45 - 49	2.22	9.43	17.92	0.53	4.87	2.56	13.69	29.76	0.46	5.20
50 +	2.00	8.49	8.49	1.00	2.50	3.00	16.07	16.07	1.00	2.50
Всего:	23.6	100.0	—	—	—	18.7	100.0	—	—	—

Примечание: использован метод скользящей средней.

каких-то конфликтах, которые повлекли выбывание мужчин самого дееспособного возраста.

Анализ величин процента дожития (lx) для разных возрастных интервалов демонстрирует нетипичную картину для данного хронологического периода (табл. 6). Почти во всех возрастных когортах процент мужчин, доживших до определенного возраста ниже, по сравнению с женщинами. Только в самых ранних возрастных когортах мужчин больше. Наибольшая разница наблюдается с 35-летнего возраста.

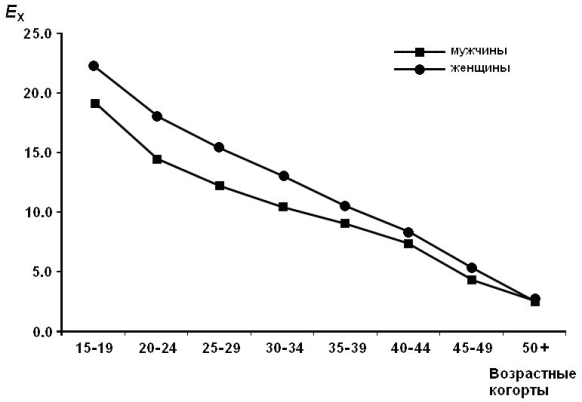

Рис. 6. Ожидаемая продолжительность жизни (Ex) по возрастным интервалам у мужчин и женщин в могильнике Старый Термез

Значения ожидаемой продолжительности жизни (Ex) у мужчин и женщин в данной серии из Старого Термеза отражают уже отмеченные особенности популяции (рис. 6). Мало того, что показатель Ex у мужчин всегда меньше женского, но и абсолютные значения этой величины в мужской части популяции чрезвычайно низки. Женская же часть демонстрирует относительно благополучную картину.

Старый Термез. Чингизтепа I и II

Некрополь, занимающий коридоры и внутрибашенные помещения северной стены с оборонительными сооружениями, расположен на холмах Чингизтепа I и II. Серия, относящаяся к концу V–VII вв. н.э., изученная теми же авторами, состоит из 31 индивида, в том числе 16 мужчин, 8 женщин и 7 детей.

В данной выборке мужчин вдвое больше, чем женщин (табл. 1). Пожилых женщин, как и во многих других термезских сериях, нет. Соответственно, средний возраст смерти у женщин очень низок. Из-за малой численности группы эти показатели можно было бы не принимать в расчет. Однако наличие таких же особенностей сразу в нескольких сериях из Старого Термеза позволяет предположить, что такое соотношение не было случайным.

Характеризуя палеодемографическую обстановку в памятниках античного времени из Старого Термеза в целом, можно отметить преобладание в погребениях мужчин, сравнительно низкий средний возраст смерти, относительно малое число пожилых людей, а также отсутствие в ряде серий пожилых женщин. Все это заставляет нас признать палеодемографическую ситуацию у античного населения Старого Термеза неблагополучной. Однако, скорее всего, на палеодемографические показатели некоторых из рассмотренных серий могли повлиять особенности формирования состава погребенных, связанные со специфическим характером погребальных памятников. Особо следует отметить серию IV – первой половины V вв. н.э., где наблюдается нетипично неблагополучная демографическая ситуация в мужской части популяции.

II. Погребальные комплексы эпохи средневековья

Старый Термез. Могильник за стенами северного рабада

Антропологический материал IX–XI вв. состоит из 33 индивидов, в том числе 16 мужчин, 11 женщин и 6 детей (Мустафакулов, Ходжайов, 2005).

В данной серии количество мужчин примерно на 20% превышает число женщин (табл. 1). Это максимальная разница среди исследованных памятников. Процент пожилых женщин втрое превосходит аналогичный показатель мужчин. Однако, поскольку основная часть женщин относится к возрастной группе Ad., средний возраст смерти у мужчин все равно существенно выше.

Величины вероятности смерти (qx) в данной серии у мужчин с возрастом непрерывно растут, а у женщин вслед за резким повышением, приходящимся на ранние возрастные когорты, наблюдается необъяснимо значительное падение этой величины, приходящееся на когорту 40-44 года (табл. 7, рис. 7). Это падение настолько велико, что его трудно объяснить какими-либо естественными причинами. Скорее всего, дело в недостаточной численности серии. Однако хорошо заметное в данном случае повышение вероятности смерти у женщин в течение репродуктивного периода заставляет предположить, что случайные факторы не повлияли на формирование выборки в целом.

Таблица 7. Показатели таблиц смертности мужчин и женщин, погребенных в могильнике за стенами северного рабада Старого Термеза IX – XI вв.

Возраст	Мужчины					Женщины				
	Dx	dx	lx	Qx	Ex	Dx	dx	lx	qx	Ex
15 - 19	0.00	0.00	100.00	0.00	23.37	0.00	0.00	100.00	0.00	20.42
20 - 24	1.11	7.58	100.00	0.08	18.37	1.78	16.67	100.00	0.17	15.42
25 - 29	1.67	11.36	92.42	0.12	14.67	2.67	25.00	83.33	0.30	13.00
30 - 34	2.22	15.15	81.06	0.19	11.38	1.89	17.71	58.33	0.30	12.50
35 - 39	2.78	18.94	65.91	0.29	8.42	1.11	10.42	40.63	0.26	11.86
40 - 44	3.33	22.73	46.97	0.48	5.81	0.33	3.13	30.21	0.10	10.09
45 - 49	2.56	17.42	24.24	0.72	3.91	0.89	8.33	27.08	0.31	5.96
50 +	1.00	6.82	6.82	1.00	2.50	2.00	18.75	18.75	1.00	2.50
Всего:	14.7	100.0	—	—	—	10.7	100.0	—	—	—

Примечание: использован метод скользящей средней.

Анализ величин процента дожития (lx) для разных возрастных интервалов демонстрирует значительную разницу между полами в среднем возрасте в пользу мужчин (табл. 7). Однако до старости доживает больше женщин.

Значения ожидаемой продолжительности жизни (Ex) у мужчин и женщин из Старого Термеза довольно высоки (рис. 8). Уже после 30-летнего возраста величина Ex у женщин превышает мужскую. У мужчин этот показатель с возрастом изменяется довольно равномерно. Это говорит о мирном характере существования местного населения в средние века.

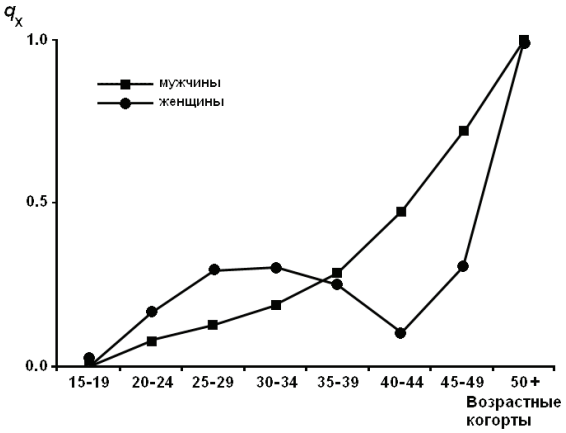

Рис. 7. Возрастная динамика вероятности смерти (qx) у мужчин и женщин из могильника за стенами северного рабада Старого Термеза (IX–XI вв. н.э.)

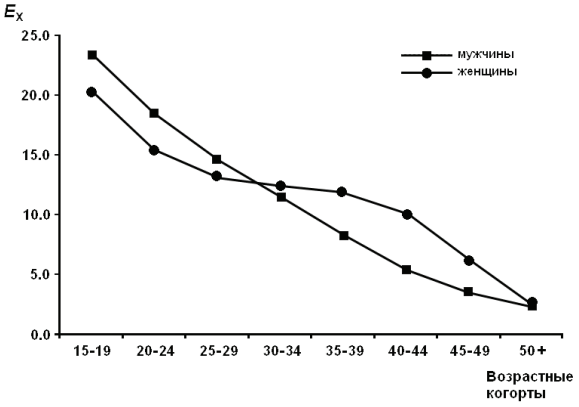

Рис. 8. Ожидаемая продолжительность жизни (Ex) по возрастным интервалам у мужчин и женщин из могильника за стенами северного рабада Старого Термеза (IX–XI вв. н.э.)

Старый Термез. Ходжа Варрух, IX–XI вв.

Средневековое кладбище Термеза Ходжа Варрух расположено в северо-восточной части данного городища. Кладбище занимает довольно большую площадь, вероятно равную 1–2 га. Оно функционировало в течение нескольких столетий и включало три уровня погребений: первого горизонта IX–XI вв., второго XII – начала XIII вв. и третьего верхнего – XIII–XV вв. (Мустафакулов, 2001; Пидаев, Мустафакулов, 1995). Погребенные захоранивались в вытянутом положении, головой на север с небольшим отклонением в ту или иную сторону. На всех трех уровнях скелеты находятся в специальных прямоугольных ящиках, сложенных из сырцовых кирпичей. Серия IX–XI вв. состоит из 44 индивидов, в том числе 17 мужчин, 13 женщин и 14 детей.

В данной серии количество мужчин также превышает число женщин, но не так значительно, как в предыдущей группе (табл. 1). Пожилых женщин в серии вообще нет. Соответственно, разница в среднем возрасте смерти между полами составляет 8.5 лет.

Из-за отсутствия погребений женщин двух последних возрастных когорт сравнение величин qx в мужской и в женской сериях не имеет смысла. Можно отметить существенное превышение величин lx у мужчин во всех возрастных когортах (табл. 8), что также связано с уже отмеченным обстоятельством. Соответственно ожидаемая продолжительность жизни у женщин крайне мала. Вряд ли данная группа может быть источником достоверной палеодемографиической информации.

Таблица 8. Показатели таблиц смертности мужчин и женщин, погребенных в могильнике Старый Термез. Ходжа Варрух, IX–XI вв.

Возраст	Мужчины					Женщины				
	Dx	dx	lx	qx	Ex	Dx	dx	lx	qx	Ex
15 - 19	0.00	0.00	100.00	0.00	23.40	2.00	15.38	100.00	0.15	14.29
20 - 24	1.00	6.00	100.00	0.06	18.40	2.67	20.51	84.62	0.24	11.44
25 - 29	2.67	16.00	94.00	0.17	14.41	2.33	17.95	64.10	0.28	9.30
30 - 34	2.33	14.00	78.00	0.18	11.86	2.67	20.51	46.15	0.44	6.94
35 - 39	3.67	22.00	64.00	0.34	8.91	1.67	12.82	25.64	0.50	5.50
40 - 44	2.33	14.00	42.00	0.33	7.26	1.33	10.26	12.82	0.80	3.50
45 - 49	2.67	16.00	28.00	0.57	4.64	0.33	2.56	2.56	1.00	2.50
50 +	2.00	12.00	12.00	1.00	2.50	0.00	0.00	—	—	—
Всего:	16.67	100.0	—	—	—	13.00	100.0	—	—	—

Примечание: использован метод скользящей средней.

Старый Термез. Ходжа Варрух, XII – начало XIII вв.

Серия состоит из 30 индивидов, в том числе 12 мужчин, 13 женщин и 5 детей.

Хотя количество мужчин здесь лишь на одного меньше, чем женщин, пожилых мужчин больше в четыре раза (табл. 1). Соответственно, средний возраст смерти у мужчин более чем на 12 лет превышает женский. Данная выборка так же, как и предыдущая, представляется нерепрезентативной для проведения палеодемографических исследований.

Старый Термез. Ходжа Варрух, XIII – XV вв.

Серия состоит из 71 индивидов, в том числе 28 мужчин, 24 женщин и 19 детей.

Хотя количество мужчин несколько превышает число женщин, пожилых мужчин более чем в два раза меньше, чем женщин (табл. 1). Тем не менее, это обстоятельство не повлияло на значения среднего возраста смерти, которое у мужчин существенно выше.

График зависимости вероятности смерти (qx) от возраста обнаруживает сходство в характере изменений qx у мужчин и женщин до 35-летнего возраста (рис. 9). Далее следует падение величины qx у женщин, приходящееся на когорты 40-44 и 45-49 лет. Подобное явление мы наблюдали в серии из могильника IX–XI вв. за стенами северного рабада Старого Термеза.

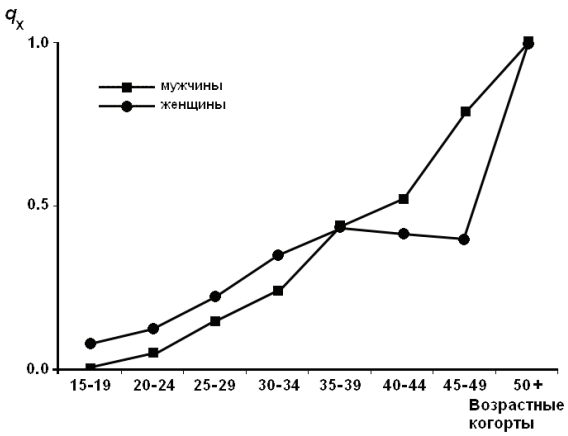

Рис. 9. Возрастная динамика вероятности смерти (qx) у мужчин и женщин в могильнике Старый Термез, Ходжа Варрух, XIII–XV вв.

Анализ распределения величин процента дожития (lx) для разных возрастных интервалов демонстрирует значимую разницу между полами в среднем возрасте в пользу мужчин (табл. 9). Однако, как и в случае с могильником IX–XI вв. за стенами северного рабада, до старости доживает больше женщин.

Значения ожидаемой продолжительности жизни (Ex) у мужчин и женщин из Ходжа Варрух XIII–XV вв. довольно

Таблица 9. Показатели таблиц смертности мужчин и женщин, погребенных в могильнике Старый Термез. Ходжа Варрух, XIII–XV вв.

Возраст	Мужчины					Женщины				
	Dx	Dx	lx	qx	Ex	Dx	dx	lx	qx	Ex
15 - 19	0.00	0.00	100.00	0.00	22.14	2.00	8.22	100.00	0.08	18.60
20 - 24	1.33	4.82	100.00	0.05	17.14	2.67	10.96	91.78	0.12	15.04
25 - 29	4.00	14.46	95.18	0.15	12.88	4.33	17.81	80.82	0.22	11.74
30 - 34	5.33	19.28	80.72	0.24	9.74	5.33	21.92	63.01	0.35	9.35
35 - 39	7.33	26.51	61.45	0.43	7.01	4.33	17.81	41.10	0.43	8.00
40 - 44	5.00	18.07	34.94	0.52	5.43	2.33	9.59	23.29	0.41	7.21
45 - 49	3.67	13.25	16.87	0.79	3.57	1.33	5.48	13.70	0.40	5.50
50 +	1.00	3.61	3.61	1.00	2.50	2.00	8.22	8.22	1.00	2.50
Всего:	27.67	100.0	—	—	—	24.33	100.0	—	—	—

Примечание: использован метод скользящей средней.

близки (рис. 10). В ранних когортах величина *ex* у мужчин больше, но после 35 лет ситуация меняется на обратную. Это соответствует понижению величины qx, отмеченному для данной группы (рис. 9).

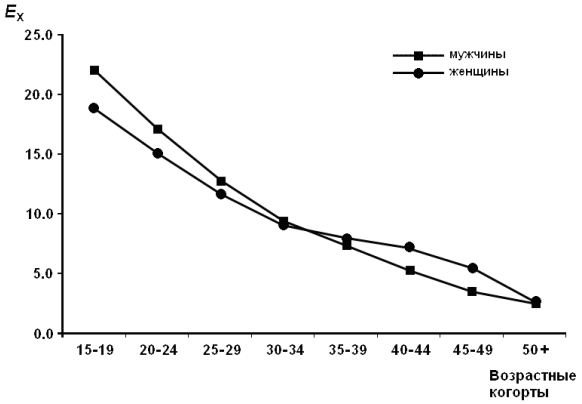

Рис. 10. Ожидаемая продолжительность жизни (Ex) по возрастным интервалам у мужчин и женщин в могильнике Старый Термез, Ходжа Варрух, XIII–XV вв.

Суммируя данные по палеодемографии средневековых могильников Старого Термеза, можно отметить малую репрезентативность имеющегося материала. Тем не менее, имеются некоторые общие закономерности, такие, как снижение величины qx у женщин в когорте 40-44 года, а также отсутствие в ряде могильников погребений пожилых женщин.

Если сравнивать средневековые могильники Старого Термеза с памятниками предыдущего хронологического периода, то можно отметить, что в среднем материалы из этих памятников менее представительны (табл. 1). Соотношение полов в погребениях везде примерно одно и то же. За исключением серии XII – начало XIII вв. из Ходжа Варрух, которую трудно назвать репрезентативной, мужских погребений везде больше. В среднем – на 10%, и по этому признаку нет значимой разницы между античностью и средневековьем. Преобладание мужчин в древних сериях считается обычным явлением. Если исходить из точки зрения о влиянии на соотношение полов большей смертности женщин в таком раннем возрасте, когда определение пола еще затруднено, например, вследствие ранних беременностей (Кислый, Каприцын, 1964), то 10% преобладание мужчин в сериях из Старого Термеза можно объяснить именно этим фактором.

Процент индивидов старше 50 лет в рассматриваемой группе памятников обнаруживает большие вариации. Скорее всего, это объясняется малой репрезентатив-

ностью большинства выборок. Сделать какие-то обобщения на основании этих величин затруднительно. Тем не менее, стоит отметить, что в среднем пожилых мужчин почти вдвое больше, чем женщин.

Средний возраст смерти без учета детей (АА) у мужчин практически во всех могильниках на 5-10 лет больше, чем у женщин. Исключением является только серия IV – первой половины V вв. н.э., где много пожилых женщин. Если же рассмотреть абсолютные величины среднего возраста смерти, то показатель АА для мужчин сопоставим с таковым в синхронных сериях самых разных регионов (см. Алексеева, Богатенков, Лебединская, 2003). Средний возраст смерти у женщин Старого Термеза меньше, чем это наблюдается в большинстве синхронных европейских популяций, соответственно разница между полами по показателю АА в термезских сериях больше, чем в европейских группах.

Использованная литература

Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В. Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). Москва, Научный мир, 2003.

Кислый А.Е., Каприцын И.И. Палеодемография: теория и методика, проблемы и решения. Запорожье, 1994.

Мустафакулов С.И., Ходжайов Т.К. Отчет о полевых работах Отдела этнической антропологии Института археологии АН Уз ССР в 1987-1993 гг. Хранится в архиве ИА АН РУз. Самарканд, 1993.

Мустафакулов С.И., Ходжайов Т.К. Отчет о полевых работах Института археологии АН РУз. Хранится в архиве ИА АН РУз. Самарканд, 2005.

Пидаев Ш.Р., Мустафакулов С.И. Изучение средневекового кладбища Старого Термеза // Бактрия – Тохаристоннинг шахар маданияти. Тезисы докладов. Самарканд, 1995.

Ходжайов Т.К. К палеоантропологии древнего Узбекистана. Ташкент, Фан, 1980.

Мустафакулов С.И. Эски Термиз шахрининг урта асрлар ахолиси хакида (антропологик материаллар асосида) // Термиз: Тарихий тадкикотлар, илмий хулосалар. Тошкент, 2001.

Ascadi G., Nemeskeri J. History of human life span and mortality. Budapest, 1970.

Swedlung A.C., Armelagos G.J. Demographic anthropology. W.C.Brown. Dubuque, 1976.

Weiss K. Demographic models for anthropology. American Antiquity, Vol. 38, N 2, Part 2, 1973.

ЁШ ТАДҚИҚОТЧИ МИНБАРИ

ТРИБУНА МОЛОДОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

ДВОЯКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕХНИКИ ЛЕВАЛЛУА В НАБОРЕ ИНДУСТРИИ ГРОТА ОБИ-РАХМАТ

© 2011. А.М. Омонов
Каршинский ирригационно-экономический институт

Понятие леваллуа появилось в археологической литературе более 100 лет назад. Однако до сих пор ему не дано общепринятого и окончательного определения, не выработано и единого мнения по вопросу леваллуа. Спор на эту тему то затухает, то разгорается вновь (Гладилин, 1991. С. 30-45).

Появление техники леваллуа берет свое начало с середины раннего палеолита около 300 000 лет тому назад. Это преднамеренный способ расщепления указывает на появление концептуального мышления древних гоминидов. Появление данной техники было выдающимся достижением для своего времени. Палеолитические индустрии с примесью техники леваллуа, особенно леваллуа для отщепов и острий широко распространено повсеместно. В этом отношении не является исключением и территория Узбекистана. Классическим примером для изготовления леваллуазских острий являются материалы из грота Оби-Рахмат, на территории Ташкентской области.

И если в самом начале значение термина воспринималось достаточно однозначно, то со временем понятие значительно расширилось, появились различные представления о его объеме и сейчас чуть ли не каждый исследователь имеет свое понимание проблемы.

Как указывает Г. Мортилье, впервые термин «леваллуа» был применен со стороны Ребо для обозначение очень больших и широких отщепов овальной формы с острыми краями, найдены в древнем четвертичном аллювии в Леваллуа-Перре близи Парижа (Мортилье, 1903. С. 575). Впервые более четкие для своего времени определения понятия леваллуа изложены в работах Ф. Борда 50-х - нач. 60-х годов: «Отщеп леваллуа – это отщеп, форма которого предопределена тщательной подготовкой нуклеуса перед снятием этого отщепа» (Bordes, 1961, p. 85).

К нуклеусам леваллуа Ф. Борд относит нуклеусы для отщепов, острий и пластин. Однако, среди исследователей палеолита такое понимание вопроса не получило всесторонней поддержки. С.В. Смирнов помимо нуклеусов для отщепов, пластин и острий относит к леваллуа призматические и пирамидальные нуклеусы (Смирнов, 1978. С. 5-15). М. Баумлер считает леваллуазскими и дисковидными нуклеусы (Baumler, 1988. P. 255-274). Некоторые исследователи – Ю.Г. Колосов, А.Г. Медоев, Н.К. Анисюткин, Х. Диббль и другие приняли точку зрения Ф. Борда, в основном, без оговорок, но подавляющее большинство продолжает вносить уточнения своего понимания этого термина: В.П. Любин – «самое существенное в новой леваллуазской технике расщепления камня – скалывание отщепов в параллельном направлении» (Любин, 1965. С. 7-75). Некоторые исследователи полагают, что нет

достаточных оснований для отнесения к леваллуа пластин и соответствующих нуклеусов. Н.Д. Праслов подчеркивает, что «параллельное скалывание не предопределяет заранее форму отщепа, которую хотелось бы получить мастеру, в то время как именно, к этому сводится сущность леваллуа. К тому же последовательное скалывание с одной или двух площадок – прием, сам по себе очень примитивный, и появляется он гораздо раньше леваллуазской техники расщепления» (Праслов, 1968. С. 68-75).

Эту точку зрения поддерживают Г.П. Григорьев, В.Н. Гладилин, Ю.В. Кухарчук. А. Маркс и.Ф. Волкмен, относя к технике леваллуа только отщепы и острия, а также соответствующие к ним нуклеусы (Marks, Volkman, 1983. P. 13-33). Р.Х. Сулейманов считает леваллуазскими только черепаховидные нуклеусы и сколы с них (Сулейманов, 1972. С. 170).

Сейчас появились новые понятия:

- «Протолеваллуа» - это когда признаки леваллуазской техники не выразительны, либо когда с нуклеусов с фасетированными площадками снимаются довольно крупные, хотя и неправильной формы отщепы.

- «Паралеваллуа» - южно-африканские нуклеусы типа «виктория вест» или «лошадиная подкова» - черепаховидные нуклеусы для отщепов, у которых длина меньше ширины.

- «Эпилеваллуа» - для «нуклеусов – дисков» это пост- среднепалеолитические индустрии Сибири и Дальнего Востока. В данном случае подразумеваются нуклеусы с которых снимались пластины «не в радиальном порядке, как с нуклеусов-дисков мустьерского типа, а только с одного края ядрища (Окладников, 1966. С. 352-372).

- «Потенциальное леваллуа» - «нуклеусы, с которых могу быть сколоты заготовки леваллуазского характера (Ранов, 1989. С. 46-50).

- «Развитое леваллуа»- «получение нескольких конечных продуктов с одной леваллуазской поверхности без переподготовки» (Chabay, Sitlivy, 1993. P. 9-88).

- «Специализированное леваллуа» (или стратегия).

В наборе каменной индустрии Оби–Рахмата найдена большая серия леваллуазских остроконечников. В отношении леваллуазских пластин исследователи памятника выдвигают две различные концепции. По мнению, Р.Х. Сулейманова признается техника леваллуа в узком смысле. Р.Х. Сулейманов считает леваллуазскими только отщепы и остроконечники. Пластинчатая техника им расценивается в качестве протопризматической. Но новосибирские археологи во главе с акад. А.П. Деревянко, понимая технику леваллуа в расширенном смысле, большую часть пластин конвергентной формы и удлиненных остроконечников из коллекции Оби–Рахмата определяют в качестве леваллуазских.

Я склонен придерживаться понятия узкого леваллуа, так как пластинчатое расщепление леваллуа по тезису Ф. Борда не встречается в наборе индустрии Оби-Рахмата.

Использованная литература

Гладилин В.Н. Что же такое техника леваллуа? // Каменный век: памятники, методика, проблемы. Киев, 1989.

Любин В.П. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий // МИА. Вып. 131. Л., 1965.

Мортилье Г.А. Доисторическая жизнь. С-Пб., 1903.

Окладников А.П. Древние поселение на р. Тадуши Удер. Установки и проблема Дальневосточного мезолита // Четвертичный период Сибири. М., 1966.

Праслов Н.Д. Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона. Л., 1968.

Ранов В.А. Парадокс леваллуа // Каменный век: памятники, методика, проблемы. Киев, 1989.

Смирнов С.В. Значение леваллуазской техники в древнекаменном веке // СА. №4. 1978.

Сулейманов Р.Х. Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкет, 1972.

Baumler M. Core reduction, flake production and the middle paleolithique industrie of Zobiste (Yugoslavia). //Upper pleystotsene Prehistory of Western Evrazia. Pensilvania, 1988.

Bordes F. Typologies du paléolithique ancien et moyen. Memoire, n.1. Bordeaux, 1961.

Marks A.E. Volkman T. Chenging core reduction strategies A technologicale shift from the Midle to the upper paleolithique in the southern Livant // Musterienne Legacy. Humain bioculturelle Change in the upper pleystotsen. BAR. IS. 164. Oxfort, 1983.

Chabay V., Sitlivy V. The periodization of core reduction stratagies of rhe ancient, lover and midle paleolithique // Prehistories Evropienne, Vol. 5, 1993.

НАХШАБНИНГ АРХЕОЛОГИК ЖИҲАТДАН ЎРГАНИЛИШИ ТАРИХИДАН

© 2011. А. Яркулов
Самарқанд давлат университети

Нахшабнинг қадимги ва антик давр моддий маданияти нисбатан яхши ўрганилган бўлсада (Сулейманов, 2000; Исамиддинов, Сулейманов, 1984; Исамиддинов, Хасанов, 2000; Кабанов, 1977; Кабанов, 1981), ўрта асрлар, айниқса ривожланган ўрта асрлар даври тўғрисида бундай фикр айтиб бўлмайди.

Қадимги ва ўрта асрларда Қарши воҳаси Нахшаб, бироз араблашган шаклда Насаф деб аталиб, унинг тарихи, маданиятини ўрганиш XIX асрнинг 70-йилларидан бошланган.

Қарши воҳасини ўрганилишини мутахассислар учта катта даврга бўлишади. Биринчи босқич подшо Россияси истибдоди даврига туғри келиб, унда берилаётган маълумотлардаги илмий тизимнинг йўқлиги, уларни узуқ-юлуқлиги билан характерланади (Ражабова, 2006. 2-б.).

Иккинчи босқичи асосан советлар даврига тўғри келади. Бу даврда ёдгорликларни ўрганишда анча қамрови кенг ишлар амалга оширилган (Массон, 1973; Кабанов, 1981; Лунина, 1990; Сагдуллаев, 1989).

Маълумки, Ўрта Осиё археологияси XX асрнинг иккинчи ярмида турли воҳаларнинг кулоллик идишлари «хронологик рамка»сини яратиш бўйича алоҳида илмий изланишлар ўтказилишга эҳтиёж катта эди. Чунки «хронологик рамка»нинг йўқлиги сабабли, археологлар томонидан қазилаётган объектларнинг даврини аниқлашда муайян қийинчиликлар мавжуд бўлган. Шу сабабли, амалга оширилган тадқиқотлар натижасида, Қашқадарё воҳаси бўйича ҳам кулоллик тарихи, идишларнинг муқим даврий санасига бағишланган монография ва диссертациялар юзага келди (Исамиддинов, Сулейманов, 1984; Столярова, 1985; Исамиддинов, Хасанов, 2000). Лекин, бу илмий ишларда асосий эътибор Еркўрғон шаҳар харобасидан топилган археологик материалларга эътабор қаратилганлиги, тадқиқотлар даврий жиҳатдан фақат қадимги ва антик даврларни ўз ичига олиши сабабли, муаммони ярми ҳал қилинган деб эътироф қилиш мумкин.

Худди шу даврларда, Кеш археологик комплекс экспедицияси ходимлари томонидан Олтинтепа, Қаландартепа каби марказий шаҳарлар билан бир қаторда қишлоқ турар жойлари очиб ўрганилди. Шаҳар ҳунармандлари маҳалласида археологик ишлар олиб борилди ва кулоллик, шишасозлик каби ишлаб чиқариш усуллари ҳар томонлама, кенг ўрганилди (Лунина, 1984).

Нахшабнинг археологик жиҳатдан учинчи босқич ўрганилиш тарихи Республикамизнинг мустақиллик йилларига тўғри келади. Мустақилликнинг дастлабки йилларидан бошлаб халқимизнинг улуғ шахслари ва шаҳарлари тарихини, халқ ўтмишини ўрганиш давлат миқёсида амалга оширила бошланди. Бунга

Кашқадарё воҳасининг икки тарихий маданий марказлари Қарши ва Шаҳрисабз шаҳарларининг юбилей саналарини нишонланиши фикримиз далилидир (Шахрисабз, 2002).

Нахшаб ҳудудидаги археологик ёдгорликларни кузатиш ва дастлабки маълумотлар йиғиш ишлари XIX асрнинг 70–йилларидан бошланган. Бу даврда тадқиқотлар юзаки тарзда, ўтказилган бўлиб, у ёдгорликлар тўғрисида афсоналар, оғзаки маълумотлар йиғиш билан чекланган, археологик қазув ишлари ўтказилмаган.

Қашқадарё воҳаси орқали Афғонистонга ўтган рус амалдорлари Яварский, Логофет, Туркистон ҳаваскорлар археология тўгараги аъзолари Л.И. Зимин ва Ж. Кастаньелар Нахшаб ёдгорликларининг географик жойлашуви тўғрисида қисқа маълумотлар қолдирганлар (Исамиддинов, Сулейманов, 1984. С. 4).

1942 йилда Ўрта Осиё Давлат Университети (САГУ) тарих факулътети археология кафедраси аъзолари М.Е. Массон ва Г.А. Пугаченкова Узкомстарис йўлланмаси билан Шаҳрисабзга юборилади. Улар Кеш-Шаҳрисабзнинг XIV-XV асрлардаги тарихини археологик-топографик ва тарихий-меъморий жиҳатдан ўрганиш борасида тадқиқотлар олиб борадилар. Бу илк археологик тадқиқотлар асосан Шаҳрисабздаги меъморий обидаларнинг қурилиш тарихини аниқлаш ва таърифлашдан иборат бўлади.

Г.А. Пугаченкова қадимий хитой манбаларида қайд этилган Сусе шаҳрини Шаҳрисабздан эмас, балки ҳозирги Китобнинг ўрнидан излаш лозимлигини таъкидлайди. Тадқиқотлар давомида Шаҳрисабзнинг топонимикасига оид маълумотлар тўпланади, XVIII-XIX асрлардаги гузарлар номлари келтирилади. Шу йилдан бошлаб Қашқадарёдаги археологик ёдгорликларни ўрганишга қизиқиш ортиб, бир пайтлар Суғднинг марказий шаҳарларидан бири бўлган Шаҳрисабз ҳақида турли илмий фикрлар, қарашлар пайдо бўлади (Исамиддинов, Сулейманов, 1984. С. 4).

1946 йилда Амударё экспедицияси аъзолари А.И. Тереножкин ва Л.И. Альбаум Қарши воҳасида археологик қидирув ишларини олиб борадилар (Исамиддинов, Сулейманов, 1984. С. 4). Улар Ерқўрғон, Кофиртепа, Қалъаи Заҳҳоки Морон, Кўҳна Фазли ва яна бир қанча кичик тепаларни кўздан кечирадилар. А.И. Тереножкин Кофиртепадан топилган моддий маданият ашёларини милоддан аввалги III-II асрларга, Қалъаи Заҳҳоки-Морон ва Ерқўрғонни Кушон даврига тааллуқли деб кўрсатади. Шунингдек, воҳадаги суғориш тизимларини пайдо бўлишини милоддан аввалги I аср бошларига тўғри келишини Эски Анҳор шоҳ ариғи материаллари асосида аниқлайдилар.

1948 йили Б.Я. Ставискийнинг «Қадимги Суғд тарихи ва топонимикасига оид масалалар» номли мақоласи турли хил қарашлар ва мунозарали фикрларнинг туғилишига сабаб бўлади. Мақолада муаллиф Авестода ва ундан кейинги ёзма манбаларда тилга олинган қадимги Суғд ҳудуди Қашқадарё воҳасида жойлашган деган фикрни келтиради. Б.Я. Ставискийнинг мақоласи асосида Қашқадарёда кенг миқёсли археологик кузатув ва қазув ишлари олиб борилади ва бу Нахшабнинг ўрнини аниқлашда муҳим аҳамият касб этади.

Бу даврда С.К. Кабанов томонидан ЎзФА тарих ва археология институтининг топшириғига биноан Қашқадарёда археологик қидирув ва қазув ишлари олиб борилаётган эди. Қашқадарёнинг юқори оқимидаги археологик қидирув ишлари натижасида, Сарой қишлоғидаги илк темир даврига оид Жартепа ва Янгиқишлоқдаги Янгитепада ўтказилган тадқиқотлар, айниқса воҳа қадим тарихини ўрганишда ўз даври учун муҳим бўлади. Чунончи, бу ёдгорликлардан милоддан аввалги I минг

йиллик биринчи ярмига оид сопол намуналари қайд қилинган. С.К. Кабановнинг ушбу тадқиқотлари натижасида, биринчи марта, воҳанинг илк темир ва қадимги давр сопол идишлари тўғрисидаги маълумотлар олинди.

XX асрнинг 50-60 йилларидаги Афросиёб, Варахша, Панжикентда ўтказилган кенг қамровли археологик ишлар Нахшабда ҳам шу тарзда тадқиқотлар олиб борилишига туртки бўлади. Тадқиқотчи С.К. Кабанов ўрта асрларга оид манбаларни ўрганиб чиқиб, Нахшабдан ташқари яна иккита йирик шаҳарни Касба ва Безда харобалари бўлган Касбитепа ва Кўҳна Фазлини ўрганишга киришади. Натижада, хар икки ёдгорлик ҳам асосан ўрта асрларга тааллуқли эканлиги аниқланади. С.К. Кабанов Қашқадарё воҳасини қадимий ва ўрта асрлар ёзма манбаларидан фойдаланган ҳолда археологик топография масалалари билан қизиққан биринчи тадқиқотчи ҳисобланади.

1946-1948 йилларда С.К. Кабанов ўз археологик тадқиқот ишларини асосан Қарши ва унинг атрофларида олиб боради. Бу изланишлар натижасида, араблар босқинига қадар Қарши аҳолисининг сиёсий, иқтисодий ҳаёти, маънавий дунёси ва ва моддий маданияти тарихи хақида кўплаб маълумотлар тўпланади (Исамиддинов, Сулейманов, 1984. С. 4). Тадқиқотчи томонидан Еркўрғон ва Мудинтепада олиб борилган археологик қазишмалар натижасида, бу ҳудудда деҳқончилик маданияти тарихи, экин майдонларининг ўрни, уларнинг хусусиятлари аниқланади. Воҳанинг ғарбий йирик деҳқончилик ва ҳунармандчилик хўжалигига асосланган шаҳарлари Касба ва Безда археологик жиҳатдан ўрганилиб, натижалар мавжуд ёзма манбалар маълумотлари билан солиштирилади. Бу илмий натижаларни олишда С.К. Кабанов тадқиқотларининг ўрни катта бўлди.

Қарши воҳасида олиб борилган тадқиқотлар натижасида С.К. Кабанов илк ўрта асрларда пайдо бўлган қишлоқ манзиллари харобаларини икки гуруҳга бўлади: 1) эрамиздан олдинги ёки эрамизнинг бошларида пайдо бўлиб, бир неча қурилиш даврига эга манзиллар харобалари: Шўртепа, Ойтуғдитепа, Пишактепа, Мудинтепа ва бошқ.; 2) илк ўрта асрларда пайдо бўлиб, ягона қурилиш даврига эга бўлган манзилгоҳлар: Наймантепа, Олтинтепа, Каттепа, Кофиртепа ва бошқ. (Кабанов, 1977).

1949-1950 йилларда С.К. Кабанов бошчилигидаги археология гуруҳи Қашқадарёнинг юқори оқими ҳудудларида қидирув ишларини олиб борадилар. Изланишларда асосий эътибор Китоб шаҳри атрофидаги қадим ва илк ўрта асрларга оид ёдгорликларга қаратилади. Қайнар қишлоғи атрофидаги ғор ва унгурлар (Еттиқиз ва Қирққиз) кўздан кечирилади, Макрид қишлоғидаги Қўрғонтепа ва Китоб шаҳридаги йирик шаҳар харобаси бўлган Қаландартепада археологик тадқиқотлар ўтказилади ва бу ерда милодгача йирик шаҳар – Сусе (хитой манбаларида) жойлашганлиги ва Кеш дастлаб айнан Қаландартепа ўрнида бўлганлиги аниқланади.

Қаландартепа милоддан аввалги II–I асрларда воҳанинг марказий шаҳри сифатида шаклланиб, ундаги ҳаёт XIV-XV асрларга қадар давом этган. Бироқ ҳозирги кунда ёдгорлик Китоб шаҳри янги қурилишларининг остида қолиб кетган ва уни археологик ўрганишнинг имкони йўқ.

1950 йилларнинг бошларида Қарши воҳасидаги илк ўрта асрларга оид қишлоқ манзиллари харобалари: Шўртепа, Негузтепа, Дагайтепада қазув ишлари олиб борилади. Бу ёдгорликлар эрамизнинг I асрида пайдо бўлиб, улардан топилган турли моддий ашёлар-сопол идишлар парчалари, тангалар, ҳайкалчалар мазкур ёдгорликларни ўз даврида муҳим ҳарбий-стратегик ва сиёсий аҳамиятга эга

бўлганлигини, аҳолиси асосан деҳқончилик билан шуғулланганлигини кўрсатувчи маълумотлар олинади.

1955-1958 йилларда Чимқўрғон сув омбори қурилиши режалаштирилаётган ҳудудлардаги археологик ёдгорликларни рўйхатга олиб, уларни тадқиқ этиш масаласини ҳал қилишда ҳам С.К. Кабанов бошчилигидаги археологлар гуруҳи ката ишларни амалга оширадилар (Кабанов, 1977. С. 75-83). Сув омбори ҳудудида 25 га яқин археологик ёдгорликнинг бузилиши хавфи борлиги аниқланади. Олиб борилган тадқиқот ишлари натижасида, бу ҳудудда илк ўрта асрларда ўтроқ ва дашт чорвадор аҳолининг маданий уйғунлашув жараёнидан гувоҳлик берувчи осори атиқалар топилади.

Бу ҳудуддаги археологик изланишлар Кеш археологик-топографик экспедицияси билан Тошкент Давлат университети ҳамкорлигида (М.Е. Массон раҳбарлигида) олиб борилган. С.Б. Лунина VIII-XII асрлардаги Нахшаб тарихий географиясига бағишланган махсус тадқиқот ўтказган ва уни нашрдан чиқарган. Қашқадарё водийси шарқий қисмидаги археологик изланишларни С.К. Кабанов, В.Д. Жуков, Г.Я. Дресвянская, З.И. Усмонова, А.С. Сагдуллаев, Н.Н. Крашенниникова, Н.П. Столярова, П. Ниёзов, И. Бахшицян, О.Н. Лушпенко ва бошқалар олиб боришган. Айтиб ўтиш лозимки, С.Б. Лунинанинг ўрта аср кулоллигига бағишланган илмий мақолалалари бир ёдгорлик топилмаларига ёки қисқа тарихий даврни ўз ичига қамраб олиш билан характерланади. Бунга Шуллуктепада олиб борилган изланишларнинг чекланган ҳажмда ўтказилганлиги ҳам сабаб бўлган бўлса ажаб эмас. Археологик маълумотлар асосан шаҳарлар топографиясига ёки қишлоқ турар жойларининг тузулишига қаратилиб умумлашган ҳунармандчилик муаммоларига алоҳида эътибор берилмайди.

В.В. Бартолъд ва Ле Стренжлар ёзма манбаларга таяниб Насафнинг ўрта асрлар тарихий географияси ҳақида тадқиқот ишлари олиб боришган. Бу тўғрида Л.А. Зимин махсус илмий иш қилган. Ўрта асрлар Насаф тарихий географиясини ўрганиш учун М.Е. Массон ва С.Б. Луниналар тарихий-археологик изланишлар ўтказишган. Насаф ёки Нахшаб ҳудудида ўрта асрларга оид археологик тадқиқот ишларини С.К. Кабанов, Б.Д. Кочнев, Р.Ҳ. Сулаймонов, М. Турабеков, М.Ҳ. Исамиддинов, Л.Л. Букинич, Қ.С. Собиров, Н.Ю. Нефедов, А. Анорбоев, В.А. Пырин, С.Н. Воробьева ва бошқалар олиб боришган.

Афросиёбда шаҳар ҳаётининг юксалиши ҳамда инқирози билан мувофиқ тарзда кечган Суғдиёнанинг «иккинчи пойтахти» Ерқўрғонни (Қашқадарё) тадқиқотчилар юнон-рим тарихчилари томонидан эслатилган Ксениппа вилоятининг марказий шаҳри деб ҳисоблайдилар (Ўзбекистон тарихи, 2003. 81-бет).

С.К. Кабанов Нахшабни Ерқўрғон ўрнида бўлган деб ҳисоблайди. М.Е. Массон фикрига кўра, илк ўрта асрлардаги Нахшаб йирик шаҳарлардан бири Қалъаи Заҳҳоки-Марон бўлиши мумкин. С.Б. Лунина эса илк ўрта асрларда Қашқадарёнинг қуйи оқимида бир-биридан 20 км узоқликда бўлган иккита шаҳар Ерқўрғон ва Қалъаи Заҳҳоки-Марон деярли бир пайтда қурилган шаҳарлар деб кўрсатиб ўтади. Ерқўрғон VI асрда ўз фаолиятини тўхтатган. Ерқўрғонда ҳаёт фаолиятини тўхташига эфталийлар ва турклар ўртасидаги қақшатқич жанглар сабаб бўлган. Қалъаи Заҳҳоки-Марон эса араб истилоси давригача фаолият кўрсатган.

Нахшаб марказий шаҳри, кейинчалик Шуллуктепа, ўрнида қад ростлайди. Бунга асосий сабаб қилиб Ерқўрғон билан бир пайтда уни сув билан таъминлайдиган Рудаксойнинг вайрон этилиши кўрсатилади (Раимкулов, Хидирова, 2007. 262-б.).

Шу ўринда, таъкидлаш лозимки, бу ерда М.Е. Массон ҳам сув танқис бўлганлигини таъкидлаб ўтган: “Насаф рустоқини сув билан таъминловчи ягона, кам сувли Кеш дарёси (Қашқадарё) баъзи йилларда қуриб қоларди. Бундай пайтларда боғлар, полиз ва экинзорлар қудуқ сувидан суғорилган” (Массон, 1973. С. 34).

Қашқадарёдан бирмунча четда жойлашган Еркўрғон шаҳрининг фаолиятини тугатиши, нафақат даврнинг сиёсий воқеалари билан балки, сув танқислигининг асосий муаммога айланиши билан ҳам изоҳланади. Аҳоли ўзлари учун қулай, муҳим ҳаётий зарурат бўлган сув танқислигига учрамаслик учун Қашқадарё бўйида янги шаҳар барпо қилади. Қашқадарё бу шаҳарнинг ўртасидан оқиб ўтиб, уни иккига ажратиб турган. Дарё устига қурилган ягона кўприк Насафнинг ўнг ва чап қирғоқларини бирлаштириб турган (Массон, 1973. С.35).

Археологик тадқиқотларга кўра, Қашқадарё водийсида ривожланган ўрта асрларга келиб аҳоли пунктлари сони қисқаради. Илк ўрта асрлардаги 123 та аҳоли пунктидан ривожланган ўрта асрларга келиб фақат 59 тасида ҳаёт давом этган. IX-XII асрларда йирик ва марказий шаҳарларда ҳаётнинг гавжумлашиши кузатилади (Камолиддинов, 1996. С. 61).

1964-1966 йилларда М.Е. Массон раҳбарлигидаги Кеш археологик-топографик экспедицияси бу ҳудуддаги бир қанча ёдгорликларда: Еркўрғон, Кўна-Фазли, Каспи, Устукдадиза, Қарши ва бошқаларда қидирув ишлари олиб боришади (Сулаймонов, 2000. С. 3). Натижада, кўпгина тарихий манзилларнинг жойлашган ўрни аниқланиб, ёдгорликларнинг стратиграфияси ўрганилади.

1973 йилда Ўзбекистон ФА археология институтининг Р.Ҳ. Сулаймонов бошчилигидаги экспедицияси жанубий Суғднинг антик давр шаҳарлари, жумладан Еркўрғон ва Қалъаи Заҳҳоки-Марон ёдгорликларида иш бошлайди. Шаҳарнинг кулоллар, темирчилар маҳаллалари очиб ўрганилади. Илк бор антик давр сопол идишлар ишлаб чиқариш усуллари археологик материаллар асосида тиклашга ҳаракат қилинади (Туребеков, 1990. 17-19 бетлар).

1971-1972 йилларда Таллисортепада, 1973-1974 йилларда Шуллуктепада ва 1981 йилда Косонтепада археологик ишлар олиб борилган.

Охирги йилларда Афросиёбнинг ҳоким саройида олиб борилган кенг қамровли археологик қазиш ишлари Мовароуннаҳрнинг қорахонийлар даври моддий маданиятини ўрганишда бурилиш нуқтаси бўлиб хизмат қилди. Жанубий Суғд ҳудудидаги Олтинтепада олиб борилган қазиш ишлари эса IX-XII асрларда бу ерда ҳунармандчилик соҳаларининг юксак даражада ривож топганлигини кўрсатди. Қазишмалар натижасида қўлга киритилган кулоллик маҳсулотларидан хум, кўза, тувак, товоқ, қозон ва бошқа шу каби идишлар кўплаб топилган. Уларнинг айримлари қизил ангоб билан, елка қисми чизиқли нақшлар билан безатилган. Шубҳасиз, барча шу турдаги кулоллик маҳсулотлари Олтинтепада ишлаб чиқарилган (Лунина, 1984. С. 80). Топилган ашёвий далиллар бу ерда металлсозлик ва шишасозлик ҳам анча ривожланганлигини кўрсатади. Маҳаллий ҳунармандлар афтидан, турли хил кўринишдаги тақинчоқлар ҳам тайёрлаганлар (Лунина, 1984. С. 87).

Умуман олганда Олтинтепада X-XII асрларда кўпгина ҳунармандчилик соҳалари ривож топганлигини бу ерда олиб борилган қазишмалар натижалари кўрсатиб берди.

Олтинтепа дастлаб V-VI асрларда унча катта бўлмаган қишлоқ сифатида вужудга келади, VII-VIII асрларда шаҳарнинг майдони ўсиб умумий майдони 40 гектарни, унинг марказидаги арк қисми 2,5 гектарни ташкил этган. Кулоллик буюмлари асосида стратиграфик қатламлар даврий санаси ишлаб чиқилган. Олтинтепа Кеш воҳасидаги нисбатан мукаммал ўрганилганнинг ўрта асрлар шаҳар харобаси хисобланади. Унда олиб борилган кўп йиллик тадқиқотлар натижасида, ёдгорликнинг арк-аълоси, шаҳристони ва ҳунармандлар маҳаллалари яхши ўрганилган.

Шундай қилиб, Жанубий Суғд марказий шаҳарларининг ўрганиш даражасини кузатиб қуйидаги хулосаларни билдириш мумкин.

Самарқанд шахар топографиясини Афросиёб мисолида кузатадиган бўлсак, X-XI асрларда унинг ғарбий қисмида деярли инқирозга учраганлиги кузатилади. Маъмурий бинолар шаҳарнинг арк қисми кузатилади холос. Шахарнинг асосий ҳудуди ҳозирги эски шахар ўрнига кўчиб ўтади. Шу сабабли, қорахонийлар даври хунармандчилигини ўрганишнинг имкони йўқ. Шу маънода, Қаландартепа ва Шуллуктепаларнинг кўп қисми сақланмаганлигини хисобга оладиган бўлсак, унда Олтинтепани ўрта аср ҳунармандчилик тарихини ўрганишдаги аҳамияти янада яққол кўринади.

Безда ва Касба, шаҳарлари воҳанинг ғарбий чегара қисмида жойлашган иккинчи даражали савдо шаҳарлари ҳисобланиб, уларга ҳунарманчилик маҳсулотлари ички бозор учун мўлжалланган бўлиши керак. Бунга сабаб, уларнинг майдони нисбатан кичиклиги ва чегара ҳудудида жойлашганлигидир.

Шуллуктепа Насафнинг марказий шаҳри бўлганлаги ва савдо йўлларининг кесишган жойида эканлиги, ҳунармандчиликнинг юқори даражада ривожланганишига сабаб бўлган. Унинг реълефида кулоллар, шишасозлар ва темирчиларнинг маҳалаллари кузатилади. Бундан ташқари ислом дунёсининг машҳур уламолари Насафийларнинг кўплиги шаҳарни Мовараунаҳрдаги илм маърифат ривожланган шаҳарлардан бири эканлигидан далолат беради. Бироқ, кейинги йилларда шаҳар ҳудудида бунёд этилган катта ирригация тармоқлари ёдгорликни деярли кесиб ўтиб, кўп жойини яроқсиз ҳолга келтирган.

Кейинги йилларда Кеш ва Насафнинг ўрта аср шаҳар марказларида олиб борилган кенг қамровли археологик ишлар натижасида қўлга киритилган осори атиқалар асосида, ҳунармандчиликнинг турли соҳаларини ўрганиб уларни бир тизимга келтириш ҳозирги куннинг долзарб масаласи деб ҳисоблаймиз.

Фойдаланилган адабиётлар

Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Ташкент, 2000.

Исамиддинов М.Х., Сулейманов Р.Х. Еркурган (стратиграфия и периодизация). Ташкент, 1984.

Исамиддинов М.Х., Хасанов М.Х. История древнего и средневекового керамического производства Нахшаба. Ташкент, 2000.

Кабанов С.К. Нахшаб на рубеже древности и средневековья (III-IV вв.). Ташкент, 1977.

Кабанов С.К. Культура сельских поселений Южного Согда III-VI вв. Ташкент, 1981.

Ражабова Н.Н. История изучения археологических памятников долины Кашкадарьи (к проблеме становления и развития археологической школы в Узбекистане). Автореф… дисс. канд. ист. наук. Ташкент, 2006.

Ханыков Н.В. Описание Бухарского ханства. С-Пб., 1843.

Берне А. Путешествие в Бухару. М., 1850.

Маев Н.А. Очерки Бухарского ханства. Ташкент, 1875.
Крестовский В.В. В гостях у эмира Бухарского. С-Пб., 1887.
Литвинов Б.Н. Карши. Туркестанские ведомости. №114-116. 1910.
Массон М.Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен. Ташкент, 1973.
Лунина С.Б. Города Южного Согда в VIII-XII вв. Ташкент, 1984.
Туребеков М. Оборонительные сооружения древних поселений и городов Согда (VII-VI вв. до н.э., VII в. н.э.). Нукус, 1990.
Сагдуллаев А.С. Оседлые области юга Средней Азии в эпоху раннего железа (генезис культуры и социально-экономическая динамика) // Автореф…. дисс. док. ист. наук. М., 1989.
Столярова Н.П. Средневековая керамика Кашкадарьинского оазиса XI - нач. XIII вв. Ташкент, 1985.
Шахрисабз. Наследия тысячелетий. Ташкент, 2002.
Шахрисабз. Дресвянская Г.Я., Лунина С.Б., Султанов Х.Т., Усманова З.И. - Ташкент, 1993.
Сулаймонов Р.Х. Нахшаб - унутилган тамаддун сирлари. Ташкент, 2004.
Ўзбекистон тарихи. Тошкент, 2003.
Камолиддинов Ш.С. Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX—начала XIII вв. Ташкент, 1996.
Раимкулов А.А, Хидирова Г. Насаф-Қарши ўрта асрларда // ИМКУ. Вып. 35. Ташкент, 2007.

ТАНҚИД ВА ТАҲЛИЛ

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. ОТАХЎЖАЕВ. ИЛК ЎРТА АСРЛАР МАРКАЗИЙ ОСИЁ ЦИВИЛИЗАЦИЯСИДА ТУРК – СУҒД МУНОСАБАТЛАРИ

(Тошкент. "ART FLEX", 2010, 219 б.)

Ўрта Осиёнинг икки катта ва қадимий этноси туркийлар ва суғдийларнинг ўзаро, серқирра муносабатлари илдизи жуда қадимий бўлиб, уни камида милодий эрадан аввалги I минг йилликнинг ўрталаридан бошлангани ёзма ва археологик манбалар билан аниқланган. Мабодо, айни пайтда академик А. Асқаров томонидан илгари сўрилаётган "Андронова маданияти" соҳибларини туркий элатлар эканлиги ҳақида илмий ғоя тўлиқ ўз исботини топса, ушбу муносабатлар янада қадимийлашиб, унинг муқаддимаси бронза даври билан белгиланиши мумкин.

Милодий V-VIII асрларда содир бўлган иккинчи босқич турк – суғд муносабатларининг юксак чўққиси сифатида эътироф этилиши айни ҳақиқатдир. Чунки бу даврда Ўрта Осиёда бошқа бирорта этнос ҳар жабҳада туркийлар ва суғдийлар каби яқинлашган эмас. Илк ўрта асрларда бу икки этнос ўртасидаги аввало сиёсий, қолаверса ижтимоий – иқтисодий, моддий - маданий, этномаданий каби тарихий жараёнлар туфайли турк – суғд симбиози, яъни биргаликда, бир – бирига фойда келтирган ҳолда яшашдек, ўта ижобий ҳолат вужудга келди.

Суғд – турк муносабатларининг учинчи босқичи XI-XII асрларда, яъни қорахонийлар даврида Мовароуннаҳрга кириб келган чиғил, яғмо, тухси, халлож каби туркий халқлар миграцияси билан изоҳланади.

ЎзР ФА Тарих институти катта илмий ходими, тарих фанлари номзоди Азимхўжа Отахўжаевнинг "Илк ўрта асрлар Марказий Осиё цивилизациясида турк – суғд муносабатлари" номли монографияси айнан турк – суғд муносабатларининг кульминацион чўққиси ҳисобланган иккинчи босқич бу икки этноснинг илк ўрта асрлардаги ўзаро, серқирра алоқалар тарихига бағишланган.

Монография кириш, III боб, 11 та параграф, хулоса, 600 дан зиёд адабиётлар рўйхати, турли жадваллар, хусусан, Суғд, Тоҳаристон, Уструшона, Чоч, Фарғона мамлакатларининг ёзма манбалар бўйича аниқланган мулк ва рустоқлари, туркий ва суғдий мансаблар, унвонлар, нисбалар рўйхати каби иловалар, турк – суғд муносабатларига тааллуқли ҳужжат ва кўргазмали қуроллар намуналаридан ташкил топган.

I боб. " Марказий Осиёда турк - суғд муносабатларининг тарихий илдизлари" деб номланган бўлиб, мазкур боб 4 та параграфдан иборат. Ушбу параграфларда, турк – суғд симбиозида Буюк Ипак йўлининг тутган ўрни, Турк ҳоқонлигининг ташкил топиши ва ҳоқонлик тасарруфидаги туркий ва суғдий халқлар ўзаро муносабатларининг тарихий илдизлари, ушбу алоқаларнинг характерли хусусиятлари, эволюцияси, маънавий ва маданий ҳаёт, ўзаро таъсир, юз берган ўзгаришлар тарихи қаламга олинган.

I боб ва ундаги параграфлар номланишидан ҳам кўриниб турибдики, уларда кўтарилган барча масалалар бўйича узоқ йиллардан буён муайян тадқиқотлар

ўтказилган, маълум мақолалар, илмий асарлар яратилган. Чунки Суғд, эфталийлар ва Турк ҳоқонлиги тарихи ва археологияси билан XIX асрнинг сўнгги чорагидан мунтазам шуғулланиш бошланган бўлса, ўтган деярли 1,5 асрлик вақт давомида ушбу масалалар "теша тегмаган мавзу" мақомидан чиқиб улгурган. Муаллифнинг хизмати шубҳасиз, ушбу масалаларни мухсус илмий муаммо сифатида тадқиқот объектига айлантиргани, уни бир тизимга солгани, яхлит ҳолга келтирганидир.

"Турк ҳоқонлиги даврида Суғдда конфедератив давлат тизими ва маъмурий бошқарув тамойиллари" деб номланган II – боб ҳам 4 та параграфдан иборат бўлиб, ушбу параграфларда Биринчи Турк ҳоқонлиги даврида Суғднинг маъмурий бошқарув тизими, Ғарбий Турк ҳоқонлиги даврида маҳаллий ҳокимликлар ва уларнинг марказий бошқарув тизими, ушбу даврда Суғд маъмурий бошқарув тизимида юз берган ўзгаришлар (асосан туркий мансаб ва унвонларни вужудга келиши) Суғднинг ижтимоий сиёсий ҳаёти ривожида туркийларнинг тутган ўрни каби масалалар кўтарилган.

Ушбу бобда айтиш жоиз бўлган ва янгилик деб кўзга ташланган нарса бу Турк ҳоқонлиги тарихининг даврийлик меъзонларидан келиб чиққан ҳолда босқичларга бўлиниши ва номланишидир. Хусусан, Турк ҳоқонлигининг ташкил топган ва қудратли давлатга айланган 552-603 йиллардаги фаолияти Биринчи Турк ҳоқонлиги номи билан юритилган. Ҳоқонликнинг тадрижий ривожи ва бўлиниши натижасидаги "икки ҳоқонлик", яна эскича ҳолатда Ғарбий (603-742) Шарқий (603-744) сифатида барча боб ва параграфларда берилган. 522 – 603 йиллар орасидаги Турк ҳоқонлиги фаолияти Биринчи Турк ҳоқонлиги сифатида расман илмий-адабиётларида қабул қилингани, ҳақида муаллиф томонидан ишора йўқ. Назаримизда, бу анча муаффақиятсиз ишлатилган атама. Чунки мантиқан олинганда ҳам, Биринчи Турк ҳоқонлигидан кейин тартиб билан иккинчи, учинчи ва ҳ.к. рақамли Турк давлатлари эътироф этилиши керак эди. Яъни, географик жойлашувига нисбат берилиб Ғарбий ва Шарқий ҳоқонлик кўринишида эмас. Қолаверса, Биринчи Турк ҳоқонлиги атамаси орқали ундан олдинги даврларда ўтган Хун давлати, Кушонлар салтанати соҳибларини туркийлар бўлгани ҳақидаги фикрларга раҳна солинади.

II бобда Турк ҳоқонлигининг маъмурий бошқарув тизими, унда мавжуд бўлган мансаб, унвон ва нисбалар суғд ёзуви, урхун-енисей ёзувлари, 1952 йилда Муғулистондан топилган буғут ёзуви, хитой хроникалари ва ушбу масалаларга бағишланган илмий асарлар бўйича ўрганилган. Худди шу маънода Турк ҳоқонлиги даврида Суғд маъмурий бошқарув тизими ўрганилиб, унда VII асрдан бошлаб маҳаллий ҳокимликларда туркий нуфуз ва мавқени кучайиши масалалари ёзма ва нумизматик материаллар асосида баён қилинган.

III боб "Араб истилоси ва халифалик даврида Мовароуннаҳрда кечган этник жараёнларда туркийлар ва суғдийларнинг роли" деб аталади ва мазкур боб араб истилосига қарши курашда суғд маҳаллий ҳокимлари ва турк ҳоқонлиги иттифоқини вужудга келиши (651-715), суғд – турк қаршилик ҳаракатининг иккинчи босқичи (715-751), Мовароуннаҳрда халифалик ҳукмронлигини ўрнатилиши, Суғд конфедерациясининг тақдири, маҳаллий халқлар шаклланишида турк – суғд ассимиляциясининг ўрни каби 3 та параграфдан иборат. Мазкур боб ва ундаги параграфларда сосонийлар Эронининг қўлаши, арабларнинг Хуросонга, Ўрта Осиёга, Маймурғ, Тоҳаристон, Бухоро, Пайкент, Самарқандги юришлари, Қутайби иби Муслим истилоси, Самарқанд сулҳи, Дивaштич қўзғолони ва Суғд конфедерациясининг барҳам топиши, ассимиляция масалалари ушбу бобда ёритилган.

Хулосада монографиянинг асосий мақсади юзасидан бажарилган ишлар бўйича атрофлича фикрлар жамланган.

А. Отахўжаевнинг монографиясида назаримда, илк ўрта асрлардаги турк – суғд муносабатлари етарли даражада очиб берилган. Бунда муаллифни меҳнати катта бўлиб, у 600 дан ортиқ (шундан 159 та хорижий) адабиётни кўриб чиққан ва шу асосида муайян ютуққа эга бўлган, Монографиянинг асосий ютуғи:

- Муаллиф турк – суғд муносабатларига алоҳида урғу бериб уни махсус ўрганиб мавзуга тегишли кичик воқеа ва ҳодисаларни ҳам кўздан қочирмай ушбу масалага йўналтира олган;

- Турк – суғд муносабатларини, нафақат Мовароуннаҳр ёки Ўрта Осиё, балки Марказий Осиё миқёсида ўрганишга ҳаракат қилган. Хитойдаги, Еттисувдаги суғд колониялари хусусиятлари етарли ва сўнгги маълумотлар асосида очиб берилган;

- 751 йилги Хитой агрессиясига қарши суғд, турк, араб қўшинлари ҳамкорликда, биргаликда жангги қизиқарли ва жонли мисоллар билан келтирилган;

- Араб истилосининг муваффақияти янги манбалар асосида изоҳланган ва таҳлил қилинган.

Бир сўз билан айтганда монографияда турк – суғд муносабатлари асосан дўстона кечган деган ғоя борки, эҳтимол бу ғоя бугунги кун сиёсати, ижтимоий ва маданий ҳаёти учун жуда ўринли ва керакли бўлган илмий янгиликдир.

Назаримизда, монографияда баъзи камчилик ва эътирозли ўринлар ҳам мавжуд. Хусусан, муаллиф 5 саҳифада... "туркий ва суғдий тилли аҳолининг ўзаро этномаданий алоқалари Марказий Осиё сиёсий харитасига муайян ўзгаришлар олиб кирди. Минтақада вужудга келган Турк ҳоқонликлари бу муносабатнинг маҳсули эди"- деб ёзади. Ваҳоланки, Турк ҳоқонлиги 522 йилда умуман бошқа географик кенгликда, бошқа сабаблар билан вужудга келгани бу даврда этномаданий алоқа ниҳоятда суст бўлгани оддий ҳақиқатдир.

Шунингдек, 14 саҳифада ... "Фарғона ҳукмдори Алутар 715 йилда Қутайба ёрдамида тахтга чиққан" – деган фикрни келтирган ва О.И. Смирновага иқтибос берган. Муаллиф ушбу фикрни давоми сифатида ... "О.И. Смирновага асосланиб Ғ. Бобоёров Алутар ҳукмронлиги 700-720 йиллар деб аниқлик киритди "- деб ёзади. Бу ўринда муаллифни ўзи ёзганидан Алутар Хўжанд фожеасидан сўнг яъни, 723 йилда арабларга қарши кураш олиб боргани, 726 йилда қўш ҳокимликка барҳам бергани ҳақида Ат – Табарийдан иқтибос келтиради, Хуллас, бу ерда бир – бирига зид фикрлар берилган.

30 саҳифада... "ҳатто антропологик жиҳатдан ҳам туркийлар мўғуллардан кескин фарқланади" - деган кескин жумла мавжуд. Қозоқ, қирғиз ва ўзбекларни баъзи, хусусан, қўнғирот, қипчоқ уруғларида ҳанузга қадар физиологик жиҳатдан монголоид белгиларнинг устуворлигини ҳисобга олсак муаллиф бундай қатъий фикрлардан чекланиши лозим эди.

Монографияга 50 дан ортиқ турли жадваллар, хариталар, тасвирий суратлар илова қилинган. Таассуфки, уларнинг бирортасига монография матнида ишора қилинмаган.

Назаримизда, монография бироз шошма-шошарлик билан нашрга топширилгандек, аслида китоб мазмуни, сифати ва дизайнини янада қиёмига келтириш мумкин эди. Истардикки, бу ишларни монографиянинг мукаммал нусхаси қайта чоп этилаётганда, рус тилига ўгирилиб нашр қилинаётганда муаллиф эътибордан қочирмайди.

М.Ҳ. Пардаев

АХБОРОТ

ХРОНИКА

“ЎЗБЕКИСТОН ТАРИХИНИНГ ДОЛЗАРБ МУАММОЛАРИ ЁШ ТАДҚИҚОТЧИЛАР ТАЛҚИНИДА”

мавзусидаги ёш олимлар илмий амалий конференцияси ҳақида

Ўзбекистон Республикаси Президенти И.А. Каримов томонидан 2010 йилни “Баркамол авлод йили” деб эълон қилиниши барча жабҳаларида бўлгани каби илмий тадқиқот институтларида ҳам бу борада самарали ишлар олиб боришга туртки бўлди. Шу муносабат билан, 2010 йил 26-27 ноябрь кунлари ЎзР ФА Археология институти жамоаси ва “Ёш олимлар кенгаши” ташаббуси билан “Ўзбекистон тарихининг долзарб муаммолари ёш тадқиқотчилар талқинида” мавзусида Республика ёш археолог ва тарихчи олимларининг илмий анжумани ташкил этилди. Анжуманда юртимизнинг олий ўқув юртлари ва илмий муассасаларидан ташриф буюрган 40 дан зиёд ёш олимлар билан бирга таниқли археолог, тарихчи олимлар иштирок этишди.

Анжуманни институт директори А.Э. Бердимуродов очиб берар экан, у конференция иштирокчиларини табриклаб, ўз нутқида мустақиллик даври ёш тадқиқотчиларнинг камол топиб ривожланишига катта туртки бўлганлиги ва ҳозирги фан тараққиётида ёшларга катта эътибор берилаётганлиги, бундай конференцияларнинг ўтказилиши ёшларни келажакда етук мутахассисларга айланиб, тарихимизнинг кам ўрганилган соҳаларини ўзларининг илмий ишлари билан бойитишларига ёрдам беришини таъкидлаб ўтди. Ундан сўнг сўзга чиққан ЎзР ФА академиги, А.А. Асқаров ҳам ёш олимларни анжуман очилиши билан табриклар экан, Ўзбекистон археологияси ўз мактабига эга эканлиги, узлуксиз равишда ривожланиб келаётганлиги ҳамда бунда ёш тадқиқотчиларнинг ўрни муҳим бўлиб, улардан фақат изланувчанлик ва ўз соҳасининг билимдони бўлиш талаб қилинишини алоҳида қайд этиб ўтди. Академик сўзини давом эттирар экан, ёш тадқиқотчиларнинг фаолиятидаги энг аҳамиятли фазилат бу тадқиқотнинг туб моҳиятини кўрсата бера олиши, мустақил илмий позицияга эга бўлишга интилишдир. Зеро, мустақилликнинг бизга берган олий неъматларидан бири-эркин фикр юритишдир, деб ёшларни янгидан янги тадқиқотларга ундади. Кейин сўзга чиққан СамДУ профессори М.Ж. Жўрақулов, ФарДУ профессори М.Ҳ. Исамиддинов, институтнинг етакчи илмий ходимлари М.Ҳ. Пардаев, А.А. Анорбоевлар ҳам анжуман иштирокчиларини табриклаб, ёшларга ўз тилакларини билдириб ўтишди.

Шундан сўнг анжуманнинг асосий қисми бошланиб, юртимизнинг турли илмий муассаса ва олий ўқув юртларидан келган ёш олимлар учта - археология, тарих ва манбашунослик ҳамда этнография шўъбаларига бўлинган ҳолда конференция ишини давом эттирдилар. Шуни ҳам алоҳида қайд этиш лозимки, конференцияда нафақат, аллақачон фанда катта тажрибага эга бўлган, жамоатчиликнинг эътиборига тушган ёшлар, балки, илм йўлига эндигина дастлабки қадамларни қўйган ёш тадқиқотчи ва аспирантлар ҳам иштирок этишди. Бу эса ўз навбатида уларга тажриба орттириш ва илм-фан кўникмаларини ошириш имконини берди. Шу туфайли, конференциядаги ҳар бир маърузa иштирокчилар томонидан юқори баҳоланиб, қизғин баҳс ва муҳокамаларга сабаб бўлди. Хусусан, Археология шўъбасида О. Эргашев (СамДУ) томонидан қилинган

"Кўкаёз устахоналарининг ўрганилиш тарихи" мавзуидаги маърузада Кўкаёз ёдгорликлари хронологияси борасидаги янги фикрлари нафақат ёшлар, балки тош даврининг етук мутахассисларида ҳам катта қизиқиш ўйғотиб, қизғин баҳс мунозараларга сабаб бўлди. Шунингдек, А. Кубатиннинг (ЎзР ФА Шарқшунослик институти) - "Заметки к некоторым сюжетным параллелям на монетах Западно-Тюркского каганата и сасанидских геммах" номли маърузасида Ғарбий Турк ҳоқонлиги томонидан Чоч воҳасида зарб этилган мис тангалар ва Сосонийлар муҳрлари иконографиясида ўхшашлик таҳлил қилиниб, улардан 5 та типида "шоҳона саҳналар"нинг ўхшашлиги кузатилиши ва бу ҳолат ўша давр дунё халқлари тасвирий санъатида йирик салтанатлар учун анъанавий бўлган "империал сюжетлар" кўчиши билан изоҳланиши борасидаги янги фикрлари иштирокчилар орасида алоҳида қизиқиш ўйғотди. Б.Ғ. Қурбоновнинг (ЎзР ФА Археология институти) - "Металлические изделия в коллекциях Бухарского государственного музея-заповедника (IX–XIX вв.)" номли маърузаси Бухоро Давлат музей-кўрикхонаси фондларида сақланаётган, IX-XIX асрларга оид бой металл буюмлар жамланмаси тадқиқотига бағишланди. Тадқиқотчи материаллар асосида турли хилдаги металл буюмларнинг ривожланиш босқичлари, уларнинг шакли ва безатиш услубидаги ўзгаришлар, ишлаб чиқариш жараёнини қайта тиклаш, уларнинг Бухоро ижтимоий ҳаётида тутган ўрни каби масалаларга ўзининг янги фикларини билдириб ўтди. Тарих ва манбашунослик шўъбасида Ф.Э. Тошбоевнинг (Жиззах ДПИ) - "Кўчманчи чорвадор халқлар ижтимоий сиёсий тузумининг ўзбек давлатчилиги анъаналаридаги ўрни" мавзуидаги давлатчилик борасидаги, этнография шўъбасида эса М. Утебаевнинг (ЎзР ФА тарих, археология ва этнография институтининг Қорақалпоғистон бўлими**)** - "Некоторые сведения об этикете гостеприимства и застолья в быту каракалпаков" мавзуидаги маърузаларида Қорақалпоғистон туманларидан йиғилган этнографик манбалар асосида маҳаллий халқларнинг меҳмондорчилик билан боғлиқ урф одатлари ҳақида янги маьлумотлари анжуман иштирокчиларида катта таассурот қолдирди.

Илмий анжуман якунида сўзга чиққан устоз ва ёш олимлар анжуманнинг жуда ҳам қизиқарли ўтганлигини алоҳида таькидлаб ўтишди. Хусусан, сўзга чиққан Б. Саьдуллаев (Хоразм Маьмун академияси), С.Т. Мирсоатова (Фарғона ДУ), Ф. Тошбоев (Жиззах ДПИ), С.Т. Саипов (Қорақалпоқ ДУ), А. Яркулов (СамДУ) конференция кўтаринки руҳда ўтганлиги таькидлаб, ёшлар номидан конференцияни ўтказишда катта ёрдам берган ва унинг материалларини тўплам сифатида "Ўзбекистон тарихининг долзарб муаммолари ёш тадқиқотчилар талқинида" номи билан чоп этиб, уни конференция иштирокчиларига тақдим этган институт раҳбариятига ўз миннадорчиликларини билдирдилар.

Шу тариқа икки кун давом этган конференция ўз ишини тугатиб, унинг хулоса қисмида конференцияни, эндиликда аньанавий равишда ҳар йили, нафақат республика, балки халқаро миқёсда ҳам ўтқазилиши лозимлиги келишиб олинди.

К.А. Раҳимов,
М.М. Саидов

“ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ҲУДУДИДА 2010 ЙИЛДА ЎТКАЗИЛГАН АРХЕОЛОГИЯ ТАДҚИҚОТЛАРИ НАТИЖАЛАРИГА БАҒИШЛАНГАН ҲИСОБОТ СЕССИЯСИ”
йиғилиши ҳақида Самарқанд, 31 март – 1 апрел 2011 йил

Ўзбекистон Республикаси Маданият ва спорт ишлари вазирлигига қошидаги Маданий мерос обектларини муҳофаза қилиш ва улардан фойдаланиш Бош бошқармаси (Р. Мансуров) ва ЎзР ФА Археология институти Дала тадқиқотлари қўмитаси расмий маълумотларига кўра, ўтган 2010 йилда республикамиз ҳудудидаги 30 та ёдгорликда археологик қазув, қидирув тадқиқотлари олиб бориш учун амалдаги қонунларга биноан “Рухсатнома” берилган. Шу муносабат билан, 2010 йил археологик дала мавсумига бағишланган анъанавий, йиллик ҳисобот сессияси жорий 2010 йилнинг 31 март – 1 апрел кунлари ЎзР ФА Я. Ғуломов номидаги Археология институтида бўлиб ўтди.

Йиллик ҳисобот сессиясининг ялпи мажлисини институт директори А.Э. Бердимуродов очди ва у ўз сўзида сессия қатнашчиларини қутлаб, ўтган 2010 йилги археологик тадқиқотлар ва уларнинг натижалари ҳақида қисқача маълумот берди.

Шундан сўнг, сўзга чиққан академик А.А. Асқаров ўзбек археология мактаби, унинг мустақиллик йилларида эришаётган муваффақиятлари, профессор М.Ж. Жўрақулов Олий ўқув юртларида археология фани ихтисослиги бўйича кадрлар тайёрлаш, талабаларнинг ўқув дала амалиётини ўташ масалалари бўйича фикр билдирдилар ва сессия ишига муваффақият тиладилар.

А. Анарбаев раислигида бошланган эрталабки мажлисда А. Асқаров Тошкент вилояти Оҳангарон туманида, Б. Турғунов Сурхандарёдаги Холчаён К. Шейко Дабил қўрғон ёдгорликларида, А. Бобохўжаев Ҳаким ат – Термизий ансамблида, М. Жўрақулов, Н. Холматов Самарқанд вилоятидаги Очилғор маконида ўтказилган археологик тадқиқотлар хусусида ҳисобот бердилар.

А. Асқаров раислигида ўткан кечки мажлисда отряд бошлиқларидан С. Баратов (Хоразм вилояти Мешекли, Уч ўчоқ ёдгорликлари), Г. Иванов (Фарғона вилояти Қува ёдгорлиги), М. Пардаев, И. Убайдуллаев, З. Холбоев, Ф. Тошбоев (Жиззах вилояти Қизлартепа, Жумабоботепа, Ёқуббоботепа ёдгорликлари, Ғулбо мозорқўрғони), М. Исамиддиновларнинг (Самарқанд вилояти Булунғур, Жомбой, Пастдарғом туманларида қидирув) ҳисобот маърузалари тингланди ва ушбу ҳисоботлар бўйича қизғин савол-жавоблар, мухокамалар ўтказилди.

Йиллик ҳисобот сессияси ишида Ўзбекистон Республикаси ҳудудида фаолият кўрсатаётган бир қатор халқаро экспедициялар ҳисоботи М. Исамиддинов раислигида ўтказилган 1 апрел кунги кундузги мажлисда тингланди. Хусусан, А.Э. Бердимуродов Ўзбекистон-Япония халқаро экспедициясининг Добусия қалъасида, Ж. Мирзааҳмедов Ўзбекистон - Италия, Ўзбекистон-Франция, Ўзбекистон – Россия халқаро экспедицияларининг Бухоро вилоятидаги Вардонзе, Пойкенд, Уч кулоҳ ёдгорликларида, М. Ҳасанов Ўзбекистон – Франция-Суғд халқаро

экспедициясининг Қашқадарё вилоятидаги Сангиртепа ёдгорлигида олиб борган археологик қазув тадқиқотлари бўйича батафсил маълумот бердилар. Шунингдек, ушбу мажлисда А. Грицина, Ф. Тошбоевнинг Зомин отряди, М. Ҳасанов, С. Мустафақуловнинг Афросиёб отряди, С. Мустафақулов, У. Раҳмоновнинг Жарқўтон отряди ҳисоботлари ҳам тингланди.

Икки кун давом этган ҳисобот сессияси якуний хулосаларида республикамизда ўтказилаётган археологик тадқиқотларнинг кўлами, методологик усуллари, қазув ишларининг умумий сифати, топилмаларни қайд этиш, рўйхатга олиш, мутасадди ташкилотларга топшириш ва очилган объектларни дастлабки консервацияси ҳолати аввалги йилларга нисбатан яхши йўлга қўйилгани таъкидланди. Шунингдек, Фарғона вилояти Қува шаҳар ёдгорлигидан (Г. Иванов), Самарқанд вилоятидаги Очилғор ёдгорлигидан уни неолит даври жамоаларининг сиғиниш макони эканлигини тасдиқловчи артефактларни топилиши (Н. Холматов), Жиззах вилояти, Ғаллаорол туманидан (Ғарбий Уструшона) биринчи марта 10 дона, илк ўрта асрларга оид (VII-VIII) остадонлар мажмуасини қайд этилиши (М. Пардаев) 2010 йил археология мавсумининг ноёб топилмалари, илмий янгиликлари сифатида эътироф этилди.

М. Пардаев

БИЗНИНГ ЮБИЛЯРЛАР

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

КАЗИМ АБДУЛЛАЕВ – УЧЕНЫЙ, АРХЕОЛОГ, ИСКУССТВОВЕД

В сентябре 2010 года в Институте археологии прошла международная конференция «Античная и раннесредневековая культура Узбекистана», посвященная 60-летию со дня рождения и 35-летию творческой деятельности крупного ученого, знатока археологии, древней культуры и искусства Узбекистана Казима Абдуллаева.

Археологическая деятельность Казима Абдуллаева началась в 1975 году, когда выпускник Горьковского государственного университета в день своего двадцатипятилетия впервые переступил порог Института археологии АН Узбекистана. Первый свой сезон он работал художником, далее, до 1979 года - лаборантом. Сезоны 1976, 1977, 1978 гг. он провел в Бухарской области, составляя свод археологических памятников совместно с Пулатом Валиевым, которого считает своим первым учителем полевой археологии.

В 1979 году он был направлен на стажировку в Институт археологии в Москве, по окончании которой поступил в аспирантуру в том же Институте. В 1986 году успешно защитил диссертацию на тему «Коропластика Бактрии-Тохаристана в античную и раннесредневековую эпохи» (научный руководитель Г. Кошеленко, оппонент Б. Ставиский).

Еще в студенческие годы он изучил английский и итальянский языки; при поступлении в аспирантуру, легко сдав кандидатский минимум по английскому, он начал изучать французский, так как на этом языке писали видные исследователи Средней Азии и была накоплена богатая археологическая литература. За годы аспирантуры Казим Абдуллаев овладел французским на хорошем уровне, и продолжал совершенствовать его, чему способствовали стажировки в Париже и успешно, с оценкой «très bien» законченные курсы в L'Étoile Centre de Langue et Vie Françaises.

Основной сферой его полевой работы в эти и последующие годы стала Бактрия; он участвовал в раскопках в Старом Термезе, на Зартепа, Хайтабадтепа, Мирзакултепа, Зартепа, на Куёвкургане, Паёнкурган, Джандавляттепа и ряде других античных и раннесредневековых памятников.

Казим Абдуллаев участвовал также в зарубежных раскопках – во Франции, на городище Бибракт галло-римского времени, памятнике эллинистического времени Дура-Европос в Сирии, на городище Апамея на берегу Евфрата в Турции, ныне уже затопленном при строительстве плотины.

В сезоне 2011 года он участвовал в раскопках согдийского памятника эллинистического времени Кой-тепа в Пастдаргомском районе Самаркандской области совместно с итальянскими коллегами.

Казим Абдуллаев – член престижного Institute for Advanced Study в Принстоне (США) 2004-2005 и 2007-2008 гг., является ассоциированным членом Centre National des Recherches Scientifique (Франция), а с 2010 г. – Senior Fellow of the Institute for the Study of the Ancient World Нью-Йоркского университета. Он многократно

приглашался в качестве visiting professor для чтения лекций и проведения семинаров в университеты и институты Европы и США.

Круг его научных интересов расширяется с годами: политическая история древней Бактрии, искусство, вопросы религии и идеологии древних народов, населяющих Среднюю Азию, храмовая архитектура, нумизматика и многое другое. Его научный подход отличается глубиной и обстоятельностью анализа, оригинальностью мышления и изложения. Ему часто удается решить загадки, над которыми ломали головы многие исследователи. Вот один из примеров: встречающиеся иногда городские стены при отсутствии городской застройки вызывали недоумение археологов, копавших такие памятники. Казим Абдуллаев объяснил этот феномен существованием «кочевых городов», состоявших из юрт и кибиток, разбитых в кольце городской стены – сезонные и стационарные города кочевников, позволявшие вести частично оседлый образ жизни при сохранении мобильности. Его доказательства обычно безупречны и неопровержимы. Благодаря Казиму Абдуллаеву прояснены многие аспекты жизни древнего общества и восполнена не одна историческая лакуна в изучении материальной и духовной культуры Узбекистана.

Зарубежные исследователи, известные европейские и американские ученые, живо откликнулись на юбилей друга и коллеги. Некоторые из теплых отзывов, полных уважения и признания, мне хочется привести.

Пьерфранческо Калльери, профессор Болонского университета:

«… Я вспоминаю нашу первую встречу в Италии, и как сильно я был удивлен Вашими глубокими познаниями итальянской культуры, а также был поражен тем, как Вы цитировали на оригинальном итальянском языке великого поэта Данте…»

Дэвид Ф. Граф, Профессор Античной Истории. Университет Майами, Флорида:

«…Он джентльмен и ученый… Его великолепный вклад в историю Узбекистана высветил важную роль региона в более широком международном мире древности и явился богатым свидетельством его посвящения своей Родине»[1].

Тельман Касымович Ходжайов, главный научный сотрудник Института этнологии и этнографии Российской Академии наук:

«… то, что именно ты занимаешься этим аспектом науки, представляется особым знаком, указывающим на твою особую роль в этой области науки. Ты понял миссию человека как художника, как создателя великих произведений искусства, как творца и двигателя древних и современных цивилизаций».

Франц Грене, директор по научной работе в CNRS, корреспондент Академии письменности и Изящной словесности:

«…С наших первых контактов, Поль Бернар и я были ошеломлены широтой исторических и археологических знаний Казима, а также количеством европейских языков, которыми он владел: французским, английским, итальянским, немецким (возможно, я что-то упустил!). Помимо его особенных дарований, его исследования шли по нетипичному научному пути: учась в Горьковском университете (который сейчас вновь стал университетом Нижнего Новгорода) свою первую университетскую работу он посвятил творчеству Джотто Флорентийского. Это первоначальное поле деятельности позволило ему сохранить особый взгляд на ху-

[1]Здесь и далее переводы посланий с английского и французского на русский языки выполнены Ю. Раевской

дожественные объекты, который позволяет ему очень часто увидеть то, чего другие до него не могли увидеть. Яркое и новое подтверждение этому он дал два года тому назад в ходе его сообщения об иконографии Геракла в Средней Азии, сделанное им по приглашению Поля Бернара в Академии Письменностей и Изящной словесности. (…) Научные качества Казима принесли ему заслуженную международную известность, которая отражается и на Институте археологии, в котором он работает. Он неоднократно посещал Париж и многократно представлял свою научную деятельность в виде семинаров в Ecole Normale Supérieure. Двукратно он осуществлял свои исследования в США в Принстонском Институте Перспективных исследований (Institute for Advanced Study), что является честью, которой многие западные исследователи могут позавидовать».

Поль Бернар, Академик Института Франции и Вероника Шильц, корреспондент Института Франции:

«Nel mezzo del camin…» (В середине дороги …), ты можешь быть гордым за пройденный путь: ничто, касающееся античной Центральной Азии, не прошло мимо твоей мудрости. Помимо того, что ты всегда был очень активным в поле, но ты также сумел приобрести замечательные знания античности вообще и особенно греческой античности. Говоря кратко, ты обладаешь настоящей классической культурой, что стало в наши дни редкостью.

Ты интересовался золотом Бактрии, но также более скромными терракотовыми статуэтками, образом Геракла в Центральной Азии и дионисийской иконографией, эллинистическими культами, но также буддизмом и местными божествами, не пренебрегая разнообразием царских образов и другими сюжетами.

Ты сумел поделиться с людьми своими знаниями и показать все богатство Узбекистана посредством многочисленных конференций и сообщений в различных странах и семинаров, подобных тем, которые ты проводил в Париже в Ecole normale supérieure.

Качество твоих работ полностью признано нашей Академией надписей и Изящной словесности, которая удостоила тебя премии Хираямы (…)»

Казим Абдуллаев не остановится на достигнутом - это не в его характере. Он полон творческих сил и его научная деятельность находится на самом пике.

Коллектив Института археологии АН РУз и редакция журнала «Археология Узбекистана» желает ему крепкого здоровья, творческих успехов и новых открытий в археологии и истории нашей Республики.

МУНДАРИЖА

МАҚОЛАЛАР

М.Ж. Жўрақулов
Самарқанд воҳасининг ибтидоий маданият тарихи саҳифаси 5

В.Д. Рузанов
Палеометалл даврида Ўзбекистонда қабилалар миграцияси (1 қисм) 25

К. Абдуллаев
Ўзбекистон ҳудудидаги энг қадимги давлатлар ва уларнинг қадимги шарқ цивилизациялари билан маданий алоқалари 40

А.Э. Бердимурадов, А.А. Мусакаева
Самарқанд вилоятидан топилган Канишканинг олтин тангаси 47

М.М. Мамбетуллаев
Катта Айбуйирқала ибодатхона мажмуаси тадқиқоти 52

Ш.Т. Адылов
Нумижкат, Навакмитан, Байқанд, Ромитан (Ғарбий Суғднинг қадимий пойтахтлари тарихидан) 62

Г.П. Иванов
Риштон шаҳри тарихи бўйича янги маълумотлар 82

М.Ҳ. Пардаев, Ж.И. Ғофуров
Ғарбий Уструшонада зардўштий қавмлар излари 85

С.С. Суюнов
Қашқадарё водийсининг сув манбалари ҳақида қисқача маълумот 89

Ж.К. Мирзаахмедов, М.Н. Султонова
Бухоро воҳасининг илк ва ривожланган ўрта асрлар даврига оид материаллари мажмуаси 95

А.А. Раимқулов, Г.Х. Сиддикова
Кеш-Шаҳрисабз ҳудудида шаҳарсозлик маданиятининг шаклланиши хусусида 99

А.А. Анарбаев, З.А. Қараева
Соҳибқирон Амир Темур даврида шаҳарсозлик маданияти 108

М.А. Реутова
Лёс асос устидаги деворий суратларни бирлаштиришнинг янги усуллари ҳақида 114

ХАЛҚАРО ҲАМКОРЛИК

С.И. Мустафокулов, Т.К. Ходжайов, А.В. Громов
Эски Термиз аҳолисининг антик ва ўрта асрлар давридаги палеодемографиясига доир 120

ЁШ ТАДҚИҚОТЧИ МИНБАРИ

А.М. Омонов
Обираҳмат ғори индустриясида қўланилган леваллуа техникасининг икки хил талқини 132

А. Яркулов
Нахшабнинг археологик жиҳатдан ўрганилиши тарихидан 135

ТАНҚИД ВА ТАҲЛИЛ

М.Ҳ. Пардаев
А. Отахўжаев. Илк ўрта асрлар Марказий Осиё цивилизациясида турк–суғд муносабатлари 142

АХБОРОТ

К.А. Раҳимов, М. Саидов
“Ўзбекистон тарихининг долзарб муаммолари ёш тадқиқотчилар талқинида” мавзусидаги ёш олимлар илмий амалий конференцияси ҳақида 145

М.Ҳ. Пардаев
«Ўзбекистон Республикаси ҳудудида 2010 йилда ўтказилган археология тадқиқотлари натижаларига бағишланган ҳисобот сессияси» йиғилиши ҳақида Самарқанд, 31 март - 1 апрел 2011 йил 147

БИЗНИНГ ЮБИЛЯРЛАР

Козим Абдуллаев – олим, археолог, санъатшунос 149

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИКАЦИИ

М.Д. Джуракулов
Страницы истории первобытной культуры Самаркандского оазиса 5

В.Д. Рузанов
Миграции племен в Узбекистане в эпоху палеометалла (часть 1) 25

К. Абдуллаев
Древнейшие государства на территории Узбекистана и их культурные связи с древневосточными цивилизациями 40

А.Э. Бердимурадов, А.А. Мусакаева
Золотая монета Канишки из Самаркандской области 47

М.М. Мамбетуллаев
Исследования храмового комплекса Большая Айбуйиркала 52

Ш.Т. Адылов
Нумиджкат, Навакмитан, Байканд, Рамитан (из истории древних столиц Западного Согда) 62

Г.П. Иванов
Новые данные по истории города Риштан 82

М.Х. Пардаев, Дж.И. Гафуров
Следы зороастрийских общин в Западной Уструшане 85

С.С. Суюнов
Краткие сведения о водных источниках Кашкадарьинской области 89

Дж.К. Мирзаахмедов, М.Н. Султанова
Комплекс материалов рубежа раннего и развитого средневековья из Бухарского оазиса 95

А.А. Раимкулов, Г.Х. Сиддикова
О формировании городской культуры на территории Кеша-Шахрисабза 99

А.А. Анарбаев, З.А. Караева
Градостроительная культура в эпоху сахибкирана Амира Темура 108

М.А. Реутова
О новых способах монтировки монументальной живописи на лессовой основе 114

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

С.И. Мустафакулов, Т.К. Ходжайов, А.В. Громов
К палеодемографии населения Старого Термеза в эпохи античности и средневековья 120

ТРИБУНА МОЛОДОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

А.М. Омонов
Двоякая интерпретация техники леваллуа в наборе индустрии грота Обирахмат 132

А. Яркулов
Из истории археологического изучения Нахшаба 135

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

М.Х. Пардаев
А. Атаходжаев. Тюрко-согдийские отношения в цивилизации Центральной Азии в эпоху раннегосредневековья 142

СООБЩЕНИЯ

К.А. Рахимов, М. Саидов
О научно практической конференции молодых ученых на тему «Актуальные проблемы истории Узбекистана в интерпретации молодых исследователей» 145

М.Х. Пардаев
О годичной отчетной сессии посвященной результатам археологических работ проведенных на территории Республики Узбекистан в 2010 году 147

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Казим Абдуллаев – ученый, археолог, искусствовед 149

CONTENTS

ARTICLES

M.D. Jurakulov
The Pages of History of Pre-historic Culture of Samarkand Oasis 5

V.D. Ruzanov
Migration of Tribes in Uzbekistan in Paleolithic Epoch (Part 1) 25

K. Abdullaev
The Ancient States on the territory of Uzbekistan and their cultural relations with Ancient East Civilizations 40

A.E. Berdimradov, A.A. Musakaeva
The Golden Coin of Kanishka from Samarkand region 47

M.M. Mambetullaev
The Research of Temple complex of Aybuyrkala 52

Sh.T. Adylov
Numijkat, Navakmitan, Baykand, Ramitan (from the history of ancient capitals of Western Sogdia) 62

G.P. Ivanov
New Data on the History of Rishtan City 82

M.H. Pardaev, J.I. Gafurov
The Traces of Zoroastrian Societies in Western Ustrushana 85

S.S. Suyunov
The Brief information on the Water sources of Kashkadarya Region 89

J.K. Mirzaakhmedov, M.H. Sultanova
The Complex of materials of Early Medieval and Medieval Period from Bukhara Oasis 95

A.A. Raimkulov, G.H. Siddikova
On Formation of Urban Culture on the territory of Kesh-Shakhrisabz 99

A.A. Anarbaev, Z.A. Karaeva
Urban building Culture in Epoch of sahibkiran Amir Temur 108

M.A. Reutova
On the new Methods of installation of monumental painting on the loess base 114

INTERNATIONAL COOPERATION

S.I. Mustafakulov, T.K. Khodjayev, A.B. Gromov
To the Paleodemography of Old Termez Population in Ancient and Medieval Period 120

TRIBUNE OF YOUNG RESEARCHER

A.M. Omonov
Double interpretation of the levalloi technique in the set of Obirakhmat Grote Industry 132

A. Yarkulov
From the history of archaeological research of Nakhshab 135

CRITICS AND BIBLIOGRAPHY

M.H. Pardaev
A.Atakhodjaev. Turk-Sogdian Relationship in Central Asian Civilization in Early Medieval Epoch 142

MESSAGES

K.A. Rakhimov, M. Saidov
On the Scientific and Practical Conference of yang scholars on the topic "Actual Problems of History of Uzbekistan in the interpretations of Yang Researchers" 145

M.H. Pardaev
Report of the annual meeting devoted to the archaeological investigations in Uzbekistan in the 2010-th year 147

OUR JUBILEES

Kazim Abdullaev – scholar, archaeologist, art historian, 149

Академия наук Республики Узбекистан

№ 1 (2) - 2011

Журнал основан в сентябре 2010 г.
Выходит 3 номера в год

Учредитель: Институт археологии им Я. Гулямова
Академии наук Республики Узбекистан

Адрес редакции: 140151, Самарканд, ул. В.Абдуллаева, 3
Телефон: (366) 232-15-13; E-mail: uzarchae@yahoo.com, uzarchae@mail.ru

©Институт археологии им Я. Гулямова Академии наук Республики Узбекистан, 2011

ISSN 2181-032X

Редакторы:
Ж.К. Мирзаахмедов, М.Х. Пардаев

Компьютерная верстка:
Т.Х. Очилов

Компьютерный набор:
Ё. Рашидова

Журнал зарегистрирован Агентством по печати и информации
Республики Узбекистан 30 сентября 2010 г.
Регистрационный номер № 0592

Сдано в набор 07.04.2011. Подписано в печать 16.05.2011.
Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Гарнитура Times. Усл. печ. л. 12.
Тираж 500 экз. Заказ 294.

Отпечатано в типографии Институте археологии АН РУз.
140151, Самарканд, ул. В. Абдуллаева, 3.
Телефон: (366) 232-12-90

ISSN 2181-032X